

А. И. Белов

А. М. ПЕШКОВСКИЙ
КАК ЛИНГВИСТ
И
МЕТОДИСТ

УЧПЕДГИЗ · 1958

А. И. БЕЛОВ

А. М. ПЕШКОВСКИЙ
КАК ЛИНГВИСТ
И МЕТОДИСТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА 1958

ОТ АВТОРА

Настоящая работа предназначена для преподавателей филологических факультетов педагогических институтов и университетов, для учителей-словесников средних школ, а также для студентов, изучающих курс современного русского литературного языка.

В ней раскрываются теоретические основы грамматической и методической системы проф. А. М. Пешковского в ее историческом развитии. Испытывая сначала значительное влияние школы Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковский постепенно, но неуклонно преодолевал ошибочные положения формализма, используя в своей научной деятельности новые теоретические положения, которые выдвигались лингвистикой, а также школьной практикой. Многие вопросы, интересовавшие А. М. Пешковского, и до сих пор еще далеко не полностью обозначены и разработаны в научной и методической литературе.

Анализ научно-педагогической деятельности А. М. Пешковского дается здесь в следующем плане: 1) общественно-педагогическая и научная биография А. М. Пешковского и оценка его наследия лингвистами и методистами; 2) общая характеристика его грамматической системы; 3) учение А. М. Пешковского о словосочетании; 4) учение А. М. Пешковского о предложении; 5) учение А. М. Пешковского о частях речи в русском языке; 6) А. М. Пешковский о содержании и значении школьной и научной грамматики и их взаимоотношениях.

Такой круг вопросов позволяет показать наиболее существенное в наследии ученого и установить черты преемственности от истории грамматических учений к Пешковскому и от Пешковского к нашей современности.

Намеченные выше вопросы анализа грамматической системы А. М. Пешковского разрешаются в свете диалектико-материалистического советского языкознания, а именно:

1) конкретно-исторического освещения научной деятельности Пешковского в связи с эпохой, его породившей, и местом, которое он занимает в советской науке;

2) рассмотрения грамматической системы Пешковского в ее развитии;

3) установления связей теоретической стороны грамматической системы Пешковского с методикой ее изложения самим автором (причем методика будет интересовать нас лишь в меру органической необходимости, в связи со спецификой научной деятельности Пешковского).

Грамматическое и методическое наследие А. М. Пешковского освеща-

лось в литературе неоднократно и с разных сторон. Однако общих и единых критериев в оценке его наследства пока еще не наметилось. Более того, противоречивое отношение к нему различных по своим концепциям ученых (лингвистов и методистов) продолжает ощущаться и до сего времени, что значительно препятствует подлинно научному, объективному отношению советской общественности к трудам А. М. Пешковского, одного из крупных представителей нашего отечественного языкознания.

Необходимо защитить грамматическое учение проф. А. М. Пешковского от суровых и не всегда справедливых суждений и оценок, в которых чувствуется значительная доля субъективизма. Поэтому автор настоящей работы ставит своей задачей пересмотреть наследство А. М. Пешковского в целом, по-новому взглянуть на его систему, отменить субъективизм и крайности в оценках его деятельности, положив в основу ленинские указания об историзме и объективности в решении научных вопросов. Отсюда вытекает необходимость теоретически осмыслить как ошибочные положения в наследии А. М. Пешковского, так и то положительное, что может быть использовано в работе средней и высшей школы по современному русскому языку.

Материал настоящей книги постранично описан в «Содержании» соответственно нумерации текста внутри каждой главы. Сделано это для удобства чтения.

Автор с благодарностью примет от читателей критические замечания и использует их в последующей своей работе над книгой о А. М. Пешковском.

Автор считает своим долгом выразить большую признательность доктору филологических наук проф. Е. М. Галкиной-Федорук, доктору филологических наук проф. А. И. Ефимову, а также доктору филологических наук проф. В. П. Сухотину, которые в своих развернутых рецензиях дали весьма ценные и полезные советы и указания, значительно содействовавшие улучшению настоящей работы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ ПРОФ. А. М. ПЕШКОВСКОГО И ОЦЕНКА ЕГО НАСЛЕДСТВА ЛИНГВИСТАМИ И МЕТОДИСТАМИ

1. Александр Матвеевич Пешковский родился в 1878 г. в городе Томске. В 1897 г. окончил Феодосийскую гимназию, после чего поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1899 г. был исключен из университета за участие в студенческих беспорядках и продолжал занятия естественными науками в Берлинском университете.

В 1901 г. опять поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, но в 1902 г. был снова исключен за участие в студенческих беспорядках и подвергнут шестимесячному тюремному заключению. По выходе из тюрьмы вновь был принят в тот же университет на тот же факультет, который и окончил в 1906 г. с дипломом I степени.

С 1906 по 1914 г. преподавал в различных средних учебных заведениях г. Москвы. В 1914 г. был приглашен лектором на высшие педагогические курсы Д. И. Тихомирова. С 1918 по 1921 г. состоял профессором высших учебных заведений г. Екатеринослава (ныне Днепропетровска). С 1921 по 1924 г. был профессором Первого Московского государственного университета и Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова. С 1926 по 1932 г. продолжал свою преподавательскую деятельность на педагогическом факультете Второго Московского государственного университета.

В течение всего советского периода своей научно-педагогической деятельности А. М. Пешковский — постоянный и активнейший участник многочисленных совещаний, конференций и съездов по вопросам преподавания русского языка в школе; он участвовал в работах Московского и Центрального институтов повышения квалификации учителей, был членом многих специальных ученых комиссий Наркомпроса и Главнауки. В частности, он был председателем Московской постоянной комиссии преподавателей русского языка; эта комиссия вела научно-педагогическую работу непрерывно с 1922 г.

А. М. Пешковский являлся также одним из редакторов журнала «Родной язык и литература в трудовой школе». Он зарекомендовал себя как талантливый педагог-лингвист и методист.

Смерть А. М. Пешковского 27 марта 1933 г. была воспринята советской общественностью как неожиданная и тяжелая утрата.

2. К сожалению, богатое и своеобразное лингвистическое и методическое наследство проф. А. М. Пешковского далеко еще не изучено должным образом. Интерес советской общественности к его трудам побудил Учпедгиз напечатать в 1956 г. седьмым изданием основной труд ученого «Русский синтаксис в научном освещении».

Перу проф. А. М. Пешковского принадлежит более двадцати книг (научных, методических, педагогических, учебных) и более сорока статей по вопросам лингвистики и методики русского языка. Его труды оставили глубокий след в разработке вопросов научной и школьной грамматики, обогатив науку «тончайшими наблюдениями над русским языком» (Л. В. Щерба).

Грамматическая система А. М. Пешковского характеризует собой определенный исторически обусловленный этап развития русской лингвистики и методики преподавания русского языка.

В первые два десятилетия XX в. русская грамматика, в особенности школьная, находилась под значительным влиянием научных и методических воззрений акад. Ф. И. Буслаева, причем основные его положения обычно упрощались и даже вульгаризировались. Критика грамматических взглядов Буслаева, содержащаяся в трудах русских лингвистов конца XIX и начала XX в. (Потебни, Фортунатова, Овсяннико-Куликовского и др.) слабо проникала в среду учительства.

В то время грамматическая теория развивалась большей частью на материале памятников древнерусского языка, мало привлекался материал современного русского языка. Неудовлетворенность положением в области грамматики — теоретическим состоянием и методикой преподавания ее в школе — проявлялась в кругах передового учительства все глубже и резче. Это отразилось, в частности, в выступлениях ряда делегатов съезда преподавателей русского языка военно-учебных заведений в 1903 г. На съезде выступили с лекциями академики А. И. Соболевский, Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов.

Была подготовлена почва для переоценки многих проблем русской грамматики.

Появление в свет в 1914 г. трудов А. М. Пешковского, посвященных русскому синтаксису и взаимоотношениям школьной и научной грамматики, как нельзя более отвечало исторически назревшей потребности внести новизну в область науки и школы.

Большой интерес и сочувствие к этим трудам Пешковского был обусловлен тем, что они вводили читателя в круг новых

идей и понятий: грамматика трактовалась Пешковским как наука о формах языка, о строе слов, словосочетаний и предложений.

Пешковскому удалось представить богатейший иллюстративный материал из современного русского языка и на основе его анализа сделать научные обобщения и выводы, в которых грамматика рассматривалась в тесной связи с психологией, причем логическое содержание форм языка Пешковским не отрицалось, а включалось в аспект грамматического анализа языкового материала.

Однако Пешковскому вначале не удалось преодолеть двойственность и противоречивость, которые были обусловлены влиянием двух далеко не родственных грамматических систем — системы Потевни и системы Фортунатова. Второе издание «Русского синтаксиса» (1920 г.) мало что изменило в его внутреннем содержании (изменения и дополнения носили частный характер). Годы 1920—1928 были периодом наиболее энергичной и плодотворной научной и методической деятельности А. М. Пешковского. В эти годы принципы так называемой формальной грамматики получили чрезвычайно широкое распространение в области школьного преподавания русского языка. Понятие грамматической формы трактовалось крайне упрощенно (обращалось внимание лишь на внешнюю, звуковую сторону слов и словосочетаний). Грамматическое значение формы почти полностью игнорировалось.

Опасность нового кризиса в области грамматики обозначилась довольно отчетливо. Стали говорить о застое и «тупике» как в области научной, так и школьной грамматики.

А. М. Пешковский одним из первых начал борьбу с так называемым «ультраформализмом» в грамматике; он писал статьи, составлял школьные пособия по языку. Завершением этой деятельности ученого и явилось третье издание «Русского синтаксиса в научном освещении» (1928 г.), коренным образом переработанного и отразившего новую грамматическую концепцию Пешковского. В этом труде автор сделал плодотворные попытки дать материалистическое объяснение языковых фактов, стремился рассматривать грамматическую форму в неразрывной связи со значением (реальным и грамматическим).

Подобные научные искания автора и его методические устремления нашли новое выражение в его трехтомном учебном руководстве «Наш язык» (первое издание первой части относится к 1922 г., последняя, третья часть — к 1927 г.), в четырехтомном учебном руководстве «Первые уроки русского языка» (изд. 1928—1931 гг.) и в многочисленных лингвистических и методических статьях в период 1917—1933 гг.

Главным предметом научной деятельности А. М. Пешковского были вопросы русского языкознания, в частности проблемы русского синтаксиса. Последнему и посвящен основной научный

труд А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении».

Первое издание названного труда было встречено весьма сочувственно как русскими, так и западноевропейскими лингвистами, в частности акад. Ф. Ф. Фортунатовым, акад. А. А. Шахматовым, проф. Бернекером, проф. Фасмером и др. Оно было премировано Академией наук в 1915 г.

«Русский синтаксис» Пешковского остается до сего времени одним из учебных пособий для вузов, являя собой образец глубокого и оригинального исследования грамматического строя русского языка.

Ряд многочисленных отзывов и рецензий на эту книгу (профессоров Е. Ф. Будде, Л. А. Булаховского, Д. Н. Ушакова, позднее академиков А. А. Шахматова, Л. В. Щербы и др.) свидетельствует о том, что книга Пешковского — явление, действительно, необыкновенно крупное, решающее большие научные проблемы, хотя и не лишенное ряда ошибок формалистического порядка.

«Русский синтаксис в научном освещении», значительно переработанный в 1928 г. и выражающий собой новую, более совершенную научную концепцию автора, явился ценным вкладом в советскую науку о русском языке. Эта книга оказала влияние на развитие советской грамматической мысли (не только русской). Это «труд, во многом отражающий современное ее состояние, полный глубоких и верных наблюдений над языком нашей эпохи, образец живой, пылкой, непрерывно идущей, самоотверженно устремленной вперед научной мысли»¹.

Названный труд определяет собой не только лингвистические, но и методические устремления автора. Большинство его статей является лишь детализацией этой его грамматической концепции, которую он активно пропагандировал и в целом ряде своих устных выступлений: на совещаниях, съездах и конференциях по специальным вопросам.

Значительное место в истории грамматики русского языка занимает и вторая книга А. М. Пешковского «Школьная и научная грамматика» (1914 г.). Она в сущности является приложением к основному труду автора — «Русскому синтаксису». Так, например, пространное введение этой книги (стр. 5—43) — не только самостоятельный очерк основных понятий синтаксиса, но в то же время и конспект «Русского синтаксиса». В «Школьной и научной грамматике» Пешковский поднял ряд новых проблем (грамматика и интонация, интонация и пунктуация и др.). Названная книга в последующих переизданиях перерабатывалась.

К 1925 и 1930 гг. относится появление в свет известных его книг — сборников по вопросам методики, лингвистики и стилистики.

---

¹ Из вступительной статьи проф. А. Б. Шапиро к седьмому изданию «Русского синтаксиса» А. М. Пешковского (Учпедгиз, 1956, стр. 6).

Эти сборники статей Пешковского (изд. 1925 и 1930 гг.) по вопросам методики родного языка, лингвистики, стилистики и поэтики не потеряли своего значения и до настоящего времени и являются также ценным вкладом в науку о современном русском языке.

Некоторые лингвистические статьи Пешковского, печатавшиеся в журналах и затем вошедшие в упомянутые сборники, были для своего времени чрезвычайно плодотворными; в них разрешались важнейшие для того времени вопросы, например: 1) «В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?» (1924 г.); 2) «Объективная и нормативная точка зрения на язык» (1924 г.); 3) «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?» (1926 г.); 4) «Еще к вопросу о предмете синтаксиса» (1929 г.); 5) «Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения» (1929 г.) и др.

3. Методическое наследство А. М. Пешковского также весьма значительно. Достаточно сказать, что основной труд Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» написан «педагогом для педагогов и с педагогическими целями» (по признанию самого автора), и, следовательно, вопросы теории языка представлены в этом труде в непосредственной связи с практикой изложения их в школе, в связи с задачами культуры речи и стилистики. Отсюда широко применяемый автором метод наблюдения в подаче языковых фактов, определения, выводы, обобщения и т. п. Некоторые главы «Русского синтаксиса» имеют настолько подчеркнутый методический характер, что в значительной мере претендуют быть методическим руководством, а не только главами теоретического курса (например, главы VI и VII о частях речи, глава XXII об обособленных членах, главы XXVI—XXVIII о сочинении и подчинении предложений и др.). Методический профиль книги Пешковского «Школьная и научная грамматика», излагающей опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике, выражается в том, что основные разделы этой книги являются в сущности методической реализацией главных положений «Русского синтаксиса». Это: 1) противоречия между школьной и научной грамматикой; 2) школьный разбор и научная грамматика; 3) знаки препинания и научная грамматика. Со второго издания книга «Школьная и научная грамматика» имеет дополнительную главу «Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания» (стенограмма доклада автора на первом Всероссийском съезде словесников в 1916—1917 гг.).

Таким образом, Пешковский, сам в прошлом преподаватель средней школы, пришел в науку от школьной практики и, работая в области теории русского языка, не только не отошел от вопросов школьного преподавания, но, наоборот, посвятил им ряд своих трудов.

Солидное место среди последних занимает и его трехтомный труд «Наш язык», каждая из частей которого делилась на книгу

для ученика и книгу для учителя. «Наш язык» представляет собой своеобразный по форме и богатый по содержанию труд по методике русского языка в средней школе, подобного которому не существовало ранее. В годы 1922—1927 «Наш язык» выдержал несколько изданий. Пешковский сделал, несомненно, очень интересную попытку построения школьного курса русского языка на новом и прогрессивном для того времени принципе наблюдений над языком, который должен был прийти на смену царившей в течение всего предшествовавшего периода зубрежке догматически изложенных в учебнике правил.

Но «Наш язык» нес на себе значительный груз ранней грамматической концепции Пешковского, и его методологические дефекты были осуждены позднее самим автором, как увлечение «звукоедством».

В эти же годы выдержали ряд изданий его учебники для начальной школы (в соавторстве с Андреевской и Губской) под названием «Первые уроки русского языка» (для I, II, III и IV годов обучения) ¹.

Многочисленные методические статьи Пешковского, собранные в двух его сборниках (изд. 1925 г. и 1930 г.), а также ряд журнальных статей, не вошедших в эти сборники, уже прямо адресованы школе, непосредственной практике, опыту учителя.

Перечислим некоторые из них, непосредственно адресованные школе:

1) «Правописание и грамматика в их взаимоотношении в школе» (1924 г.); 2) «Грамматика в новой школе» (1930 г.); 3) «Синтаксис в школе» (1925 г.); 4) «Вопросы изучения языка в семилетке» (1930 г.); 5) «Цели и методы учета орфографических ошибок» (1928 г.); 6) «Интонация и грамматика» (1930 г.); 7) «Роль грамматики в обучении стилю» (1927 г.); 8) «О грамматическом разборе в V—VII классах средней школы» (1934 г., по-смертно опубликованная статья); 9) «Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы» (1930 г.); 10) «Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения» (1929 г.) и целый ряд других статей, представляющих и общелингвистический и методический интерес («Еще к вопросу о предмете синтаксиса» (1928 г.), «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?» (1926 г.) и др.).

Говоря о методическом наследстве Пешковского, надо иметь в виду не только описание личного педагогического опыта, но и научно-обоснованную систему его методических взглядов, теоретически обобщающих опыт многих приемов обучения с точки зрения их наибольшей целесообразности. Надо строго различать методы в научном смысле слова от *методов* и «метод» в кавычках: последние представляют собой большей частью не научно обоснованные

---

¹ Подробную библиографию работ А. М. Пешковского см. в конце данной книги.

системы, а описание практически сложившегося преподавания того или иного предприимчивого преподавателя¹.

Следует подчеркнуть, что методические взгляды Пешковского определяются не столько его школьными учебниками («Наш язык», «Первые уроки»), сколько «Русским синтаксисом», являющимся методологической и теоретической основой всех методических статей последнего пятилетия жизни автора. Они органически слиты с его новейшими лингвистическими построениями, а «Наш язык» — это всего лишь частичное изложение грамматической системы Пешковского. Несмотря на наличие ошибок, в этом труде имеется также много ценных методических положений.

В методической системе Пешковского можно обнаружить много полезного для современной школьной практики, в частности, в оригинально разработанном Пешковским методе наблюдения над языком. В методе наблюдения Пешковского, несомненно, есть рациональное зерно, его необходимо использовать в новом методическом аспекте, конечно, не гипертрофируя и не объявляя его единственным методом, как это имело место в практике школ первого десятилетия советской власти. Подчеркнутая роль учителя в изложении материала, синтезирующая и обобщающая роль учебника, известная доля догматизма в изложении и т. п. вовсе не снимают метода наблюдения. Поэтому естественно, что метод наблюдения и в настоящее время находит себе разумное место в общей системе методической работы учителя.

Целый ряд частных методических вопросов (методика грамматического разбора, роль грамматики в обучении правописанию, грамматика и культура речи и т. д.) мог бы найти более глубокую реализацию в школьной практике наших дней, если бы учительство в большей мере обращалось к предшествующему опыту наших методистов-теоретиков, в том числе к лингвистическому и методическому наследию Пешковского.

Проф. А. М. Пешковский много работал не только в области методики преподавания русского языка в школе, опубликовав ряд статей по специальным вопросам школьной практики, но также вел большую работу по составлению орфографического словаря для начальной и средней школы (по заданию Учпедгиза). А. М. Пешковский предполагал согласовать правописание слов в этом словаре с большим орфографическо-грамматическим справочником, подготовлявшимся под его же редакцией к изданию в издательстве «Советская энциклопедия». Но редакция большого справочника не была доведена им до конца, и не была проведена предполагавшаяся унификация противоречивых написаний². По-

¹ См. замечания акад. Л. В. Щербы в книге «Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики», изд. АПН РСФСР, 1947, стр. 15.

² Только в 1956 г. идея унификации правил орфографии и пунктуации получила, наконец, практическое осуществление (см. «Правила русской орфографии и пунктуации», Учпедгиз, М., 1956).

сле смерти А. М. Пешковского словарно-орфографическую работу завершил проф. Д. Н. Ушаков, орфографический словарь которого появился в свет уже в 1934 г.

4. А. М. Пешковский, как это видно по его работам, представляет собой не замкнувшегося в пределах немногих (ограниченных по своему масштабу) вопросов научного работника, а крупного ученого-языковеда, ставящего перед собой широкие лингвистические проблемы, творчески пересмотревшего достижения целого ряда своих предшественников (Потебни, Фортунатова, Шахматова, Бругмана, Дельбрюка, Риса, де Соссюра и др.) и создавшего собственную, хотя и не лишенную противоречий, но весьма глубокую синтаксическую систему (при этом некоторые вопросы впервые подробно разработаны в русской лингвистической литературе именно А. М. Пешковским, например, вопрос об интонации в ее взаимоотношении с синтаксисом и логическим содержанием предложения).

Говоря о месте Пешковского в науке, необходимо заметить, что еще в 1928 г., когда в Академии наук СССР открылось вакантное место, научные работники г. Москвы предлагали избрать в действительные члены Академии наук по отделению литератур и языков европейских народов Александра Матвеевича Пешковского, автора большого числа научных и научно-педагогических печатных работ.

В этом обращении научных работников в Академию наук СССР говорилось, что «А. М. Пешковского следует считать крупным ученым, автором выдающихся трудов, соединяющим широкие научные интересы с высоко полезной общественно-педагогической деятельностью»¹.

Важно отметить, что Пешковский был активным участником борьбы за советскую науку и школу в тот период советской научной мысли, когда шла коренная ломка старых лингвистических построений и методов преподавания русского языка и закладывались новые теоретические основы советской методики.

Сложные и многообразные вопросы методики русского языка в школе Пешковский разрешал, опираясь на свою лингвистическую систему, и стремился к тому, чтобы школьное преподавание грамматики было научным, чтобы между школьной и научной грамматикой не было разрыва.

Таким образом, лингвистическое наследство А. М. Пешковского трудно рассматривать как нечто отдельное от его методических

---

¹ Цитирую по копии упомянутого обращения, любезно предоставленной мне научным сотрудником АН СССР проф. А. Б. Шапиро.

Наша ссылка на факт представления в 1928 г. кандидатуры Пешковского для избрания его в академики, конечно, не может служить прямой аргументацией для утверждения высоты его научного авторитета (избран был не он, а другой кандидат), однако этот факт является немаловажным косвенным доказательством солидного удельного веса Пешковского в научных кругах того времени.

взглядов. Более того, следует подчеркнуть, что *лингвистические работы Пешковского настолько тесно и неразрывно связаны с его педагогическими, методическими работами*, что трудно говорить отдельно об этих сторонах его наследства.

Вот почему, говоря о научном наследстве Пешковского, нельзя не видеть связи между теорией и методикой, ибо первая у него есть научное основание второй, а последняя — практическое выражение первой. Такие, например, вопросы, как предмет грамматики и его отношение к логике и психологии, взаимоотношение школьной и научной грамматики, учение об обособленных второстепенных членах предложения и т. п., являются столько же теоретическими, сколько и методическими. Методические взгляды Пешковского, по признанию ряда методистов (проф. П. О. Афанасьева, С. И. Абакумова и др.), имели не только лингвистическое, но и глубокое общепедагогическое и психологическое обоснование. Основной теоретический труд его «Русский синтаксис в научном освещении» характеризуется, между прочим, и тем, что в изложение теории предмета очень часто включаются методические соображения автора и само изложение собственно подчинено идее сделать «высоты науки» доступными школе и вместе с тем поднять практику преподавания русского синтаксиса до уровня современного автору научного понимания предмета. Характерен подзаголовок второго труда Пешковского «Школьная и научная грамматика», указывающий на тесную связь теории и практики («Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике»). Таким образом, уже первые теоретические работы Пешковского явились закономерным откликом их автора на потребности времени, в частности на потребности школьной практики. Эволюция взглядов Пешковского была обусловлена действием двух факторов: 1) влиянием лингвистических концепций Потебни, Фортунатова, Шахматова и др., которые импонировали Пешковскому в его стремлении осознать современные ему грамматические системы и привести свои построения в соответствие с новыми научными достижениями, и 2) потребностями школьной практики, где с наибольшей остротой ощущалось несоответствие между научной и школьной грамматикой, находившейся в то время в состоянии глубокого кризиса.

Основной задачей всех работ Пешковского всегда являлось внедрение в школу элементов научного языкознания. Еще в 1915 г. А. М. Пешковский ведет неустанную и с каждым годом все усиливающуюся борьбу за повышение квалификации учителя русского-языка, за привитие ему навыков научно-лингвистического мышления.

Общественно-педагогическая активность А. М. Пешковского была исключительно высока. Научная добросовестность, глубокое проникновение в сущность решаемых им проблем, аккуратность в труде, скромность и деликатность в отношении к окружающим — все эти высокие личные качества ученого были проникнуты его сознанием морального долга перед наукой и школой.

Разносторонне образованный, с широкой научной эрудицией, чрезвычайно требовательный к себе, Пешковский в своих трудах по языкознанию никогда не был дилетантом; его работы отличаются исключительной глубиной мысли, научной обстоятельностью и высоким мастерством изложения.

5. Чтобы определить своеобразие лингвистического и методического наследства А. М. Пешковского и найти наиболее объективные критерии оценки его научно-педагогической деятельности, представляется целесообразным привести отзывы о Пешковском представителей современной науки о языке — лингвистов и методистов. Это покажет всю сложность поставленной в нашей работе проблемы, а также обнаружит и крайности в оценке как отдельных трудов, так и всей грамматической и методической системы А. М. Пешковского.

Здесь же нужно поставить под сомнение и ряд почти стабилизировавшихся заключений отдельных критиков по поводу наследства Пешковского. Впрочем, в оценке Пешковского, пожалуй, менее всего можно говорить о «стабильности», ибо более тридцати критических работ о Пешковском не только разноречивы, но часто и внутренне противоречивы. Различные оттенки этих многочисленных отзывов о Пешковском можно, однако, свести в основном к четырем группам:

а) Ряд критиков (Л. В. Щерба, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, С. И. Бернштейн, Л. А. Булаховский, С. И. Абакумов, в последнее время и А. Б. Шапиро) считает, что труды А. М. Пешковского — большое научное явление; они вносят ценный вклад в науку о русском языке, являются базой и точкой отправления современных грамматических исследований.

б) Вместе с тем некоторые из этих критиков (В. В. Виноградов, А. Б. Шапиро и др.) в то же время утверждают, что труды А. М. Пешковского — это неудачный синтез учений Потебни, Фортунатова, Шахматова, Ф. де Соссюра и других лингвистов. Эти труды, по их мнению, не имеют самостоятельного значения и во многом эклектичны.

в) Свообразную позицию занимают критики, оценивающие Пешковского как продолжателя логицизма, путающего грамматику с логикой (Е. Ф. Будде, частью М. Н. Петерсон, Д. Н. Ушаков).

г) Крайним нигилизмом пронизаны высказывания критиков (Е. Н. Петровой и др.), утверждающих, что А. М. Пешковский — формалист, идеалист, лингвист буржуазного толка и по своим устремлениям чужд советской школе и советскому языкознанию и как лингвист, и как методист.

Внутри первых двух групп шел спор о том, в какой мере преодолен (или не преодолен) Пешковским формализм: «вполне преодолен» (С. И. Абакумов) или «не вполне преодолен» (В. В. Виноградов).

Так, в 1950 г. была опубликована статья академика В. В. Виноградова под названием «Идеалистические основы синтаксиче-

ской системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия»¹. В этой статье акад. В. В. Виноградов, правильно подвергая критике ряд ошибочных положений Пешковского, очень мало говорит о положительных сторонах его деятельности и в результате приходит к следующему выводу: «Несмотря на множество конкретных тонких синтаксических наблюдений в области современного русского литературного языка, содержащихся в «Синтаксисе» А. М. Пешковского и в отдельных его статьях, несмотря на большой талант и глубокое языковое чутье этого ученого, лингвистические труды А. М. Пешковского не только не соответствуют, но и существенно противоречат методологическим установкам и требованиям советского языкознания»² (разрядка моя. — А. Б.).

Согласиться с такой суровой оценкой наследства А. М. Пешковского — это значит отвергнуть принципиальную важность и значение этого наследства и, в сущности говоря, поставить крест на всем творческом наследии ученого.

Попытаемся проследить критику трудов Пешковского в некоторой хронологической последовательности.

Первым по времени печатным отзывом на труды Пешковского является пространная статья — рецензия казанского профессора Е. Ф. Будде (1859—1929) на «Русский синтаксис в научном освещении», напечатанная в «Журнале министерства народного просвещения» за 1914 г. (декабрь). Рецензия Будде претенциозна и написана в духе явного недоброжелательства по отношению к Пешковскому. Автор прежде всего спешит объявить, что первенство в разработке научных основ формальной грамматики принадлежит ему, проф. Будде: он-де еще в 1901 г. написал учебник «Этимология», а в 1912 г. опубликовал свои «Основы синтаксиса русского языка» (стр. 343 журнала). Проф. Будде с явной иронией заявляет, что вот-де какой-то учитель среднего учебного заведения осмеливается писать «Русский синтаксис», да еще в «научном освещении», объемом почти в 500 страниц. Отсюда и все последующие обвинения, сводящиеся везде к одному: «Пешковский запутался», «Пешковский не понял» и т. д., поэтому ему, Пешковскому, не следовало бы объявлять себя последователем Потемкина и Фортунатова; «за добрую половину книги г. Пешковский должен брать ответственность только на себя и на свои «школьные записки», не стараясь разделить эту ответственность с корифеями русской лингвистической мысли». По мнению Будде, Пешковский создал в книге кучу противоречий, что он-де «фантазирует и приклеивает новые ярлыки» грамматическим понятиям, что он сам многого не понимает, что многое «г. Пешковский для публики еще более затуманил».

¹ См. сборник статей «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, М., 1950, стр. 36—75.

² Сборник «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, 1950, стр. 74.

Главное обвинение Будде сводится к тому, что Пешковский, не смешивая грамматики с логикой, «рассматривает предложение как выражение мысли» и «постоянно ссылается на отношение слов друг к другу *по смыслу и значению* и в этом отношении находит возможным видеть *синтаксические отношения*» (курсив Будде. — А. Б.). Какой же это «научный» синтаксис! Будде требует только формальных определений, вне всяких смысловых, логических начал. «Господин Пешковский как раз забывает,—пишет Будде,— что для грамматики нет никаких «обстоятельств», нет «определений»: для нее есть формы согласования и управления...» Это утверждение является развитием формально-грамматической концепции рецензента, который в «Учебнике грамматики русского языка», (ч. II, синтаксис) так и заявлял: «Я строго отделяю грамматику от логики, как две различные науки, *не находящиеся между собой ни в какой связи*» (курсив мой. — А. Б.). Пешковский, считая себя последователем формальной школы Фортунатова, в ответной статье оспаривает формалистические крайности рецензента. По основному вопросу — о взаимоотношении логики и грамматики — Пешковский энергично отстаивает положение о том, что синтаксические отношения нельзя видеть вне смысла и значения. Он считает, что грамматика, освободившись от «рабского служения» логике, должна вступить с ней во «взаимодействие», которое никак не достигнется механическим отсечением одной науки от другой¹, а книгу Будде «Основы синтаксиса русского языка» (1912 г.) Пешковский считает «шагом назад по сравнению с системой Поттебни».

Проф. Л. А. Булаховский в 1915 г. в журнале «Наука и школа» (№1) напечатал краткую рецензию (4—5 стр.) на книги Пешковского «Русский синтаксис» и «Школьная и научная грамматика», рассматривая последнюю лишь как приложение к первой. Автор высоко оценивает труды Пешковского, как явление выдающееся: «Книга г. Пешковского — выдающееся явление в русской литературе по синтаксису. И по богатству привлеченного к исследованию литературного материала, и по тонкости анализа, и по живости, часто увлекательности, изложения она имеет право на исключительное внимание». И далее: «Большой популяризаторский талант автора в данном случае проявился в полной мере. Хорошее изложение в книге того, что твердо установлено в науке, признается даже в несправедливой, на мой взгляд, в других отношениях рецензии Е. Ф. Будде (Ж. М. Н. П., № 12, 1914 г., сравн. Ж. М. Н. П., № 4); но и то, что вносится автором в субъективном освещении или проработано им совершенно самостоятельно, представляется мне заслуживающим полного внимания. Отмечу, например, в отделе V превосходно написанную главу XXIII, посвященную анализу особенно трудного отдела синтаксиса — глаголов-связок и сказуемых второстепенных членов, и главу

¹ А. М. Пешковский, Ответ на рецензию Е. Ф. Будде, «Журнал министерства народного просвещения», 1915, апрель, стр. 420.

XXVI, в которой исследована музыкальная сторона, характеризующая обособленные второстепенные члены, отдел VIII «Сочетание предложений», где последовательно проанализирована внешняя сторона сложного предложения в русском языке, и благодаря этому впервые ясно выступают объекты дальнейшего исследования этого рода явлений».

Л. А. Булаховский устанавливает «ясное разграничение логики и грамматики в сознании самого автора (см. в особенности главу XXXVII «Члены предложения и члены мысли»): ища средств выражения психологического подлежащего и сказуемого, он остановился именно на тех типах, которые характеризуются известными внешними, морфологическими признаками». Но рецензент считает, что Пешковский делает совершенно искусственное ограничение в истолковании психологического подлежащего и сказуемого, указывая на значительное число расхождений между членами предложения и мысли. Упрекая Пешковского в том, что он неясно раскрыл понятие «член предложения», Булаховский считает, что установление «психологического содержания... категорий» является главным объектом исследования, но таким объектом, который обязательно сопровождается установлением формально-грамматических признаков. (Ср. точку зрения Будде, настаивавшего на устранении из синтаксиса всяких логических понятий в определении членов предложения.)

Эти возражения Булаховского по содержанию труда Пешковского несколько не снижают в общем положительного отношения рецензента к автору «Русского синтаксиса». Это свое отношение рецензент подкрепляет и подстрочным примечанием: «Когда настоящая рецензия была уже приготовлена в рукописи, мне стал известен отзыв о книге г. Пешковского приват-доцента Московского университета Ушакова... С удовольствием отмечаю, что автор отзыва столь же высоко оценивает достоинства книг г. Пешковского».

Проф. Д. Н. Ушаков (1873—1942) выразил свое отношение к трудам Пешковского в газете «Русские ведомости» (1915, № 91). «Не боясь заслужить упрек в преувеличении, — пишет Д. Н. Ушаков, — можно сказать, что перед нами — выдающееся явление в области учебной литературы по русской грамматике... Синтаксис Пешковского в общем чрезвычайно ценный опыт перестройки школьного синтаксиса на научных основах. Оздоровление дела преподавания грамматики в школе совершится некогда через подобные книги». По мнению Д. Н. Ушакова, «Синтаксис» Пешковского — «первая удачная попытка дать цельный облик лингвистического синтаксиса для школы».

Помимо научных достоинств книги, рецензент отмечает, что «книга написана в высшей степени популярно» и что «в лице г. Пешковского мы имеем прекрасного популяризатора».

Д. Н. Ушаков, отмечая принадлежность Пешковского, как ученого, к московской лингвистической школе тех лет, т. е. школе про-

фессора и академика Ф. Ф. Фортунатова, свидетельствует, что Ф. Ф. Фортунатов, умерший в 1914 г., успел «ознакомиться с книгой Пешковского и высказаться о ней с большой похвалой».

При сопоставлении Пешковского с Овсяннико-Куликовским Д. Н. Ушаков отмечает, что главная заслуга Овсяннико-Куликовского заключается в том, что он много сделал «на пути разрушения логической точки зрения в синтаксисе», однако «истинно лингвистического облика в труде Овсяннико-Куликовского русский синтаксис все-таки не получил». В этом отношении синтаксис Пешковского, по мнению рецензента, — «крупный шаг вперед».

Заметим от себя, что Пешковский своим трудом вовсе не ставил задачу «разрушения логической точки зрения в синтаксисе»; он считал, что между логикой и грамматикой, как уже отмечалось, должен быть необходимый естественный мост, что логика и грамматика должны взаимодействовать, а это «никак не достигается механическим отсечением одной науки от другой».

Д. Н. Ушаков правильно отмечает как новость в труде Пешковского «обращение внимания на интонацию и ритм речи, как внешние показатели известных синтаксических оттонов».

К этому же 1915 г. относится чрезвычайно ответственный документ (к сожалению, нигде до сих пор не опубликованный) — это «Разбор «Русского синтаксиса» А. М. Пешковского», принадлежащий перу проф. Д. Н. Кудрявского (1867—1920), исполненный им по поручению Академии наук. Известно, что на основании этой рецензии проф. Д. Н. Кудрявского Пешковскому была присуждена премия Академии наук в 1915 г. Отдельные выдержки из этой рецензии, опубликованные во вводной статье проф. С. И. Бернштейна к шестому изданию «Русского синтаксиса» Пешковского (1938 г.) и в статье проф. Я. В. Лоя «О лингвистических взглядах Д. Н. Кудрявского» («Русский язык в школе», 1947, № 4), свидетельствуют о весьма положительном отношении рецензента к труду Пешковского, о глубоком научном анализе грамматической системы Пешковского. Этой констатацией факта мы и вынуждены ограничиться, не располагая ни копией, ни оригиналом рецензии проф. Кудрявского.

Покойный акад. А. А. Шахматов (1864—1920) в своих набросках к университетскому курсу лекций, читанных им в последние годы его жизни (1916—1920) и изданных позднее книгой «Синтаксис русского языка» (1-е изд. в 1925—1927 гг., 2-е — в 1941 г.), дает сжатые сведения о литературе предмета и при этом замечает: «Совершенно особое место среди исследований по русскому синтаксису принадлежит замечательной книге А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении»... Автор назвал свой труд популярным очерком. Но я обращаю на него ваше внимание как на ценнейшее научное пособие; автор с удивительным талантом развил основные положения, добытые предшество-

вавшими исследователями, а прежде всего Потребней, но вместе с тем он внес в науку много нового и самостоятельного»¹.

Как видим, академик Шахматов также чрезвычайно высоко ценит труд Пешковского («ценнейшее научное пособие»), устанавливает связи его концепции с Потребней (исторический фон) и свидетельствует о новизне и самостоятельности труда Пешковского.

Таким образом, в дореволюционной научной критике труды Пешковского получили главным образом положительное признание, хотя исходные точки в их оценке были различны. Характерно, что отдельные критики, исходя из собственной концепции, пытались похвалить автора за то, в чем он им imponировал, и скомпрометировать те стороны его работ, в которых Пешковский противостоял их концепции. Субъективность такого направления особенно рельефно выявилась в рецензии проф. Будде, сентенции которого и общий претенциозный тон не были приняты ни самим Пешковским, ни другими его критиками.

Дальнейшая оценка Пешковского относится не только к ранним его трудам, но и к последующим.

Но это уже другой этап развития научной деятельности Пешковского — в условиях советской школы, когда он настойчиво пытался преодолеть кризис школьной грамматики и под этим углом зрения пересматривал общетеоретические основы своей грамматической и методической системы.

Прежде всего остановимся на рецензии проф. М. Н. Петерсона. Он выразил свое отношение к «Русскому синтаксису» А. М. Пешковского в связи с выходом в свет второго издания этой книги (1920 г.), напечатав на нее рецензию в журнале «Печать и революция». В книге Пешковского рецензент видит определенное отражение «стадии развития синтаксиса», которая «в науке еще не перейдена, не изжита». В этом смысле, по мнению Петерсона, «книга не утратила значения для науки»². Рецензент признает, что автор «Русского синтаксиса» «взял на себя нелегкую задачу дать русский синтаксис в научном освещении в то время, когда еще в синтаксической науке нет определенных и общепризнанных решений самых основных вопросов (о предмете и методе синтаксиса)... Трудности при выполнении этой задачи таковы, что было бы изумительно, если бы автору удалось преодолеть их до конца».

В дальнейшем изложении рецензент доказывает двойственность книги Пешковского, обусловленную двойственным характером самой научной основы книги: попыткой «приспособить систему Потребни... в таком направлении, чтобы она... не стояла в противоречии с... основными положениями фортунатовской школы» (как говорит сам Пешковский в своей брошюре «Синтаксис в шко-

¹ Архив Шахматова, №83/8. Цитирую по вводной статье проф. Е. Истриной к «Синтаксису» Шахматова, изд. 2, 1941, стр. 7—8.

² «Печать и революция», 1921, кн. 3, стр. 230.

ле», Харьков, 1915). По мнению Петерсона, Пешковский в определении самой задачи книги впадает в противоречия: с одной стороны, он хочет показать, «какие формы сочетаний употребляются в данном языке в данную эпоху», т. е. исходит из того, что предметом синтаксиса является учение о формах словосочетаний, а с другой стороны, автор, «к сожалению» (замечает Петерсон), не остается при этой формулировке и в дальнейшем изложении дает сведения из психологии (в IX главе) и понятие о предложении (в X главе). Рецензент в соответствии со своей концепцией тех лет — концепцией последовательного формалиста — не может согласиться с «общепсихологическим или общелогическим определением» Пешковского: «Предложение есть слово или сочетание слов, выражающее мысль».

М. Н. Петерсон говорит, что у Пешковского основной методологический вопрос синтаксиса: от формы к значению или от значения к форме (от психологических категорий к грамматическим) — излагается противоречиво, что во втором случае Пешковский «покидает фортуноватовскую точку зрения и всецело стоит на точке зрения Потевни и Овсяннико-Куликовского, которые в этом пункте близко подходят к традиционной точке зрения (т. е. к логической. — А. Б.), и разделяет все ее недостатки»¹. Для Петерсона существует только «или — или»: или логический, или формальный подход к анализу языковых явлений. Для Пешковского же (как, впрочем, и для Шахматова) путь «от формы к значению» и «от значения к форме» — это не два противоречивых тезиса, а необходимый двойной путь установления соответствий между формой и значением («система двойных соответствий» — по терминологии Шахматова). Не удивительно, что когда Пешковский критикует шаткость построения синтаксиса только на основе психологических категорий, то Петерсон приветствует эту критику и выражает надежду, что Пешковский совсем откажется от логико-психологических основ синтаксиса и перейдет на чисто формальный путь, что якобы у Пешковского уже есть это «ценное убеждение» в выборе иного пути, «которое заставляет ждать, что он станет на этот путь, тем более, что очень много указаний на него содержится в его же книге».

Однако когда сам Петерсон позднее развил чисто формальный путь исследования языка в своем «Очерке синтаксиса русского языка» (1923 г.), отказавшись от обычных понятий о предложении, о частях речи и всего того, что является основой синтаксиса, Пешковский в рецензии на эту книгу заявил, что «центр тяжести» ее заключается в том, что «словосочетания рассматриваются только со стороны взаимных отношений слов друг к другу и намеренно не рассматриваются со стороны их отношений к самой мысли»².

¹ «Печать и революция», 1921, кн. 3, стр. 231.

² «Печать и революция», 1924, кн. 2, стр. 243.

В выводах своей рецензии на книгу Петерсона Пешковский пишет, что автор «потерпел резкое крушение в своих общих построениях», «в попытках отсечь грамматическую сторону речи от ее первоисточника — мысли», что в руках некритического читателя книга Петерсона «может оказаться очень вредной вследствие спутанности основных точек зрения».

Как видим, прогноз Петерсона о характере эволюции взглядов Пешковского явно не оправдался, хотя многие его замечания не были лишены глубины и актуальности для того времени.

Акад. Л. В. Щерба (1880—1944) в статье «О частях речи» (1928 г.), говоря о необходимости полного пересмотра вопроса, признается, что он не претендует на абсолютную оригинальность в разрешении поставленной проблемы и отдает должное своим предшественникам — Овсяннико-Куликовскому и Пешковскому: «Не могу не вспомнить здесь с благодарностью книги Овсяннико-Куликовского «Русский синтаксис», — пишет он, — которая лет 20 тому назад дала первый толчок моим размышлениям над этим предметом. Из новой литературы я более всего обязан книге Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», которая является сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком»¹.

Проф. С. И. Бернштейн, один из исследователей грамматической системы Пешковского, в своей вводной статье к шестому изданию «Синтаксиса» Пешковского (1938 г.)² говорит о нем, как об «одном из талантливейших русских лингвистов последнего двадцатилетия» (стр. 39). Труд А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» является, по мнению Бернштейна, «одной из основных вех в разработке русского синтаксиса. В русской грамматической литературе он занимает видное место наряду с «Исторической грамматикой» Буслаева, «Записками по русской грамматике» Потемнина, «Синтаксисом» Овсяннико-Куликовского, «Сравнительным языковедением» Фортунатова, «Синтаксисом» Шахматова. Несмотря на ошибочность исходных положений, он и сейчас полон актуального интереса и долго еще будет служить необходимым пособием для преподавателей русского языка». Пешковский поставил перед собой задачу «обнять возможно большее число синтаксических явлений современного литературного языка». «Эту задачу, — пишет С. И. Бернштейн, — Пешковский разрешил блестяще, и его анализ конкретных явлений языка нередко отличается исключительной тонкостью. Внимательное чтение его книги обостряет способность к непосредственному пониманию грамматических средств русского языка как орудий выра-

¹ Сборник «Русская речь», новая серия, вып. 2, изд. «Академия», 1928.

² См. также статью проф. С. И. Бернштейна «Грамматическая система А. М. Пешковского», «Русский язык в школе», 1939, № 2, стр. 95—109; статья является сокращенным изложением ранней работы автора — его вводной статьи к шестому изданию «Русского синтаксиса» А. М. Пешковского.

жения мысли в тончайших ее оттенках. Именно в этом и состоит по преимуществу ее актуальное значение для широкого круга читателей и прежде всего для учителей русского языка».

Проф. С. И. Бернштейн, подводя итоги рассмотрения принципов грамматической системы Пешковского и эволюции его взглядов, говорит об эклектизме Пешковского, но отмечает неуклонное движение его к преодолению формализма. «Путь, пройденный Пешковским, глубоко поучителен: из тупика «формальной грамматики» извилистыми тропами он вел в просторную область лингвистических построений на почве диалектического единства языка и мышления. Преждевременная смерть помешала Пешковскому дойти до цели, которая раскрывалась ему в последние годы со все возрастающей отчетливостью. Советское языкознание понесло тяжелую утрату: если блуждания Пешковского не остались бесплодными для науки, то еще во много раз плодотворнее оказался бы его приход к намечавшейся цели. Он не успел до конца расчистить почву для того, чтобы возвести новое здание русского синтаксиса... «Его последние статьи показывают, что он уже вступил на верный путь».

Несомненно, что такая оценка деятельности Пешковского и характера эволюции его взглядов в значительной мере отвечает требованиям объективности, хотя в целом ряде частных вопросов С. И. Бернштейн отстаивает положения, недостаточно мотивированные, с нашей точки зрения (в оценке учения о сказуемости, об интонации и др.). Но об этом мы сейчас говорить не будем; суть вопросов выявится при анализе самой грамматической системы Пешковского.

Академик В. В. Виноградов в своем труде «Современный русский язык» (вып. 1, 1938) уделяет проф. Пешковскому специальную главу (стр. 69—85), в которой прослеживает эволюцию его грамматических взглядов, как «неудавшийся синтез учения Фортунатова, Потемни, Овсяннико-Куликовского, де Соссюра и Шахматова».

«Синтаксический «формализм» помешал Пешковскому достигнуть синтетического охвата явлений языка,— пишет В. В. Виноградов. — На всем творчестве Пешковского лежит неизгладимая печать фортунатовской концепции. Фортунатовская система, даже в то время, когда Пешковский субъективно переживал свою свободу от ее формалистических стеснений и выступал врагом «морфологизма», продолжала тяготеть над его лингвистической мыслью. Отсюда — эклектизм синтаксической системы Пешковского... Достигнуть синтеза многообразных лингвистических влияний Пешковскому не удалось»¹.

Этот отрицательный вывод об эволюции грамматических взглядов Пешковского не мешает, однако, акад. В. В. Виноградову видеть в трудах Пешковского ряд серьезных достижений и общую

---

¹ В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. 1, 1938, стр. 85.

положительную тенденцию Пешковского к преодолению формалистического эмпиризма и нигилизма фортунатовской системы¹. Большая часть очерка Виноградова уделена критике учения Пешковского о форме слова и учения о частях речи. «Осознанная Пешковским невозможность механического отсечения форм словоизменения от живой структуры слова, понимание тесной связи и взаимодействия синтаксических и словообразовательных элементов речи вели этого ученого к реформе фортунатовской системы», — пишет критик; в то же время он указывает, что «двойственность лингвистических точек зрения ...непоследовательность классификации, блуждающей на распутье между морфологическими абстракциями фортунатовской системы и потебнианскими функционально-синтаксическими характеристиками, медленно, но упорно преодолевается Пешковским»²... Более того, критик, рассматривая учение Пешковского о форме отдельного слова, приходит к выводу: «Так парализуется морфологический схематизм фортунатовского понятия «формы отдельного слова» возвратом к понятию грамматических категорий, выдвинутому еще Потемной и углубленному Шахматовым, — пишет он. — Правда, определение грамматической категории, включенное Пешковским в третье (последнее прижизненное) издание «Русского синтаксиса в научном освещении», еще не освобождено от отражений и осколков фортунатовского учения о форме. Но само это фортунатовское учение решительно преобразовано»³.

Особенно подчеркивает акад. В. В. Виноградов в грамматической концепции Пешковского «синтаксическое начало», хотя и считает его гипертрофированным и гиперболоизованным «в ущерб не только морфологическому, но и лексико-семантическому»⁴. По мнению критика, внутри «формальной категории» Пешковского «формы слова тесно сплетаются с формами словосочетаний, восполняют и обуславливают друг друга, но под «диктатурой», так сказать, синтаксических форм»⁵.

Нельзя не отметить, что позднее в своем последнем труде «Русский язык» (1947) акад. В. В. Виноградов при разрешении важнейших проблем грамматического изучения о слове обращается к Пешковскому как к одному из крупнейших авторитетов-лингвистов, упоминая его имя более чем на 80 страницах:

---

¹ В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. 1, 1938, стр. 69.

² Там же, стр. 76.

³ Там же, стр. 75—76.

⁴ Там же, стр. 83.

⁵ Там же, стр. 84.

Заметим кстати, что идея приоритета синтаксиса в грамматике была господствующей в советском языкознании вплоть до 1950 г. Сам же акад. В. В. Виноградов в свое время утверждал, что «синтаксис — организационный центр грамматики» и что «морфологические формы — это отстоявшиеся синтаксические формы» (см. стр. 29 книги В. В. Виноградова «Русский язык», 1947). Подробнее о взаимоотношении отделов грамматики см. во второй главе настоящей работы, стр. 56—64.

«...это было отмечено Пешковским» (стр. 190); «сравните замечания... А. М. Пешковского» (стр. 195); «Пешковский очень тонко заметил» (стр. 197); «Пешковский констатировал» (стр. 206); «Эти мысли были затем развиты и углублены проф. А. М. Пешковским» (стр. 264); «эту форму Пешковский иллюстрировал очень ярким примером» (стр. 264); «Пешковский справедливо подчеркивал» (стр. 323); «Пешковский правильно указывал» (стр. 349) и т. д.

В одной из своих статей «Русская наука о русском литературном языке»¹ акад. В. В. Виноградов более решительно отмечал новизну и самостоятельность Пешковского, находя, что «в новой системе А. М. Пешковского подверглось существенному преобразованию учение о частях речи, учение о предложении и его типах», что «здесь по-новому разработан вопрос о сочинении и подчинении и по-новому освещен вопрос о сложном синтаксическом целом и о фразе». По признанию акад. В. В. Виноградова, «в этом талантливо и оригинально задуманном, хотя и недостроенном здании, которое представляет собой «Синтаксис русского языка» А. М. Пешковского, «собрана, — по словам акад. Л. В. Щербы, — сокровищница тончайших наблюдений над русским языком»². Более того, акад. В. В. Виноградов признает, что труды проф. А. М. Пешковского, как и труды академиков Л. В. Щербы и А. А. Шахматова, являются «базой грамматических исследований современного русского языка и точкой отправления для них»³.

Таким образом, отношение акад. В. В. Виноградова к Пешковскому на протяжении упомянутого десятилетия претерпело значительное изменение в сторону все более решительного подчеркивания положительных начал в трудах Пешковского. Однако первоначальный свой тезис о двойственности и эклектичности системы Пешковского, как неудавшемся синтезе учений Фортунатова, Потбни и Шахматова, В. В. Виноградов не снял и не опровергнул своего утверждения о том, что «на всем творчестве Пешковского лежит неизгладимая печать фортунатовской концепции». Более того, в статье о Пешковском в 1950 г. (сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз) акад. В. В. Виноградов выдвигает тезис об эклектизме, противоречиях и методологических пороках синтаксической системы ученого как ведущий и тем самым по существу резко отрицает позитивное значение трудов Пешковского: они в области истории, как идеалистический шлак. Эта статья акад. В. В. Виноградова по общему резко отрицательному тону в отношении Пешковского вряд ли может служить основным ориентиром в понимании наследства ученого в целом, не говоря уже о «передержках» критика в оценке синтаксической концепции Пешковского.

¹ «Ученые записки МГУ имени М. В. Ломоносова», 1946, т. III, вып. 106, кн. 1.

² Там же, стр. 108.

³ Там же, стр. 144.

Проф. С. И. Абакумов (1892—1949) в своем труде «Современный русский литературный язык» (изд. 1942 г.), солидаризируясь в основном с определяющим отзывом проф. С. И. Бернштейна о Пешковском и с оценкой его научного и педагогического значения, делает более решительное заключение об эволюции грамматической системы Пешковского. Подводя итоги своего анализа, проф. С. И. Абакумов пишет: «Таким образом, Пешковский в значительной мере преодолел Фортунатова. Следы влияния Фортунатова очень сильны только в определении понятия формы. Но это определение фактически в системе синтаксиса Пешковского не реализовано. Несомненно, что система Пешковского эклектична и не свободна от формализма... Но едва ли есть достаточные основания утверждать, как это делает В. В. Виноградов, что «на всем творчестве Пешковского лежит неизгладимая печать фортунатовской концепции». В 3-м издании «Русского синтаксиса» эта печать почти уже сгладилась, влияние Фортунатова было в основном преодолено»¹. Это влияние, по мнению С. И. Абакумова, имело «чисто внешний характер»².

Еще ранее, в 1935 г., в специальной рецензии на 4-е издание (1934 г.) книги А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» проф. С. И. Абакумов в духе полной солидарности с оценкой труда Пешковского академиками А. А. Шахматовым и Л. В. Щербой писал: «Широта охвата явлений синтаксиса современного русского литературного языка, богатство собранного материала и в то же время простота и доступность изложения обеспечили «Русскому синтаксису» А. М. Пешковского почетное место в русской лингвистической литературе. С этой стороны книга А. М. Пешковского — крупный научный факт, мимо которого не пройдет ни один из современных исследователей синтаксиса; с другой — это широко известное учебное руководство, которым пользуются и учителя, даже с многолетним стажем, и студенты педвузов»³.

В статье «Работы советских русистов за 30 лет» проф. С. И. Абакумов указывает на значительную роль Пешковского в изучении современного русского языка, особенно его грамматики. Характеризуя «Русский синтаксис» Пешковского в его последнем (3-м) издании, С. И. Абакумов говорит: «Узкую морфологичность Фортунатова сменяет здесь широкий учет различных средств языка. Это позволяет Пешковскому отказаться от грамматической классификации слов и сохранить в своей системе учение о частях речи. В характеристике каждой из них Пешковский широко использует все средства языка, так что в его изложении не остается и

¹ С. И. Абакумов, Современный русский литературный язык, 1942, стр. 177.

² Там же, стр. 116.

³ С. И. Абакумов, Рецензия на четвертое издание «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского, Учпедгиз, 1934. (См. журнал НКП РСФСР «Учебно-педагогическая литература», 1935, № 1, стр. 3.)

следа от морфологизма Фортунатова. В области синтаксиса Пешковский также далеко отходит от Фортунатова, ибо хотя он, вслед за Фортунатовым, и определяет синтаксис как учение о словосочетании, но предметом своего анализа делает только сказуемые словосочетания. Таким образом, Пешковский в значительной степени преодолевает Фортунатова»¹.

Как видим, большинство критиков подчеркивает поступательные, восходящие тенденции А. М. Пешковского в эволюции его взглядов.

Во всяком случае остается спорным вопрос о степени эклектизма Пешковского в его последних трудах, в том числе и в «Русском синтаксисе». Спорным остается также вопрос о критериях оценки элементов формализма в последних работах Пешковского (особенно в его статьях), и совсем почти не исследованными и не оцененными остаются его методические труды по грамматике в школе, в которых вопросы методики преподавания грамматики освещаются на фоне новых теоретических положений Пешковского, когда он все более подчеркивал приоритет синтаксиса в грамматике.

Следует отметить, что прежние критерии оценки Пешковского во многом устарели и нуждаются в пересмотре. И поэтому нельзя сказать, что споры о Пешковском в лингвистической литературе разрешены. Вместе с тем несомненно, что уже намечены некоторые исходные позиции в оценке его творчества.

Характерно, что общее положительное значение трудов Пешковского большинством лингвистов не оспаривается; наоборот, всеми подчеркивается значительность его лингвистических исследований, его неуклонная тенденция к преодолению ограниченности предшествующих грамматических учений, его стремление к лингвистическим построениям на почве диалектического единства языка и мышления.

Следовательно, самый факт эволюции взглядов Пешковского, его движение вперед и искание им новых принципов грамматической системы не подлежат сомнению.

Представляется важным показать не столько внешние влияния на Пешковского, сколько самостоятельную критическую переработку им этих влияний, собственное лицо автора целого ряда интересных, содержательных и глубоких работ по лингвистике и методике грамматики. Нам кажется, что говорить о Пешковском лишь в пределах установления сферы тех или иных влияний далеко не достаточно: Пешковский как исследователь обращен был в своих лингвистических построениях и устремлениях не столько в прошлое, сколько в будущее, хотя это прошлое он вовсе не отбрасывал, а считал своим научным фундаментом.

---

¹ «Русский язык в школе», 1947, № 5, стр. 12.

Таким образом, прослеживая этапы развития творческого пути Пешковского и сопоставляя исходные положения отдельных критиков в оценке его наследства, мы приходим к предварительным выводам о том, что творчество Пешковского само по себе— это не просто синтез (удачный или неудачный) прошлых теорий, а нечто более крупное, имеющее свои оригинальные качества, самостоятельность и претендующее на весьма значительное место в мире лингвистической науки. Поэтому мы с удовлетворением констатируем факт признания этой его значимости целым рядом исследователей современного языкознания¹. Правда, степень оригинальности системы Пешковского меньшая, чем, скажем, системы Шахматова. Но ведь и шахматовская система не является абсолютно оригинальной и законченной. Известно, что Шахматов, подчеркивая, что Пешковский «внес в науку много нового и самостоятельного», сам испытал влияние первоначальной концепции Пешковского, хотя в последующем своем развитии грамматические взгляды Пешковского также складывались под значительным влиянием Шахматова (в третьем издании «Русского синтаксиса»).

Вообще говоря, скрещение влияний среди научных систем еще не лишает права каждой из них быть оригинальной. Но, конечно, эта оригинальность различной относительности. Испытав влияния своих предшественников, Пешковский проделал огромную плодотворную работу: он взрыхлил и расчистил почву для последующих грамматических учений. И для понимания современных научных построений (при всех их противоречиях и несовершенствах) наследство Пешковского является тем порогом, не перешагнуть который невозможно.

6. На фоне этого общего положительного отношения лингвистов к наследству Пешковского крайне странным представляется резко отрицательное, одностороннее отношение к нему в ряде методических работ.

Если в лингвистических работах о Пешковском мы обнаруживаем во многих случаях строго научный подход к оценке наследства Пешковского, учет положительных и отрицательных сторон его трудов, то, к сожалению, этой принципиальности во многих методических работах последних 15—20 лет мы не найдем. Больше того, в методической литературе до последних лет господствовало если не прямое нигилистическое отношение к Пешковскому, т. е. сплошное отрицание его значения для нас, то искаженная, односторонняя его характеристика. Поэтому не удивительно, что многие учителя-практики введены в заблуждение и чаще всего не говорят о Пешковском в сколько-нибудь положительном плане, ибо Пешковский, по их мнению, синоним крайнего формализма, воплощение всего вредного в грамматике.

¹ Положительную оценку наследства А. М. Пешковского см. также в стенограмме доклада члена-корреспондента Академии наук СССР проф. Е. С. Истриной на юбилейной сессии отделения литературы и языка АН СССР от 18 ноября 1947 г.

Совершенно ясно, что творчество Пешковского — явление большое и сложное, поэтому сравнительно нетрудно вскрыть в нем и непоследовательность, и логические противоречия. Для этого достаточно выбрать из трудов ученого соответствующие места, сгруппировать их или (еще проще) взять какую-нибудь часть его работ определенного периода (несколько статей, скажем, не беря даже ни 1-е, ни 2-е издание его «Русского синтаксиса») и высказать ко всему этому свое отношение: осудить, раскритиковать, разоблачить и т. п. А вот объяснить Пешковского целиком, во всем его объеме, найти факторы, определившие и слабые и сильные стороны его грамматических взглядов, т. е. создать концепцию, основанную не на «выборочных» сводках тех или иных суждений Пешковского, а на всем сложном многообразии его идей (лингвистических и методических) — такая задача значительно трудней. Ведь тут встает вопрос о дифференцировании отдельных сторон его наследия: что отошло в прошлое и что продолжает жить в настоящем (в школе и в научной грамматике).

Мы не сомневаемся, что уже давно себя скомпрометировала и не имеет ничего общего с объективным научным исследованием пресловутая традиция подвести ученого под определенную «школу», а потом уже, не стесняясь в средствах, анатомировать его по собственному усмотрению и вкусу, объявлять свои субъективные мнения как непреложные истины, минуя объективные данные. К сожалению, этот метод имел широкое хождение в нашей методической литературе. И, по нашему глубокому убеждению, разгром Пешковского, нигилистическое к нему отношение обусловлены не полнотой знания предмета исследования, а как раз отсутствием действительного представления о нем¹.

Нельзя не отметить и того, что в последнее десятилетие непосредственное обращение к методическому опыту Пешковского довольно редко.

Но в целом ряде наиболее серьезных исследований наследие Пешковского берется или как точка отправления для них, или как опора для грамматических сопоставлений и методических выводов. Особенно значительно внимание к Пешковскому в области методики грамматического разбора и пунктуации. Так, проф. С. И. Абакумов в целом ряде своих методических статей, в частности и в последней своей работе «Об основах методики пунктуации», часто обращается к Пешковскому при разрешении целого ряда спорных вопросов, строя свои выводы на широком учете опыта советской школы, в том числе и опыта Пешковского.

Н. Н. Прокопович в своем исследовании «Методика изучения обособленных определений» уже непосредственно опирается в теоретические положения Пешковского и прямо отмечает, что «честь разработки в русской лингвистике учения об обособлении второстепенных членов предложения принадлежит одному из

---

¹ См., например, раздел о Пешковском в книге проф. Е. Н. Петровой «Грамматика в средней школе», Учпедгиз, 1936.

крупнейших наших языковедов и методистов — А. М. Пешковскому»¹.

Автор с сожалением отмечает, что «созданная А. М. Пешковским теория... не получила еще в нашей лингвистической литературе дальнейшего развития, а многие вопросы, возникшие в связи с нею, не подверглись углубленному изучению и разработке»².

Именно целям изучения и разработки этой теории в ее методическом выражении и посвящена статья Н. Н. Прокоповича, отвечая потребностям современного языкознания и школьной практики.

Положительно оценивается А. М. Пешковским и в книге Д. Н. Богоявленского «Очерки психологии усвоения орфографии». Богоявленский считает, что основные положения, выдвинутые Пешковским в разрешении проблемы сознательности усвоения орфографии, «оригинальны» и «представляют большой интерес», а установление Пешковским «связи орфографии непосредственно со значением языка» Богоявленский находит «очень продуктивной гипотезой»³. В своей новой работе «Психология усвоения орфографии» Д. Н. Богоявленский более решительно признает заслуги А. М. Пешковского в разработке проблемы правописных навыков: «Основу сознательного обучения орфографии Пешковский видел в знании грамматической структуры языка, в понимании значений и функций морфем языка и в установлении ассоциаций между значениями и графическим образом морфем»⁴.

Проф. П. О. Афанасьев в своей книге «Методика русского языка в средней школе», рассматривая Пешковского как «тонкого исследователя-лингвиста и талантливого педагога-методиста», отмечает, что «вопросы преподавания грамматики, естественно, занимают в методических работах Пешковского первое место», что Пешковский «в этой части своих высказываний... прежде всего отстаивал необходимость введения в новую школу «научной грамматики»⁵.

Раскрывая далее это принципиальное положение, проф. П. О. Афанасьев правильно утверждает, что Пешковский, расценивая значение грамматических знаний для практики речи, не сводит вопроса к узкотехнической стороне дела, а берет вопрос очень широко: «он глубоко убежден в коренном значении обучения грамматики для грамотности страны, и притом грамотности не только в узком, но и в широком смысле слова». Пешковский, по мнению автора «Методики», правильно решил вопрос о правописании и

¹ «Известия АПН РСФСР», 1947, № 10, стр. 103.

² Там же, стр. 104.

³ Д. Н. Богоявленский, Очерки психологии усвоения орфографии, изд. АПН РСФСР, 1948, стр. 23—24.

⁴ Д. Н. Богоявленский, Психология усвоения орфографии, изд. АПН РСФСР, 1957, стр. 68.

⁵ П. О. Афанасьев, Методика русского языка в средней школе, изд. 2, 1947, стр. 33—34.

грамматике в их взаимоотношениях в школе и показал, что громадное большинство трудностей орфографии может быть преодолено только при условии грамматических знаний, а отнюдь не зрительно-двигательной памятью.

Проф. Афанасьев с удовлетворением отмечает, что Пешковский подчеркивал в своих трудах «колоссальную государственно-культурную роль постановки родного языка в школе именно как предмета нормативного».

Высоко ценит П. О. Афанасьев теоретическую и практическую разработку Пешковским вопросов грамматической стилистики и роли грамматики в обучении стилю; это особенно выражено в III части его книги «Наш язык» и в специальной статье. Проф. Афанасьев далек от мысли отождествлять Пешковского в целом с формализмом; он усматривает в нем внутреннюю борьбу, направленную на преодоление им крайностей формализма и на стремление найти семантическую основу изучения частей речи. «Проблему доведения значения частей речи до уровня детского понимания Пешковский считал живейшей и основной проблемой методики грамматики», — заключает свой очерк проф. П. О. Афанасьев.

Такая обобщенная оценка методической системы А. М. Пешковского, данная проф. П. О. Афанасьевым, наряду с положительным к нему отношением целого ряда других методистов (проф. С. И. Абакумова, Н. Н. Прокоповича и др.) может быть принята как исходная база изучения методического наследства Пешковского и противопоставлена нигилистическому к нему отношению со стороны ряда других критиков.

7. В целом же наследство проф. А. М. Пешковского как лингвиста и методиста дореволюционной и советской школы не получило еще в критике сколько-нибудь полного и определенного освещения. Разноречия по его адресу обусловлены не только объективно — противоречивостью его исходных теоретических позиций и недостаточной последовательностью дальнейшего развития системы Пешковского, но и субъективно: различным подходом критиков к наследству ученого, субъективно-психологическими особенностями и теоретическими основами суждений критиков.

В последующем анализе трудов А. М. Пешковского возникает необходимость сделать обобщения и выводы, соответствующие действительному облику ученого.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПРОФ. А. М. ПЕШКОВСКОГО

1. Грамматическая система А. М. Пешковского явилась закономерным развитием и продолжением предшествующих грамматических учений. Он своеобразно синтезировал учения Фортунатова, Потевни, Овсяннико-Куликовского, де Соссюра, Шахматова и др. Но грамматическая система Пешковского под воздействием все развивающегося языкознания и потребностей школьной практики претерпевала изменения, а в некоторых существенных вопросах и коренную перестройку. Поэтому говорить о системе Пешковского — это значит говорить об ее эволюции, о развитии и изменении отдельных ее положений в связи с основными этапами истории грамматических учений. Но вместе с тем и сама эта история может быть понята только в свете современных проблем грамматики.

2. Грамматическая система Пешковского в ее исходных теоретических предпосылках двойственна и противоречива. Исторически это вполне объяснимо: первые труды Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» и «Школьная и научная грамматика» отразили определенную стадию развития грамматической науки, когда еще не совсем точно обозначились единые методологические основы языковых исследований. Пешковский взял на себя нелегкую задачу дать русский синтаксис в научном освещении в то время, когда в науке еще не было определенных и общепризнанных решений самых основных вопросов, и было бы изумительно, как совершенно справедливо в свое время заметил М. Н. Петерсон¹, если бы автору «Русского синтаксиса» удалось преодолеть стоявшие перед ним трудности до конца.

Двойственность исходных позиций Пешковского обнаруживается и в самом признании автора, который уже в 1915 г. пишет, что он «пытался приспособить систему Потевни... в таком направ-

---

¹ М. Н. Петерсон, рецензия на «Русский синтаксис» Пешковского, «Печать и революция», кн. 3, 1921, стр. 230.

лении, чтобы она не стояла в противоречии с... основными положениями фортунаатовской школы»¹.

Автор рассматривает свою книгу как «педагогическую обработку» системы Потебни (и тесно примыкающей к ней популяризации Овсянико-Куликовского) и основных положений Фортунатова. В предисловии к 1-му изданию «Русского синтаксиса» Пешковский заявляет, что «научным фундаментом книги послужили прежде всего университетские курсы проф. Ф. Ф. Фортунатова и В. К. Поржезинского, учителей автора». Из других крупных источников Пешковский называет труд Потебни «Из записок по русской грамматике», тт. I, II, III, далее труды Пауля, Миклошича и Дельбрюка.

Отдавая должное труду проф. Д. Н. Овсянико-Куликовского «Синтаксис русского языка», Пешковский отмечает особенности своей книги в отличие от книги Овсянико-Куликовского: 1) в основу изложения положена внешняя звуковая сторона языка, и сделано это не только для облегчения читателя, но и по научно-методологическим соображениям; 2) резче отграничена соответственно с этим область грамматики от смежных областей психологии и логики; 3) меньше уступок сделано традиционной школьной грамматике; 4) особое внимание уделено внешним показателям некоторых синтаксических оттенков — интонации и ритму речи; 5) изложение рассчитано на более широкий круг читателей, в том числе и на лиц, не знакомых ни с одним иностранным языком; 6) резче проведены границы между отдельными грамматическими категориями.

Пешковский признает неизбежность «некоторой насильственности в классификации языковых явлений», но «в последнем сказался опять-таки педагог-автор». Поэтому по педагогическим мотивам он считает неизбежным, что в школе все области знания «принимают более или менее угловатые догматические очертания». «Но мост между наукой и школой, давно созданный для других наук веками практики, — говорит Пешковский, — для языковедения, как науки исключительно молодой, *только что начал строиться*. Вложить свой скромный камень в эту постройку и было одной из целей автора».

Однако автор своей книгой преследует не только эти чисто педагогические цели. Главные его цели были и остались значительно шире. В частности, автор намечает «отделить грамматическую сущность речи от ее логико-психологического содержания, показать, что у всех этих сучных падежей, наклонений, залогов и т. д. есть *свое* содержание, в школе игнорируемое и замещаемое логическим»².

¹ А. М. Пешковский, Синтаксис в школе, Харьков, 1915, (см. об этом же в «Сборнике статей», 1925, стр. 77—78). Речь идет о двойственности исходных позиций первоначальной концепции Пешковского. Эту автохарактеристику нельзя распространять на все творчество ученого.

² Из предисловия Пешковского к первому изд. «Русского синтаксиса», М., 1914.

Многообразие и сложность поставленных Пешковским проблем и трудность их решения обусловили собой известную неустойчивость первоначальной концепции Пешковского и необходимость дальнейшего пересмотра им своих позиций.

Поэтому не удивительно, что в истории критики грамматической системы Пешковского последняя всегда рассматривалась как двойственная в своих исходных позициях и разноречивая в своем дальнейшем развитии.

2. Но, может быть, основательнее было бы говорить не об одной, а о двух системах Пешковского. В самом деле, 3-е издание «Русского синтаксиса», которое он начал готовить с 1923 г., внося мелкие поправки в предыдущие издания, вышло в свет в 1928 г. в совершенно новом, переработанном варианте. «Отличия данного издания от предыдущего, собственно говоря, далеко превосходят то, что принято называть переработкой, — пишет автор в предисловии. — Достаточно сказать, что около пяти шестых текста написаны заново и что исключительно редакционными изменениям подверглись только две главы предыдущего издания (I и III) из общего числа 41». Но так как тема, объем, общелингвистические принципы, методы и основные устремления книги (не только научные, но и популяризационные) остались те же, то это побудило автора сохранить за книгой прежнее название. Таким образом, система синтаксиса изложена Пешковским дважды; и, несмотря на общность его устремлений, это по существу две системы; две существенно различные концепции. Если в первоначальной своей редакции система Пешковского, завершая длительный путь поисков примирения между школьной и научной грамматикой, отражает период умеренного развития формальной грамматики и формально-морфологическую концепцию Фортунатова, то в новой концепции Пешковского совершенно отчетливо обозначена как господствующая синтаксическая точка зрения Потевни; в новой концепции значительно сказалось также и влияние Шахматова, углубившего и обогатившего напряженные синтаксические искания Пешковского. Шахматовская концепция, сближающаяся по общей своей синтаксической направленности с концепцией Потевни, в то же время выступает и в известном противоречии с системой Потевни; это касается в первую очередь учения о частях речи; существенным коррективом подверглось у Шахматова и учение о слове и грамматической форме и т. д. Все это в значительной мере сказалось на новой концепции Пешковского. Шахматовская концепция побуждала Пешковского к борьбе против морфологизма Фортунатова. Так, полемизируя по вопросу о разграничении двух целостных отделов грамматики (морфологии и синтаксиса), Пешковский замечает, что если уж непременно «вливать» один отдел грамматики в другой, то все же лучше морфологию «вливать» в синтаксис, чем синтаксис в морфологию¹. Но Пешков-

¹ А. М. Пешковский, Еще к вопросу о предмете синтаксиса, «Русский язык в советской школе», 1929, № 2, стр. 51.

ский против механического слияния отделов грамматики, как и против механического их разграничения. Для него, как и для Потевни и Шахматова, синтаксис является решающим отделом грамматики потому, что всякая грамматическая форма (в том числе и форма отдельного слова) познается лишь в синтаксисе, т. е. в структурной связи слов — в предложении. И хотя Пешковский в своей новой концепции терминологически отстаивает, что для него предметом синтаксиса является не предложение, а «форма словосочетания»¹, тем не менее это понимается им не в формальном фортунатовском смысле: заполняя брешь между словом и предложением при помощи «формы словосочетания», Пешковский вводит в определение частей речи синтаксический момент и тем самым разрушает призрачную цельность фортунатовского построения. В статье «Еще к вопросу о предмете синтаксиса» (1929) он прямо заявляет, что позиция Фортунатова в «сущности игнорирует собственно синтаксическую точку зрения на язык», что «синтаксис при таком взгляде делается почти исключительно достоянием корневых языков».

Все это свидетельствовало не только о глубочайшем кризисе «формализма», но и о способности автора «Русского синтаксиса в научном освещении» выйти за пределы формальной грамматики и идти к лингвистическим построениям на почве диалектического единства языка и мышления.

Новая концепция Пешковского, выраженная в 3-м издании «Русского синтаксиса» и в сборнике его статей «Вопросы методики русского языка, лингвистики и стилистики» (1930), свидетельствует о глубоком стремлении ее автора привести свою систему в соответствие с научными достижениями его времени. Но обе эти концепции, так указывает проф. С. И. Бернштейн, «в истории русского языковедения сыграли одинаково важную, хотя и различную по содержанию роль»². Если первая более чем на десятилетие утвердила в преподавании грамматики «формальное направление», то в дальнейшем оказалось, что в системе этой много неустойчивости и противоречивости, и сам Пешковский занялся пересмотром своей прежней системы, хотя внешне положение формальной грамматики в то время казалось устойчивым и прочным. Этот пересмотр, как мы указали выше, был в значительной степени обусловлен влиянием грамматической системы А. А. Шахматова. Впервые синтаксические взгляды Шахматова были изложены и охарактеризованы в статье С. И. Бернштейна «Основные вопросы синтаксиса в освещении Шахматова», напечатанной в XXV томе «Известий отделения русского языка и словесности Академии наук» за 1920 г., появившемся в свет в 1922 г. Изложенная в этой

¹ А. М. Пешковский, Еще к вопросу о предмете синтаксиса, «Русский язык в советской школе», 1929, № 2, стр. 50.

² С. И. Бернштейн, Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского. Вводная статья к шестому изданию «Русского синтаксиса», 1938, стр. 14

статье шахматовская концепция и послужила Пешковскому отправной точкой для пересмотра построенной им системы, о чем говорит и сам Пешковский в предисловии к 3-ему изданию «Русского синтаксиса». Знакомство Пешковского с «Синтаксисом русского языка» Шахматова относится к 1925 и к 1927 гг. (выход в свет двух выпусков книг Шахматова). Второй выпуск труда Шахматова (1927), содержащий учение о частях речи, Пешковский уже не имел времени непосредственно использовать для 3-го издания своей книги. Следовательно, влияние Шахматова на Пешковского нельзя преувеличить и считать его непосредственным; влияние это было прежде всего в принципах, в самой методологии синтаксического исследования. Единством исходных положений объясняется также частое прямое совпадение высказываний Пешковского и Шахматова.

При определении теоретических основ системы А. М. Пешковского и его отношения к современному научному языкознанию следует также иметь в виду, что в первое десятилетие советской власти положение русской грамматики в научном языкознании не получило достаточно законченного, отчетливого очертания: не было единой, цельной и последовательной системы. И хотя в школьной грамматике господствовало формальное направление, внутри этого направления начались разногласия, приведшие в конце концов к его распаду. Однако нельзя сказать, что подлинно научная грамматика в этот период была в плену формального направления. Уже в первое советское десятилетие многие русские грамматисты весьма скептически относятся к новшествам в языкознании. С особенной отчетливостью это отношение выражено в выступлениях акад. Л. В. Щербы.

Резкое противодействие формальное направление встретило и среди учителей-словесников; неограмматическое направление в школьной действительности воспринималось как одна из трудных гипотез, правильность которой еще надо доказать.

Пытаясь определить научно-теоретический фундамент трудов Пешковского, мы должны иметь в виду также и практическую, педагогическую и методическую основу их — потребность эпохи к пересмотру научных основ школьной грамматики. И тут, естественно, у Пешковского возникла острая проблема синтеза лучших научных традиций современных ему теорий, которые он находил наиболее научно выдержанными, основополагающими.

Две грамматические системы — система Потебни и система Фортунатова — представлялись тогда Пешковскому не как полярно противоположные системы, а воспринимались им в одном и том же плане — как «новое грамматическое направление», «психологическое направление», как различные оттенки оппозиции «логической грамматике». «Скудные сходства между ними были в то время заметнее, чем разделяющая их пропасть, — правильно замечает проф. С. И. Бернштейн. — Эти расхождения стали актуальны

лишь после появления книги Пешковского и в значительной мере благодаря ее появлению, когда развернулась дискуссия по вопросу о «формальной грамматике»¹.

Но отсюда нельзя делать вывод, что в основе «Русского синтаксиса» Пешковского лежал замысел автора во что бы то ни стало противопоставить свою систему логическому направлению. Такая антитеза стала кричащей лишь позднее, в 1923—1927 гг., и возглавлялась она не Пешковским, а другими представителями формального направления (М. Н. Петерсоном и др.). Пешковский же, настаивая на отделении синтаксиса от логики, в то же время говорил, что школьные определения подлежащего и сказуемого (т. е. логические определения) «выражают, по правде говоря, самую суть дела, в том смысле, что перебрасывают необходимый мост между грамматикой, с одной стороны, и психологией и логикой, с другой»².

Как уже отмечалось, в споре с проф. Е. Ф. Будде (по поводу рецензии его на «Русский синтаксис») Пешковский заявляет: «Я считаю, что грамматика, освободившись от «рабского служения» логике, должна вступить с ней во «взаимодействие», которое никак не достигается механическим отсечением одной науки от другой»³. Однако Пешковский стремится, сохраняя «необходимый мост между грамматикой и логикой», отграничить эти науки друг от друга, выделить грамматику как самостоятельную научную дисциплину, у которой есть и свое содержание и свой метод.

«Дать представление возможно более широким слоям читающей публики о языковедении как особой науке и, в частности, о ее ветви — грамматике, с дальнейшим подразделением на морфологию и синтаксис, — пишет автор в предисловии к первому изданию его труда, — обнаружить несостоятельность тех *мнимых* знаний, которые получены читателем в школе и в которые он обычно тем тверже верует, чем менее сознательно он их в свое время воспринял; отделить грамматическую сущность речи от ее логико-психологического содержания, показав, что у всех этих скучных падежей, наклонений и залогов и т. д. есть *свое* содержание, в школе игнорируемое и замещаемое логическим; наконец, устранить вопиющее смешение науки о языке с практическими применениями ее в области чтения, письма и изучения чужих языков — вот как определяются эти цели».

При рассмотрении грамматической системы Пешковского необходимо прежде всего иметь в виду такое именно понимание их взаимосвязи между грамматикой, логикой и психологией и пони-

---

¹ С. И. Бернштейн, Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского. Вводная статья к шестому изданию книги Пешковского «Русский синтаксис», стр. 13—14.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 1914, стр. 385.

³ «Журнал министерства народного просвещения», 1915, апрель, стр. 420.

мание им грамматики (в том числе и школьной) как самостоятельной научной дисциплины и в содержании, и в методе, и в целях ее изучения.

Но в 20-х годах XX в. критика слабых сторон логико-грамматического направления, блестяще начатая еще Потебней, превращается в особую систему, школу, противостоящую логико-грамматическим традициям прошлого в русской грамматике; единственно «научными» признаются лишь формально-грамматические принципы языкового анализа, узкоморфологическая точка зрения Фортунатова противопоставляется не только логико-грамматической системе Буслаева, но и синтаксической точке зрения Потебни и его последователей. Пойдя по этому пути, научная грамматика оказалась в противоречии и со школьной практикой, поскольку последняя строилась преимущественно по системе Буслаева. Так все более остро ощущался разрыв между школьной и научной грамматикой. Об этом со всей отчетливостью пишет Пешковский в предисловии к своему «Русскому синтаксису», об этом говорят и многие другие лингвисты и методисты того времени (Фортунатов, Овсянко-Куликовский, Бодуэн-де-Куртене и др.).

Дальнейшие перипетии борьбы на лингвистическом фронте побуждают Пешковского пересматривать свои прежние позиции, менять некоторые основы своей лингвистической концепции.

И в 3-м издании «Русского синтаксиса в научном освещении» (1928) Пешковский пытается определить иной профиль своего труда.

«Важным практическим отличием» этой книги от предыдущего издания, по признанию автора, является полный отказ от оглядки на потребности школы. «В настоящее время, — пишет он далее, — столько уже сделано и продолжает делаться для нашей школы в области внедрения научной грамматики в школьнсе преподавание, что можно позволить себе роскошь чисто научного обозрения предмета».

Однако самый стиль и характер изложения синтаксиса, особенно в главах о частях речи и о «сложном целом», свидетельствует, что Пешковскому в сущности не удалось полностью отмахнуться от «потребностей школы» и книга его по-прежнему имеет весьма заметный отпечаток автора-педагога, для которого методическая сторона изложения составляла, по-видимому, не меньшую ценность, чем «роскошь чисто научного обозрения предмета». Но, конечно, этот педагогический оттенок книги отражает теперь уже новое лингвистическое мировоззрение автора, которое по-новому определяет теперь и все его методические работы последнего периода.

Разрыв с формализмом и неуклонное стремление Пешковского к диалектико-материалистическому пониманию языковых явлений, несомненно, сказались и на разрешении им целого ряда методических вопросов. В этом их разрешении Пешковский синтези-

рует все лучшее, наиболее прогрессивное в русской методической мысли прошлого и рекомендует наиболее разумное изучение школьной грамматики, соответствующее новым целям и задачам образования и воспитания в условиях советской школы, целям подлинно научного изложения школьного курса грамматики. Не отличаясь цельностью и стройностью, методическая система Пешковского была тем не менее весьма значительным явлением в истории русской методической мысли.

3. Изложенное выше позволяет определить в самых общих чертах характер эволюции взглядов Пешковского.

Эволюция взглядов А. М. Пешковского имела прогрессивный характер. И совершенно естественно, что в его трудах мы обнаруживаем «смену вех», смену исходных ориентиров и принципов в его грамматической системе. Это особенно сказалось в 3-м издании его основного научного труда — «Русского синтаксиса» — и в последующих его статьях, где с еще большей категоричностью утверждается ведущая роль синтаксиса в грамматике; синтаксис в системе Пешковского все больше выступает как организационный центр грамматики. Изменение лингвистических взглядов Пешковского предопределило и новую методологию его исследований: части речи, например, выступают теперь как «главные категории мысли», а грамматический строй языка — как живая и подвижная система, в которой слова и формы слов функционируют как подвижные звенья значимых рядов, образуемых грамматическими категориями. В выборе же отправной точки языкового исследования Пешковский приходит к признанию шахматовской «системы двойных соответствий», акцентируя вторую часть формулы «от значения к звуку» (при первой «от звука к значению») и своеобразно переключая идею единства языка и мышления в формулу о «звукозначениях». Это определило и поворот Пешковского в методических построениях, особенно решительно выразившихся в его последней статье «О грамматическом разборе».

Эволюция взглядов Пешковского прослеживается и в других его работах. Так, например, проблемы, затронутые им в его книге «Школьная и научная грамматика» (вышедшей первым изданием в 1914 г.), в последующих изданиях также пересматривались, дополнялись и углублялись. Доклады, читанные А. М. Пешковским на съездах учителей-словесников, на научных совещаниях, многочисленные его журнальные статьи, сборники статей по «вопросам методики, стилистики и лингвистики» (издания 1925 и 1930 гг.) — все это ярко свидетельствует о непрерывном росте ученого.

И было бы неуважением к памяти ученого брать какой-нибудь отдельный его труд вне учета эволюции его взглядов и характеризовать на этом основании отдельную его работу как «целостную систему». Нельзя не учитывать того, что в ранних работах Пеш-

ковского есть ряд положений, исторически ограниченных условиями своего времени и уровнем науки. Но было бы недопустимым упрощением при изложении и оценке его грамматической системы сосредоточивать внимание лишь на исторически обусловленных, отживших сторонах его теории, не видя того ценного, прогрессивного, что было в деятельности Пешковского.

А. М. Пешковский в своем развитии прежде всего смотрел вперед, хотя вместе с тем и нес с собой большой груз прошлого. Однако его эволюция, как мы уже отметили, имела для своего времени прогрессивное значение, хотя теперь его система нас уже во многом не удовлетворяет.

Надо иметь в виду, что Пешковский в поисках новых научных построений испытал значительное влияние тех существенных болезней и уклонов, которые были тогда заметны в грамматических исследованиях. «Грубый и наивный эмпиризм, смешанный с формализмом, в понимании структуры слова, склонность к схоластическим спорам о существовании грамматической формы, смешение вещественно-логических и грамматических критериев в классификации слов, отрыв грамматики от словаря и от семантики живого языка, пренебрежение к социальному многообразию стилистических расслоений речи, схематизм и штампованная традиционность грамматических квалификаций — вот серьезные болезни современных грамматических систем»¹.

В какой мере удалось Пешковскому преодолеть эти болезни современных ему грамматических систем и найти самостоятельные пути и методы научного исследования в области языка — эти вопросы будут нами разрешены всем последующим анализом его грамматической системы.

4. Естественно, что и при общей характеристике этой системы следует, как и в последующих главах этой работы, отобразить круг вопросов, изложение которых даст возможность сосредоточиться на самом существенном в системе А. М. Пешковского, показав в определенной последовательности направление грамматических взглядов Пешковского и их эволюцию.

Представляется, что этими вопросами могут быть следующие: А. О социальной природе языка и его специфике; Б. Предмет грамматики и его отношение к логике и психологии в понимании Пешковского; В. О взаимоотношении методологии и методики в системе Пешковского. Сюда входят и более частные вопросы, а именно: а) о значении терминов «методология» и «методика», б) о методе систематического изложения истории языка, в) о сущности грамматики в свете тезиса Пешковского о взаимосвязи грамматики и семасиологии, г) о взаимоотношении двух аспектов анализа языковых фактов — морфологического и синтаксического, д) учение Пешковского о грамматической форме, е) уче-

---

¹ В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. 1, 1938, стр. 4—5.

ние Пешковского о грамматической категории, ж) Пешковский об отправной точке языкового исследования (от звука к значению или от значения к звуку).

5. Характеристика общелингвистических и методических проблем в системе А. М. Пешковского.

А. О социальной природе языка и его специфике

А. М. Пешковский отчетливо понимал социальную природу языка, закономерный характер его исторического развития, рассматривая язык и его грамматический строй в их относительной самостоятельности, общественно обусловленной.

По мнению Пешковского, язык всегда выступает как сложившаяся система, оформленная всем предшествующим ходом развития. В языке, как в важнейшем орудии человеческого мышления, эта обусловленность предшествующим состоянием общественно оправдана и необходима. Этим сохраняется связь понимания между непосредственно сменяющимися поколениями.

В этом отношении чрезвычайно интересны высказывания Пешковского по вопросу об охранительных традициях в языке, об известном «консерватизме» и относительной «неподвижности» его норм. Консерватизм языка выступает у Пешковского в роли прогрессивного фактора.

В статье «Объективная и нормальная точка зрения на язык»¹ Пешковский, отстаивая необходимость борьбы за литературное, т. е. образцовое наречие, пишет:

«Существование языкового идеала у говорящих — вот главная отличительная черта литературного наречия... черта, в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во все время его существования... Первой и самой замечательной чертой (литературно-языкового идеала. — А. Б.) является его поразительный консерватизм, равного которому мы не встречаем ни в какой другой области духа. Из всех идеалов это единственный, который лежит целиком позади. «Правильной» всегда представляется речь старших поколений... Ссылка на традицию, на прецеденты, на «отцов» есть верный аргумент при попытке оправдать какую-либо шероховатость... Это сообщает литературным наречиям особый характер постоянства по сравнению с естественными наречиями... Если бы Чехов не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы» (разрядка моя — А. Б.).

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 113—114.

Наряду с этим Пешковский отмечает и другой действующий нормативный фактор—это фактор местности. Последний объединяет наречия, дифференцирует их территориально. Отсюда диалекты. Но «литературное наречие не только объединяет разные части народа, говорящие на разных наречиях; как междурайонное, понятное всюду, оно и непосредственно воздействует на местные наречия и говоры, нивелируя их своим влиянием и задерживая процесс дифференциации»¹.

Преподавание научных основ грамматики в школе, по мнению Пешковского, тоже связано с проблемой нормативности в языке, и поэтому предмет языка в школе и его грамматика не только раскрывают законы языка, его грамматический строй, но имеют и практическую задачу—приучить учащихся пользоваться этими законами для построения предложений, для выражения своих мыслей в пределах установленных литературных норм. Таким образом, теоретическая сторона грамматики выступает в единстве с ее практическими задачами. Но в этом последнем случае она (грамматика) также играет роль нивелирующего фактора, сдерживающего процесс дифференциации наречий.

Высоко оценивая нормативную роль грамматики с исторической точки зрения, Пешковский ставит риторический вопрос: «Неизвестно, что было бы, если бы грамматика была начисто изгнана из школы и среда, имеющая представление о предложениях, падежах и т. д., вымерла бы, — сохранил ли бы свою силу на вечные времена тот первоначальный заряд грамматической культуры, который всегда и везде следует за возникновением литературы, или одного немого воздействия со стороны литературного наследия былых веков оказалось бы мало, и литературный язык постепенно пришел бы в состояние полного разложения?»².

Грамматика, как система знаний о законах языка, выступает у Пешковского как посредница между сложившейся языковой «системой» и молодым поколением.

Эта концепция Пешковского об устойчивости и консерватизме в языке имела для своего времени определенное прогрессивное значение, особенно при сравнении ее с концепцией Н. Я. Марра и его «учеников», пропагандировавших идею «революции» в языке, теорию «внезапных взрывов» и скачкообразного развития языка по социальным стадиям. Рассматривая язык как идеологическую надстройку, они вместо толкования значений слов, какие они имеют в системе общенационального языка, говорили о классовых понятиях, идеях и представлениях, которые якобы обуславливают грамматические формы и значения.

Однако следует заметить, что Пешковский слишком схематично, ограниченно и примитивно понимает закономерности развития

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 115.

² А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 12.

языка, ошибочно заявляя, что в языке идеал «лежит целиком позади». Это в сущности граничит с отрицанием всякого развития в языке и его грамматическом строе. Между тем словарный состав языка находится в состоянии почти непрерывного изменения, но он изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Что же касается наиболее устойчивой части словарного состава (основного словарного фонда), то она сохраняется во всем основном и используется как общая основа словарного состава языка. Изменения же в области грамматического строя языка происходят еще более медленно, чем изменения в словарном составе языка. И именно поэтому Пешковский полагал, что грамматика как систематический свод законов языка выступает посредницей между сложившейся языковой «системой» и молодым поколением.

Устойчивость языка объясняется, по Пешковскому, устойчивостью его грамматического строя, а не словарного состава языка.

Пешковский не различал в языке сложных отношений между разными по устойчивости слоями лексики: между словарным составом языка в целом, очень подвижным и изменчивым, с одной стороны, и основным словарным фондом языка, очень устойчивым и малоподвижным, с другой. Не выразил он и своего отношения к вопросу о сложной зависимости словаря от грамматики; по отношению к грамматике, а также к основной функции языка — быть средством общения людей — словарный состав языка является лишь строительным материалом. Это соотношение между словарем и грамматикой, подчеркнутое И. В. Сталиным в его работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950, стр. 23), в русской лингвистике XX в. не было предметом специального обсуждения, хотя уже Н. И. Греч отчетливо понимал решающую роль грамматики в процессе формирования нашей речи — мысли¹.

Однако при всей ограниченности взглядов А. М. Пешковского в его концепции о языковом процессе есть и прогрессивные

---

¹ Н. И. Греч в своем методическом труде «Руководство к преподаванию по учебной русской грамматике Николая Греча» (СПб, 1851) любопытно рассуждает о роли словосочетания сравнительно со словопроизводством: «Довольно ли знать, каким образом слова образуются и изменяются, чтобы быть в состоянии ими выражать свои мысли ясно и правильно? Объяснимся сравнением. Для постройки дома мы запаслись бревнами, досками, кирпичом, известью, глиною, изразцами, плитою; есть у нас и чугунные перила, и оконные рамы со стеклами, и двери с задвижками и замками. Но дом ли это? Нет! Это только материалы, средства для постройки дома, а, главное, самое сооружение еще не начиналось. Так и в грамматике: не довольно знать происхождение слова и изменения его; нужно еще умение составить из отдельных слов полную, правильную, понятную речь» (стр. 163).

моменты, а именно: подчеркивание значения языковых норм и охранительной, нормативной роли грамматики.

Б. О взаимоотношении грамматики, логики и психологии

Этому вопросу Пешковский уделял большое внимание. Он продолжает оставаться актуальным и для современного языкознания (в том числе и для научной и школьной грамматики).

Конечно, в этом отношении у Пешковского среди русских лингвистов были предшественники и единомышленники, и самая идея разработки вопроса о связи формы речи с мышлением принадлежит не ему.

Эту идею мы находим и у Ломоносова, и у Белинского, и у Буслаева, и у Потебни, и у ряда других лингвистов и философов. В начале XX в. разработкой этого вопроса занимались проф. Богородицкий, проф. Кудрявский и др.

Так, у Кудрявского язык определяется: 1) как орудие выражения наших мыслей и 2) как средство общения людей между собой. Язык помогает формировать самую мысль: «Мысль только тогда приобретает ясность и определенность, когда она выражена словом». «Слово, закрепляя мысль, дает возможность развивать ее далее»¹. «Язык, как орудие нашей мысли, оказывает обратное влияние на мысль, увеличивает ее силы и изоцряет ее»².

Отсюда проф. Кудрявский устанавливает связь логических категорий с речевым строением, с грамматическими формами мысли и в то же время подчеркивает несовпадение логики и грамматики. «Логические категории могут вовлекаться и действительно вовлекаются в строй нашей речи не только наравне с другими, но даже преимущественно перед другими категориями. Причина этого заключается в том, что логические категории — это категории нашего мышления, постоянно облекающиеся в форму речи. Было бы удивительно, если бы между строем речи и логическими формами мышления не существовало самых живых ассоциаций. Но это обстоятельство, конечно, нисколько не смягчает разницы между категориями логическими и грамматическими». «Логическая форма мысли, — подчеркивает Кудрявский, — не совпадает с грамматической формой, т. е. с той формой мысли, в которую ее облекает язык».

Когда среди русских лингвистов стали раздаваться голоса в пользу идеи абсолютной независимости грамматической формы речи от мышления и логики, Пешковский резко выступил с критикой этих ложных воззрений. Отстаивая тезис о связи и взаимодействии логики и грамматики, Пешковский стоял на совершенно правильных принципиальных позициях, борясь с формалистами того времени (Будде, Петерсоном и др.).

¹ «Русская школа», 1904, № 2, стр. 122.

² Там же, стр. 123.

Для оценки взглядов Пешковского по затронутой проблеме необходимо исходить из марксистско-ленинского ее понимания.

Марксистское понимание проблемы языка и мышления является единственно научным обоснованием связей между грамматикой и логикой. Язык есть важнейшее средство человеческого общения, средство обмена мнениями и взаимного понимания. В языке (в грамматике прежде всего) закреплены результаты длительной абстрагирующей работы человеческого мышления, успехи познавательной работы общества. Язык непосредственно связан с мышлением. Эта связь должна пониматься и рассматриваться с точки зрения диалектико-материалистической логики, марксистско-ленинской теории познания.

Известна классическая формула Маркса о языке как «непосредственной действительности мысли». Это значит, что реальность мысли проявляется в языке. Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз.

Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи», не существует. И именно с помощью грамматики язык получает возможность организовать человеческие мысли, облечь их в материальную языковую оболочку¹.

Марксистско-ленинский тезис о нераздельной связи языка и мышления, грамматики и логики создает подлинно научную почву для лингвистических исследований. Подчеркивая в связи с этим важность семантики, марксистское языкознание не допускает преувеличений ее роли, тех злоупотреблений, которые завели Марра в болото идеализма.

Руководствуясь диалектико-материалистическим пониманием связи языка и мышления, мы имеем возможность правильно подойти к оценке взглядов Пешковского на взаимоотношения грамматики, логики и психологии. В основном их можно охарактеризовать как и д е а л и с т и ч е с к и е. Сложных диалектических отношений между грамматикой и логикой Пешковский не мог раскрыть

---

¹ Следует заметить, однако, что проблема связи языка и мышления остается до сего времени теоретически мало исследованной и решается она большей частью талмудистски — способом цитат из классиков марксизма-ленинизма. Действительное же отношение между языком и мышлением остается неясным, и исследователи чаще всего ограничиваются внешне «диалектической» формулой о связи языка и мышления, скрывая за этим от себя и других неумение решить проблему (ср. статью Н. А. Кондрашова о происхождении языка, напечатанную в сборнике «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., 1950, стр. 179). Однако понимание этой беспомощности исследователей решить проблему далеко еще не гарантирует успешного ее решения в дальнейшем (ср. попытки опереться на работы Л. С. Выготского и дать психологическую вариацию решения проблемы в статье Г. П. Щедровицкого «Языковое мышление и его анализ», «Вопросы языкознания», 1957, № 1, стр. 57—68).

в силу ограниченности своего философского мировоззрения. Однако он всюду пытался, вопреки концепции учеников школы Фортунатова, отрицавших в конечном счете логическое и психологическое содержание языковых явлений, подчеркивать непосредственную связь языка и мысли, грамматики и психологии. Правда, логика понималась Пешковским как формальная, а не диалектическая, а язык и мышление часто или смешивались и отождествлялись, или же рассматривались как изолированные субстанции. Своеобразное понимание Пешковским предмета грамматики в ее отношении к логике и психологии выразилось в следующем.

Разрабатывая вопрос о психологической основе предложения, Пешковский отстаивал взаимодействие логики, психологии и грамматики, тем самым утверждая неразрывность грамматической формы речи и мышления. Идея единства грамматической стороны речи и мышления проходит красной нитью через все труды Пешковского. Как известно, на критику М. Н. Петерсона, требовавшего отказа от психологических основ синтаксиса и построения его на чисто формальной основе, и на опыт Петерсона по созданию такого типа синтаксиса («Очерк синтаксиса русского языка», 1923) Пешковский ответил резко отрицательным отношением: «Методологически книга (Петерсона. — А. Б.) представляется чрезвычайно полезной своей отрицательной стороной, — писал Пешковский. — Резкое крушение, которое потерпел автор в своем построении, положит, может быть, конец появляющимся время от времени попыткам отсечь грамматическую сторону речи от ее первоисточника — мысли»¹. В намеренном игнорировании Петерсоном отношений слов и словосочетаний к самой мысли говорящего Пешковский совершенно справедливо усматривал центр тяжести и основной порок его книги².

Еще ранее (в 1922 г.) Пешковский в дискуссии, проведенной в Наркомпросе по докладу М. Н. Петерсона «К вопросу о предмете и объеме синтаксиса», заявил: «Напрасно М. Н. Петерсон боится смешения задач синтаксиса с задачами психологии и логики и ради этого, по-видимому, выкидывает из синтаксиса понятия предложения и его членов. Это значит выбрасывать из ванны вместе с водой и ребенка: синтаксис исследует строение *языковой* мысли, а психология и логика — доязыковой и надязыковой, и дифференциация между всеми тремя науками все равно остается»³.

---

¹ Само собой разумеется, что эту характеристику взглядов проф. М. Н. Петерсона периода 1923—1928 гг. нельзя переносить на лингвистическую концепцию его в последние десятилетия; он вел плодотворную педагогическую и научную работу по языкознанию, будучи профессором МГУ и старшим научным сотрудником Института языкознания.

² См. рецензию А. М. Пешковского на книгу М. Н. Петерсона в журнале «Печать и революция», 1924, кн. 2, стр. 245.

³ См. сборник «Русский язык в школе» под ред. Д. Н. Ушакова, вып. 1, 1923, стр. 50.

Это положение неоднократно развивалось Пешковским и позднее. «Нельзя не признать, что языковедение как наука принадлежит к числу отвлеченнейших ветвей гуманитарного знания вообще, а это последнее в свою очередь во много раз отвлеченнее знания о природе, — говорит Пешковский, — ...что наука эта во всем своем объеме, за исключением только... фонетики, в первую голову имеет дело с данными внутреннего опыта, т. е. оказывается ближайшей соседкой логики и психологии»¹.

Следует отметить, что формула Пешковского о «строении языковой мысли» предполагает, что мысль может быть и без слов, без языковой оболочки. Точно так же и термины «доязыковая» и «надязыковая» мысли не могут быть приняты, как влекущие за собой идеалистическое истолкование природы мышления, ибо не существует оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи». Реальность мысли проявляется в языке, и только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка.

В самом деле, речь — не просто внешняя одежда мысли, которую она одевает или сбрасывает; она служит не только для того, чтобы выразить, передать другому уже готовую без речи мысль. В речи мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы сплошь и рядом ее формируем. Речь наша нечто большее, чем внешнее орудие мысли; она включается в самый процесс мышления, как форма, связанная с его содержанием. Мышление и речь, не отождествляясь, включаются в единство одного процесса. Мышление в речи не только выражается, но оно в речи и совершается.

Но будучи идеалистом в этом вопросе, Пешковский, однако, грамматику и логику рассматривал не как «две различные науки, не находящиеся между собой ни в какой связи» (Будде)², а как тесно связанные между собой науки³.

В разрешении наиболее существенного вопроса, имеющего определяющий методологический характер, вопроса о предмете грамматики и ее отношении к логике и психологии, у Пешковского мы замечаем довольно устойчивую, единую линию, которая им отстаивается (хотя и с разной степенью отчетливости и законченности) на протяжении всей его научно-педагогической деятельности. Тут меньше всего можно говорить о каком-то «крушении» его первоначальной концепции, так как в эволюции его взглядов по этому вопросу есть определенная логическая последо-

---

¹ А. М. Пешковский, Вопросы изучения языка в семилетке, «Сборник статей», 1930, стр. 30.

² Имеется в виду заявление Будде в его «Учебнике грамматики русского языка» (ч. II, Синтаксис, 1912). См. его же рецензию на «Русский синтаксис» Пешковского, «Журнал министерства народного просвещения», 1914, декабрь, стр. 345.

³ Ответ Пешковского на эту рецензию в том же журнале, 1915, апрель, стр. 420.

вательность, проявляющаяся в большей мере, чем, скажем, при разрешении им проблемы формы отдельного слова. И тем не менее мы вправе говорить об эволюции Пешковского и в этом вопросе, не усматривая, однако, в ней элементов эклектизма, обычно отмечаемого почти всеми исследователями наследства Пешковского.

Прежде всего следует указать не на эклектизм, а на ограниченность Пешковского в решении проблемы взаимоотношений логики и грамматики, основой чего было идеалистическое понимание им природы мышления и языка, их механическое слияние и разъединение. Отсутствие диалектико-материалистического понимания проблемы языка и мышления помешало Пешковскому достигнуть подлинной научности в решении этой проблемы.

Многие определения Пешковского, касающиеся грамматики как науки, изучающей «формы слова» (отсюда и соответствующее определение морфологии и синтаксиса), несут на себе груз фортунатовской терминологии; однако Пешковский никогда не отрывал грамматики от логики и психологии, устанавливая между ними «естественный мост». Задачу «резче отграничить область грамматики от смежных областей психологии и логики» Пешковский никогда не доводил до разрыва внутренних связей между ними, как того хотели представители узкоформального направления (Будде, Петерсон и др.), и этим сохранил для науки и для школы лучшие традиции русской лингвистической мысли (Белинского, Буслаева, Потебни, Шахматова и др.).

Именно поэтому наш интерес к Пешковскому в результате коренного перелома в советском языкознании в 1950 г. не только не снижается, а, наоборот, повышается; прослеживая эволюцию его взглядов, мы тем самым отчетливее и резче осознаем идеологические прорехи в советском языкознании последних лет, одной из которых является неразработанность проблемы связи языка и мышления, отсутствие научного контакта между логиками, психологами и грамматистами.

В. О взаимоотношении методологии и методики в системе А. М. Пешковского

а) Прежде всего несколько замечаний о терминах «методика» и «методология» и о взаимоотношении этих понятий.

Под методологией науки обычно принято разуметь совокупность методов, благодаря применению которых наука добывает свои положения. Под методикой же обычно разумеется совокупность приемов преподавания, добытых этими методами положений. Ниже мы уточним эти понятия.

Лет 15—20 тому назад тема о взаимоотношении методики и методологии в той или иной области научного знания относилась к числу излюбленных тем в научной и методической литературе. Соответственно и самые термины «методика» и «методология» постоянно мелькали на страницах книг и журналов. Однако нельзя

сказать, чтобы от столь частого употребления термины эти выиграли в своей четкости и определенности. Скорее наоборот. Нежелательные уклонения в понимании вышеуказанных терминов побудили в свое время проф. А. М. Пешковского выступить с двумя специальными статьями по этому вопросу¹.

По Пешковскому, методология методики—это не сочетание тех наук, от которых она зависит, и даже не сочетание их методологий, а «учение о том, как ставить методические исследования», как ставить эксперименты, приводящие нас к тем или иным методическим выводам, как при этом производить учет данных исследований и т. д. Описание того, как все это нужно делать, — это и есть подлинное методологическое введение в методический труд. Точно так же и «методологией педагогики» могло бы назваться только учение о методах разработки самой педагогики, «методологией лингвистики» — учение о методах, применяемых в лингвистике, и т. д. Пешковский вовсе не возражает против тезиса о зависимости методики русского языка от ряда других наук. «Но вместо того, чтобы говорить о трех и более «методологиях», — пишет Пешковский, — мы бы предпочли сказать просто, что *методика русского языка в своей теоретической части опирается на такие-то и такие-то науки: на лингвистику, на педагогику, на общую дидактику* и, может быть, еще на другие. Всё это науки, а не «методологии», и сама методика, поскольку дело идет не о бессвязной сумме рецептов, а об известной (хотя и слабо разработанной еще) системе знаний, *есть тоже наука*, а не какая-то «методология» самой себя»² (курсив мой. — А. Б.). Пешковский решительно возражает против отождествления всего теоретического с методологическим (и параллельно практического с методическим). По Пешковскому, методику нельзя понимать как науку практическую, не имеющую особой методологии и целиком базирующуюся на методологии отдельных теоретических наук, в том числе педагогики. Кстати, педагогика, по Пешковскому, «не теоретическая наука, а прикладная, хотя она и служит теоретической базой для других прикладных наук, в том числе и для методик». У методистов наших, по мысли Пешковского, выработалась привычка все теоретическое в методике в его противопоставлении практической стороне ее называть «методологическим». В интересах точности терминов Пешковский и восстает против этой привычки. Само собой разумеется, он не отвергает той специфической связи, которая может и должна во многих случаях оказаться меж-

---

¹ А. М. Пешковский, Проблемы взаимоотношения методологии и методики языкознания («Проблемы научной педагогики», сборник 2-й Научно-педагогического института методов школьной работы, 1929, стр. 76—87, и сборник статей Пешковского «Вопросы методики», 1930, стр. 82—92); «О терминах «методология» и «методика» в новейшей литературе» («Русский язык в советской школе», 1931, № 2—3, стр. 118—121).

² А. М. Пешковский, О терминах «методология» и «методика», «Русский язык в советской школе», 1931, № 2—3.

ду методикой отдельной науки и ее методологией (при исследовательском методе обучения, например, эта связь неизбежна). Пешковский восстает против смешения части с целым. «Методика всякой науки, — говорит он, — опирается прежде всего на всю данную науку, а в том числе и на ее методологические элементы»¹.

Следует заметить, что недооценка теоретической стороны конкретной науки для конкретной же (частной) методики и сведение методики любого предмета к частной дидактике (против чего решительно возражал Пешковский) проявляется в целом ряде теоретических работ, издававшихся Академией педагогических наук РСФСР. Так, например, в книге покойного академика Л. В. Щербы «Преподавание иностранных языков в средней школе» (общие вопросы методики), изданной АПН в 1947 г., явно переоценивается общедидактическая сторона методики как науки. Крайне странным представляется утверждение Л. В. Щербы о том, что методика преподавания любого предмета уходит целиком в общую дидактику и что якобы никаких особых задач предметных методик нельзя себе и представить.

Нам кажется недостаточно мотивированным такое стремление растворить частную методику в общей. Ведь у каждого предмета есть и свои специфические задачи, и теоретическое содержание, и формы обнаружения этого содержания для их восприятия учащимися (физика, химия — это одно, язык и литература — другое, астрономия — третье и т. д.) Поэтому, чтобы правильнее определить методику предмета, надо прежде всего исходить из научного, теоретического содержания его, а потом уже устанавливать связи с психологией и с общей дидактикой, а не наоборот. Без учета научного содержания предмета нельзя себе представить ни дидактики, ни психологии при его изложении.

Методика родного языка, по Пешковскому, как и всякая наука, зависит от ряда других наук, а как прикладная (а она только прикладная), конечно, зависит от ряда теоретических наук. «Кроме того, как всякая наука, она может и должна иметь свои специфические методы, систематизация которых может образовать отдельную «методологию методики»².

Так Пешковский раскрывает содержание названных им в статье терминов, шаткость понимания которых, их многочисленность является, по мнению автора статьи, «прямым социальным злом».

С точки зрения современного языкознания нельзя сказать, что Пешковский был совсем неправ. В самом деле, методология, по нашему мнению, это не только учение о том, как, каким путем вести научное исследование, но и учение о том, из какой теории и исходить при этом исследовании. Пешковский, указывая

---

¹ А. М. Пешковский, О терминах «методология» и «методика», «Русский язык в советской школе», 1931, № 2—3, стр. 120.

² Там же, стр. 121.

на связь методологии науки о языке с самой теоретической (лингвистической) дисциплиной, конечно, был прав; вместе с тем он подчеркивал и недопустимость отождествления методологии языковедения с теорией языковедения. Недостаток в определении самих понятий — терминов «методология» и «методика» — заключается в том, что Пешковский не подчеркивал роли мировоззрения, которое, конечно, налагает свою печать на научное исследование. Таким образом, мы бы теперь определили методологию вообще как совокупность философских принципов научного исследования, методологию советского языкознания как совокупность методов научного исследования, теории языкознания и мировоззрения ученого, благодаря которым (или с помощью которых) наука добывает свои положения. Следовательно, методология советского языковедения включает в себя и общую теорию языкознания, и совокупность методов научного исследования (в том числе и совокупность конкретных исследований в области отдельных языков и групп языков), и диалектико-материалистический метод как научное мировоззрение, как метод познания явлений в природе и обществе.

Точно так же и советскую методику мы определили бы как совокупность приемов преподавания научных положений в свете передового марксистско-ленинского мировоззрения. Только такое единство метода и мировоззрения обеспечивает и методологии и методике прочные научные основания. Методика занимает подчиненное положение по отношению к методологии.

б) О методе систематического изложения истории языка. Иначе говоря: какие принципы (пути) исследования языковых явлений намечаются Пешковским, как они переплетаются (скрещиваются) с методикой школьного изложения курса русского языка и в чем конкретно выражается в трудах Пешковского связь и взаимодействие методологии и методики языковедения? Обратимся к его специальной статье по этому вопросу¹, чтобы в последующем изложении проследить реализацию этих принципов в лингвистических (частью и в методических) трудах ученого.

Прежде всего о методе систематического изложения истории языка.

Следует отметить, что Пешковский примыкал к тому течению языкознания, которое исповедует теорию индоевропейского праязыка, но независимо от теории праязыка Пешковский всюду следует сравнительно-историческому методу и пытается установить родственные лексические пласты славянских языков.

¹ А. М. Пешковский, Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения, «Вопросы методики», 1930, стр. 82—92.

Примыкая к тому принципиальному делению языковедения на историческое и описательное, которое развито де Соссюром, Пешковский, однако, не идет до конца за де Соссюром в его противопоставлении этих двух частей науки, как абсолютно не зависимых одна от другой. «Для нас ясно, — пишет Пешковский, — что история каждого языкового факта должна начинаться с выделения его из какой-то... языковой системы (ибо вне системы... ни один речевой факт не может быть языковым) и что, следовательно, историческое языковедение находится в прямой зависимости от описательного. Что касается обратной зависимости — описательного языковедения от исторического, то она сказывается хотя бы в том, что описание всякой несовременной языковой системы (мертвые языки, праязыки, прежние эпохи современных языков) неизбежно опирается на историческую реконструкцию ее»¹. Для Пешковского историческое и описательное языковедение — не два «языковедения», как для де Соссюра, а лишь два отдела нашей науки.

Но, оставляя вне сомнения внутреннюю контрастность этих отделов, Пешковский отмечает, что она (эта контрастность) сказывается резче всего и прежде всего на методе. Он считает возможным использовать в высшей школе метод реконструкции праязыков, или так называемый сравнительно-исторический метод. «Дело в том, — аргументирует он целесообразность этого метода, — что наши русские языки, а тем более диалекты, так близки друг к другу, что произвести на каких-нибудь двух-трех фактах, взятых из разных языков или диалектов, реконструкцию соответствующих прафактов займет очень немного времени». Эта попытка опереться на сравнение «корреспондирующих фактов» белорусского, украинского и русского языков и использовать некоторые русские заимствования из романских языков и греческого языка в пользу теории «индоевропейского праязыка» предпринимается Пешковским во имя все той же методической цели — оживить, углубить знакомство учащихся школы с методом исследования, научить их понимать разницу между «сходством, совершенно случайным, сходством, происходящим от заимствования, и сходством, происходящим от родства»².

Для нас теперь совершенно ясно, что подобное взаимодействие методологии и методики, проводимое Пешковским на основе идеи родства индоевропейских языков (и в особенности родства славянских языков), не является антинаучным, как пытались истолковать теорию языкового родства марристы, как огня боявшиеся предположения о происхождении материально-родственных языков из единого источника, ибо это предположение связывалось у марристов с теорией «праязыка», который якобы должен быть обязательно расовым и библейским. В данном случае нас инте-

¹ А. М. Пешковский, Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения, «Вопросы методики», 1930, стр. 82.

² А. М. Пешковский, Сборник «Вопросы методики», 1930, стр. 83.

ресует у Пешковского не теория «индоевропейского праязыка» (это скорее миф, а не теория), а мысли Пешковского о языковом родстве отдельных народов.

Нам представляются далеко не беспредметными споры Пешковского с его противниками (в пределах индоевропеистики) о том, каким методом вести систематическое изложение истории языка: нисходя ли от современного состояния языка в глубины прошлого или восходя от этого прошлого к современности? Для Пешковского наиболее целесообразным представлялся метод исхождения от современности к прошлому, что тоже кажется спорным; в настоящее время в вузах история русского языка, например, излагается именно как история, а не как проекция современности в прошлое.

Для нас существенно важным является выяснить понимание Пешковским методологии описательного языковедения, имеющего место в школе, где, действительно, вопросы методологии вступают в тесные взаимоотношения с методикой.

С наибольшей отчетливостью эти взаимоотношения выявляются в вопросе о том, как вести научное исследование (и параллельно, как вести школьное изложение) при анализе грамматического явления: «от звуков к значениям» или «от значений к звукам»? Все другие методические вопросы при школьном изучении грамматики являются производными от этого основного, принципиального вопроса. Ниже мы остановимся на нем несколько подробнее.

Линия взаимодействия методологии и методики в системе Пешковского сформировалась не сразу; она (эта линия) была стержнем, вокруг которого шло теоретическое осмысление Пешковским важнейших методологических и методических принципов.

Эти принципы лингвистического анализа выявились у Пешковского прежде всего в решении вопроса о сущности грамматики, ее составе и содержании и в определении понятий грамматической формы и грамматической категории.

в) О сущности грамматики и о взаимосвязи между грамматикой и семасиологией.

Содержание и сущность грамматики как науки связываются Пешковским с понятием грамматической формы и грамматической категории. Эти понятия были теоретическим основанием всей грамматической системы Пешковского. Абстракция в грамматике тесно связывалась им с идеей формальности грамматики как науки «о формах слов и формах словосочетаний». Однако формальный характер грамматики, по Пешковскому, не оторван от материального содержания нашего мышления, а тесно с ним связан; формальные категории и формы слов и словосочетаний служат средством обнаружения процессов мысли в акте общения между людьми.

Правда, в начале своей деятельности Пешковский неправильно истолковывал отношения между грамматикой и семасиологией,

пытаясь первую определить как науку о «формальных принадлежностях слов в их отношении к материальным частям слова», а за второй (семасиологией) оставляя лишь функцию использовать «остатки звуковой массы слов, которые получаются после вычета всех формальных элементов». Семасиология, по Пешковскому, это область, не подлежащая рассмотрению в курсе грамматики. Но этим по существу грамматика слишком прямолинейно отсекается от семасиологии, а содержание от формы, что было характерно для грамматической концепции некоторых последователей фортуноватовской школы.

Позднее Пешковский сам понял несостоятельность резкого разграничения предмета грамматики и семасиологии и в методике изложения грамматических категорий всюду подчеркивал единство звука и значения («звукозначения»), единство смысловой (семантической) и грамматической стороны слова и предложения.

Подчеркивая серьезное значение смысловой стороны слов и выражений в деле изучения языка, Пешковский, однако, далек был от преувеличения роли семантики в языковом анализе (как это выражено у Марра и у его последователей в лингвистике и методике преподавания языковых дисциплин), а идея единства смысловой и формальной стороны языка нашла свое выражение в целом ряде учебных книг и методических пособий, созданных Пешковским для школы и учителя («Наш язык», «Первые уроки русского языка», сборники статей по вопросам методики, лингвистики и стилистики и др.).

Это обстоятельство нельзя недооценивать, когда речь идет о месте Пешковского в истории русской грамматической мысли (особенно в истории школьной грамматики советского периода).

А. М. Пешковский достаточно отчетливо и в основном правильно решал вопрос о сущности грамматики, ее отличительных чертах, пытаясь отграничить вещественные (реальные) значения слов и предложений от грамматических значений. Об этом, в частности, говорит следующее место в его труде «Русский синтаксис в научном освещении»: «Но, например, между *петь хором* и *летать вереницей* мы не найдем в отношении значения творительного падежа никакого различия, несмотря на полное различие вещественных значений в обоих компонентах. Таким образом, мы будем стремиться не к индивидуализации значений в угоду словарю, а к обобщению их, памятуя, что хотя соотношения между формальными и вещественными значениями и должны быть анализируемы грамматистом, однако самый анализ этот предполагает отделение изучаемых соотносящихся величин, а при таком отделении грамматические значения неминуемо должны оказаться общими по самому существу грамматики»¹.

---

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, стр. 274.

Это определение специфических особенностей грамматики как абстракции языка является исторически закономерным: оно есть логическое развитие лучших положений русской лингвистики XIX и начала XX в. (ср. по этому вопросу взгляды Востокова, Белинского, Буслаева, Потебни и др.). Плодотворность исканий Пешковского в этой области стала особенно ясной после дискуссии 1950 г. по языкознанию, когда была восстановлена и подчеркнута мысль о том, что отличительной чертой грамматики является именно то, что она дает *общие* правила об изменении слов и *общие* правила для составления предложений. Однако в работах некоторых советских лингвистов периода 1950—1954 гг. (Н. С. Пospelов и др.) излишне категорично грамматика изолировалась от лексики и семантики предложений. Грамматика, согласно этой точке зрения, имеет в виду не конкретные слова и предложения, а вообще всякие слова и предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного слова или предложения; абстрагируясь от частного и конкретного как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях. Говоря об этих особенностях грамматики, некоторые лингвисты слишком прямолинейно сопоставляли грамматику с геометрией или с математикой в смысле безразличия их общих законов по отношению к конкретным геометрическим фигурам или телам, к конкретным математическим величинам.

Однако вряд ли есть основания сомневаться в том, что грамматика тесно связана с лексическим содержанием конкретных слов, со смыслом предложений. Далекое не безразлично, например, связать слова в структурные типы словосочетаний: *ножка стола* и *стол ножки* (?); *скоропостижно скончался* и *скоропостижно выспался* (?); многочисленные примеры семантически спаянных (связанных) словосочетаний — свидетельство глубокой связи грамматики с лексикой и семантикой¹. Отсюда не всякая грамматически организованная структура предложения есть реальная единица речи; реальной единицей речи может быть лишь та структура, которая выражает логически мотивированное соотношение этой структуры с фактами и явлениями действительности. Например, предложения *Охотник убил оленя в лесу*, *Утки на озере плавают* и т. п. превращаются в бессмыслицу, если мы попытаемся произвольно отвлечься от конкретно-лексического значения слов этих предложений и логически мотивированных соотношений между ними. Абстрагировавшись от реального и конкретного как в словах, так и в предложениях, мы могли бы получить некую структуру (схему) предложения, внешне сходную с предыдущей, но лишённую реального содержания. Например: *Лес убил охотника в олене*, *Озеро на утках плавает* и т. п. Но это уже не грамматика, а пародия на грамматику.

---

¹ Подробнее об этом см. в следующих главах нашей работы.

Если же искусственно отвлечься от конкретных слов и предложений и понимать грамматику как чистую абстракцию языка вне ее отношения к лексико-семантической природе слов и предложений, то совершенно нельзя было бы понять семантическую и вместе с тем грамматическую неразложимость многих тысяч словесных групп (в том числе и фразеологических сочетаний) и даже предложений¹. Прямо переходные глаголы обуславливают тип словосочетаний в отличие от словосочетаний, где грамматически и семантически господствующими словами являются косвенно переходные или непереходные глаголы; сравните: *есть хлеб, любить друга* и форма родительного падежа в *выпить воды, желать победы, надеяться на спасение, овладеть славянскими языками* и т. д. Во всех подобных сочетаниях форма их никак не может быть уподоблена геометрическим фигурам с их безразличием к конкретной длине сторон (треугольника, ромба, куба и пр.), ибо форма винительного падежа в словосочетаниях *есть хлеб, любить друга* и форма родительного падежа в *выпить воды, желать победы* не есть результат только одной грамматической абстракции; скорее сама эта абстракция в ее разных формах — результат скрещивания и взаимодействия семантики и грамматики.

Правда, в нашем советском языкознании проявляются иногда и другие крайности, приводящие к отрицанию обобщающей силы грамматики и к провозглашению определяющей роли семантики (лексики) в построении синтаксических конструкций. Например, акад. Л. В. Щерба писал: «Следует предостеречь от общераспространенного предрассудка, будто управление слов определяется грамматикой; на самом деле оно чаще всего оказывается принадлежностью каждого отдельного слова, а потому является фактом словаря»².

В полной солидарности с этим тезисом Л. В. Щербы находится и обобщение проф. В. П. Сухотина, утверждающего, что «значения или функции словосочетаний определяются вещественным значением сочетающихся слов»³. Выходит, что грамматические категории, о которых говорили проф. А. А. Потебня, акад. А. А. Шахматов, не имеют никакого отношения к значению и функциям словосочетаний.

Все это ведет к недооценке обобщающей силы грамматики, к умалению роли грамматических категорий, как абстракции языка,

---

¹ Ср. фразеологические сращения типа *собаку съел, вверх тормашками, у черта на куличках* — они семантически неделимы, значение целого не может быть выведено из компонентов. Ср. также фразеологические единства, образные выражения типа *держат камень за пазухой, выметать сор из избы, класть зубы на полку, уйти в свою скорлупу* и пр.

² Л. В. Щерба, *Преподавание иностранных языков в средней школе*, 1947, стр. 93.

³ В. П. Сухотин, *Проблема словосочетаний в современном русском языке*, «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, 1950, стр. 176.

в угоду словарю. Между тем грамматическая абстракция, сопутствующая реальным значениям слов и предложений, играет важную роль в правилах построения словосочетаний и предложений. Граматику нельзя ни растворять в лексике, ни противопоставлять ей, ибо и та и другая живут в языке в органическом, диалектическом единстве; будучи по своей природе противоположными друг другу, они в то же время неразрывно связаны и взаимодействуют, причем действие того и другого фактора проявляется с разной силой, в зависимости от характера слов, типа словосочетания, структуры предложения в целом. Например, в ряде словосочетаний (семантически связанных) словарные условия господствуют, в других случаях (в свободных словосочетаниях) ведущую роль играют грамматические значения (принадлежность слова к той или иной части речи), которые иногда и целиком определяют тип связи слов друг с другом в составе предложения, вне зависимости от лексических значений слов.

А. М. Пешковский, говоря о стремлении к обобщению в грамматике, имел в виду не отрицание ее связи с лексикой (словарем), с индивидуальными значениями слов и предложений, а выделение обобщающих абстрактных грамматических категорий из многообразия конкретно значимых единиц нашей речи.

Единицы нашей речи (слово, словосочетание и предложение) составляют не арифметическую, механическую сумму значимостей, а лексико-грамматическое единство.

Именно в этом направлении решается Пешковским вопрос о сущности грамматики в ее отношении к лексике и семантике. В последующем изложении его грамматической системы эта концепция ученого будет всюду чувствоваться.

г) О взаимоотношении двух аспектов анализа языковых фактов — морфологического и синтаксического.

Этот вопрос имеет большое методологическое (и вместе с тем методическое) значение.

Говоря о двух отделах грамматики (морфологии и синтаксисе), Пешковский всюду подчеркивал приоритет синтаксического начала. «На первый взгляд можно подумать, что в синтаксисе изучается то же самое, что и в морфологии, только в другом порядке; ведь всякое сочетание состоит из отдельных форм, так что то, что изучается в морфологии порознь, то самое как будто бы изучается в синтаксисе в связи... Но дело в том, что форма сочетания слов зависит не только от той или иной комбинации отдельных слов, но и 1) от слов, не имеющих формы, но входящих в те же сочетания, 2) от порядка слов, 3) от интонации и ритма». Мысль Пешковского о приоритете синтаксического начала в своих теоретических основаниях резко отличается от тезиса Марра и его «учеников» о синтаксисе как самой существенной части звуковой

речи; Марр и его «ученики» совсем выбрасывали морфологию за борт грамматики, Пешковский же, наоборот, морфологию ценил очень высоко.

В лингвистической литературе часто отмечалось, что Пешковскому не удалось правильно понять взаимоотношения двух отделов грамматики (морфологии и синтаксиса); правильно понимая их взаимосвязь, он-де преувеличивал роль синтаксиса в грамматике.

Но для Пешковского морфология и синтаксис — это не две различные области грамматики; он считает, что лексико-морфологическая сторона речи (слова в их значениях и формах) выполняет функцию синтаксического назначения. Сравнивая нашу речь с цветным окном готического собора, Пешковский так определяет общее значение синтаксических форм: «Синтаксические элементы — это те толстые свинцовые спайки, которые скрепляют все стекла в одну прозрачную картину»¹. Таким образом, и синтаксис и морфология, по Пешковскому, имеют дело в сущности с одним и тем же предметом исследования, но трактуют его не одинаково. В последующем своем развитии Пешковский все больше подчеркивал роль синтаксического начала в грамматике и пришел к убеждению, что «абсолютно несинтаксических категорий в языке не существует»², что только приоритет синтаксических категорий над морфологическими обеспечивает нам связность речи и возможность говорения и понимания.

Как мы уже отмечали, примат синтаксиса над морфологией и отсюда вторичность частей речи сравнительно с членами предложения принимались в русском языкознании до 1950 г. как основополагающие начала (ср. работы акад. Буслаева, проф. Потемни, проф. Богородицкого, академиков Шахматова, Виноградова, Мещанинова и др.).

Теперь, после дискуссии 1950 г. по вопросам языкознания, в особенности после объединенной научной сессии Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР в ноябре 1950 г., наметилось новое понимание взаимоотношений между двумя разделами грамматики — морфологией и синтаксисом; все больше подчеркивается идея их равноправия и самостоятельности, хотя глухо упоминается и о их взаимосвязи.

Известно, что после смерти Н. Я. Марра усиливалось тяготение рассматривать синтаксис в качестве квинтэссенции языка как надстройки. Выдвигалось требование: свести морфологию к синтаксису (она, по Марру, «лишь техника для синтаксиса»); фонетика и морфология объявлялись «языковой техникой»; заниматься ими — удел несчастных формалистов. В синтаксисе, в

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 357.

² См. статью А. М. Пешковского «О грамматическом разборе», посмертно опубликованную в журнале «Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 3.

совокупности синтаксических отношений марристы искали идеологию, «лингвистическую стадию» классовых взаимоотношений.

Пешковский не имел никакого отношения к этой вульгарно-социологической концепции в языкознании. Однако упорное подчеркивание Пешковским синтаксического начала как ведущего иногда было чрезмерным, что не могло не вести в методике преподавания русского языка к излишнему преувеличению роли синтаксиса. Подчинив морфологию синтаксису и рассматривая морфологические явления лишь в аспекте синтаксическом, Пешковский тем самым объективно толкал учителей к недооценке морфологии как самостоятельного отдела грамматики, хотя субъективно он и считал морфологию важной составной частью грамматики. Бесспорно, что для углубленного изучения морфологии нужно иметь некоторые сведения и представления из области синтаксиса. С другой стороны, для серьезного изучения синтаксиса нужно хорошо знать морфологию. Следовательно, речь может идти о строго продуманной и умело проведенной взаимосвязи двух отделов грамматики, а не о растворении одного отдела в другом.

Впрочем, в решение этого вопроса было бы необходимо внести значительно большую ясность. Дело в том, что широко распространенный в нашей периодической печати последних лет тезис о равноправии двух отделов грамматики — морфологии и синтаксиса — влечет за собою много недоразумений. В особенности много несообразностей в этом плане обнаруживается в методической литературе. Все это является результатом смешения двух различных аспектов при решении вопроса о взаимоотношении отделов грамматики: методологическом и методическом.

В методологическом плане вопрос о соотношении отделов науки решается совершенно ясно и отчетливо: все отделы языкознания представляют собой диалектическое единство, все они взаимосвязаны и взаимообусловлены на основе ведущей коммуникативной функции языка, и в этом аспекте ни о каком равноправии отделов науки не может быть речи.

Что же касается методического плана изучения разделов курса русского языка в школе (начальной, средней и высшей), то правомерно говорить об известном равноправии отделов курса русского языка, т. е. о их относительной самостоятельности (фонетике, лексикологии, лексикографии, графике, орфоэпии, так же как и об относительном равноправии и самостоятельности отделов грамматики — морфологии и синтаксиса; каждый из этих отделов имеет свою специфику, свой объект изучения).

Причем это «равноправие» неизбежно нарушается на разных этапах изучения курса; то та, то другая сторона курса выступает как главная, методически господствующая. Именно в этом

смысле и следовало бы понимать (в целях разграничения разных этапов изучения грамматики) постановление Объединенной сессии Отделения литературы и языка Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР по вопросам преподавания языков в школе.

Но в этом решении, к сожалению, методологическая и методическая сторона вопроса не разграничены с необходимой четкостью.

«Грамматика должна быть положена в основу школьного курса русского языка... — читаем мы в постановлении. — Морфология и синтаксис являются двумя равноправными разделами грамматики. Они связаны между собой, но они имеют свою специфику». А дальше в постановлении даются методические указания: «При изучении морфологии в V и VI классах учащимся следует показать, что изменения слов определяются сочетанием слов в предложении. Вместе с тем учащиеся должны получить ясное представление также о системе форм словоизменения, присущих частям речи. Для этого необходимо сосредоточить внимание учащихся и на самих формах, взятых вне предложения, используя для этого, в частности, таблицы склонения и спряжения. При изучении морфологии преимущественное внимание должно уделяться морфологическому разбору, а синтаксический разбор по отношению к нему должен играть подчиненную роль, при изучении же синтаксиса — наоборот»¹.

Несогласованность и пестрота критериев в решении вопроса о взаимоотношении отделов грамматики выражены довольно отчетливо.

Это и породило путаницу в объяснении проблемы соотношения отделов грамматики как науки и как предмета школьного изучения.

Тезис о равноправии отделов грамматики, видимо, понравился и многим преподавателям высшей школы, а также некоторым научным работникам: он прост до примитивности и освобождает от необходимости более глубокого анализа проблемы.

Вспомним недавнее прошлое нашей отечественной науки в решении этого вопроса.

Акад. А. А. Шахматов в своем монументальном труде «Синтаксис русского языка» в разделе третьем («Синтаксис частей речи»), определяя часть речи как «слово в его отношении к предложению или вообще к речи», намечает известную подчиненность морфологии синтаксису (ее несамостоятельность): слово как часть речи познается только в его отношении к предложению (а не вне предложения). «Морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи».

---

¹ «Материалы объединенной научной сессии АН СССР и АПН РСФСР» (27—29 ноября 1950 г.), изд. АПН РСФСР, М., 1951, стр. 149.

Связь частей речи с грамматическими категориями является, по Шахматову, существенным признаком, отличающим части речи друг от друга. Морфология, по Шахматову, — лишь подсобная дисциплина синтаксиса, хотя он и намечает для морфологии свои объекты исследования. Впрочем, значение термина «морфология» в словоупотреблении Шахматова колеблется. С одной стороны, он был склонен ограничить морфологию учением о словоизменении (ср. «Синтаксис», вып. 1, стр. 423, вып II, стр. 195) и считать, что «части речи могут различаться морфологически, т. е. слова, относящиеся к одной части речи, могут отличаться или самым своим строением или способностью изменяться по грамматическим категориям от слов, относящихся к другим частям речи»¹. С другой стороны, Шахматов отмечал, что «морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи», и полагал, что «морфологические изменения соответствуют грамматическим категориям; существенным признаком, отличающим части речи друг от друга, является связь каждой из них с этими грамматическими категориями, а так как категория грамматическая познается в синтаксисе, то синтаксическое определение частей речи должно принять во внимание и ту связь, которая имеется между отдельными частями речи и грамматическими категориями»². Следовательно, по Шахматову, учение о частях речи не может быть изложено целиком только в морфологии (ибо формы слов связаны с грамматическими категориями, познающимися только (?) в синтаксисе); с другой стороны, это учение о частях речи не может быть полностью проведено только в синтаксисе (ибо грамматические категории обнаруживаются и с помощью форм слов). Вот почему Шахматов вынужден признать, что «самое содержание учения о частях речи составляет, между прочим, определение грамматических категорий в их отношении к частям речи»³.

Возможно, что на Шахматова оказали влияние мысли Буслая: «Все части речи и изменения их получают свой смысл по месту, занимаемому ими в предложении. Впрочем, кроме того, имеют они и свое собственное неизменное значение как отдельные формы. Определение этих форм и составляет учение о категории частей речи»⁴.

Следовательно, Шахматов полагал, что синтаксис и морфология, как отделы грамматики не равноправны, что их области нельзя рассматривать как смежные (в одной плоскости). Они взаимопроникаемы, проецируются друг на друга.

---

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, § 489, стр. 420.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ф. И. Буславей, Опыт преподавания отечественного языка, М., 1844, ч. II, стр. 6 (в последующих изданиях эта формулировка снята).

Синтаксис Шахматов определяет как ту «часть грамматики, которая рассматривает способы обнаружения мышления в слове»¹.

Здесь он следует в известной мере Потебне и его ученику Д. Н. Овсяннико-Куликовскому, хотя Потебня, противопоставляя этимологию синтаксису, как создание форм «их употреблению» или как «историческую точку зрения» «описательной», синтаксис определял как «момент истории языка»². Овсяннико-Куликовский определял синтаксис как «часть грамматики, занимающуюся изучением употребления слов и их сочетаний в процессах речи — мысли»³.

Еще ярче эта мысль выражена у проф. Богородицкого: «Морфология... инвентарь отдельных категорий слов и их форм, а синтаксис показывает все эти слова и формы в их движении и жизни — в предложении»⁴. Известно, что Пешковский, объявляя предметом синтаксиса «формы словосочетаний» (влияние Фортунова), включил в изложение синтаксиса учение о предложении (влияние Потебни и Шахматова).

Задачей синтаксиса, по Шахматову, является «изучение как предложения, т. е. словесного выражения единицы мышления, так и выделившихся... словосочетаний и слов, насколько, однако, эти последние — в своей ли форме или в своем употреблении — не потеряли связи с предложением, сохранив значение частей или членов предложения»⁵.

Область синтаксиса, по Шахматову, простирается очень широко. «Вне области синтаксиса, — говорит он, — остаются... только те элементы языка, которые потеряли свою неперемнную связь с предложением, которые хотя и обнаруживаются в предложении, но могут быть отвлечены от него, не завися ни в своей форме, ни в своем значении от окружающих слов. Эти элементы рассматриваются частью в других частях грамматики (фонетике, морфологии, словообразовании), частью в тех отделах учения о языке, которые посвящены слову, отвлеченному от предложения (лексикология, семасиология)».

Всякая грамматическая форма, рассматриваемая со стороны значения, по Шахматову, есть форма синтаксическая⁶.

Позже Пешковский утверждал даже, что «абсолютно несинтаксических категорий в языке не существует». Однако этот тезис Пешковского лишь внешне сближается с изложенным выше

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис, изд. 2, 1941, стр. 17.

² А. А. Потебня, Из записок, ч. I—II, стр. 38, 39, 46.

³ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка, изд. 2, СПб, 1912, стр. 1.

⁴ Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 5, 1935, стр. 207.

⁵ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, § 1.

⁶ См. об этом во вводной статье С. И. Бернштейна к «Очерку» Шахматова, 1941, изд. 4, стр. 41.

учением Шахматова о синтаксической форме; по существу же учение Пешковского об отсутствии «абсолютно несинтаксических категорий» восходит к учению Фортунатова о формах словообразования и формах словоизменения, а также к учению Потебни, отрицающего грамматическую и лексическую реальность отдельного слова (она познается, по мысли Потебни, только в предложении).

Рассуждения классиков русской лингвистики по этому вопросу и до сих пор сохраняют интерес в плане более глубокого уяснения проблемы взаимоотношения двух отделов грамматики.

Отделы грамматики (морфология и синтаксис)—это не механическое, а диалектическое единство, и их взаимодействие в языке осуществляется на основе ведущей роли синтаксиса, который является «организационным центром грамматики» (формула акад. В. В. Виноградова периода 1947 г.).

Тогда В. В. Виноградов, продолжая углубленно истолковывать взаимоотношения разных сторон языка, писал о том, что все стороны языка скрещиваются, взаимодействуют, что даже в грамматической структуре слов (а не только предложений) морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическом единстве. «Морфологические формы,— утверждал В. В. Виноградов вслед за Богородицким, Шахматовым, Пешковским и другими русскими лингвистами,— это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий — это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса. Синтаксис — организационный центр грамматики»¹.

В борьбе с ошибками марристов, выбросивших морфологию за борт грамматики и рассматривавших грамматику как механическую сумму лексики и синтаксиса, советские языковеды после 1950 г. увлеклись другой крайностью: предав забвению идею о ведущей основе во всяком диалектическом единстве, стали рассматривать морфологию и синтаксис как механическое единство и подчеркивать их равноправие.

Эту «игру в новинки» на серьезном научном фронте очень хорошо изобличил акад. Л. А. Булаховский, который в рецензии на академическую «Граматику русского языка» (1954,

---

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, 1947, стр. 29 (выделено мной. — А. Б.).

т. II) заметил: «Несколько странно читать на странице 7 элементарные замечания по поводу отношения к синтаксическим морфологическим категориям, замечания, в которых «исправляется» такой выдающийся ученый, как А. А. Шахматов»¹.

Спору нет, каждый из отделов грамматики имеет свой объект изучения: морфология исследует слово, его формы главным образом в статике, а синтаксис исследует типы словосочетаний и структуру предложения как грамматически и интонационно оформленную единицу мышления в процессе познания действительности и в акте общения, т. е. в динамике.

Многие морфологические категории (например, категория падежа) познаются только в синтаксисе — в связи слов друг с другом в составе предложения; другие же категории являются чисто морфологическими (категория рода и категория субъективной оценки, например), в-третьих причудливо и с разной силой сцепляются и лексические, и морфологические, и синтаксические приметы (категория части речи вообще, категория наречия в частности).

Словом, все стороны языка так тесно взаимосвязаны и так сложно сплетены, что нельзя их абсолютно изолировать друг от друга или выстраивать в один ряд как равноправные, так как в одном случае преобладает лексическое начало (в категории имен числительных, например), в другом морфологическое (в категории рода и др.), в третьем синтаксическое (в категории состояния), в четвертом случае действуют почти все факторы: лексические, морфологические и синтаксические (в категории залога, например).

Таким образом, самостоятельность отделов грамматики весьма относительная, и о равноправии их можно говорить лишь очень условно (главным образом в методическом плане), искусственно отвлекаясь от сложной природы нашей мысли — речи, от тончайших переплетений в ней лексических, морфологических и синтаксических категорий, которые совместно получают свою полную силу лишь в составе предложения (т. е. в синтаксисе).

Несомненно, слово как лексико-грамматическая единица познается во всей полноте лишь в его отношении к предложению и в составе предложения, поэтому правомерно говорить об известной подчиненности морфологии синтаксису и, следовательно, о несамостоятельности морфологии.

Наступила пора восстановить в правах хорошую традицию (русской науки вообще и русской лингвистики в частности) развивать, углублять научное решение теоретических проблем, опираясь на все лучшее, что есть в трудах наших предшественников, и обогащая науку все новыми и новыми наблюдениями и обобщениями фактов языковой действительности.

---

¹ См. «Русский язык в школе», 1955, № 5, стр. 71.

Автономия морфологии, автономия синтаксиса, суверенитет фонетики¹, равноправие отделов языкознания — все подобные нововведения последних лет необходимо решительным образом пересмотреть под углом зрения взаимосвязи, взаимодействия и диалектического единства всех отделов науки о языке. Всякие рассуждения об автономии и равноправии двух отделов грамматики являются в конечном счете антинаучными.

Положительное значение системы синтаксиса у Пешковского заключается в том, что он, нарушив фортуноватовское понимание синтаксиса как учения о формах словосочетания, по существу под видом словосочетаний представил синтаксис как учение о предложении, тем самым устанавливая естественную связь грамматики с логикой и психологией, ибо предложение является ведущей, организующей единицей нашей речи, грамматически оформленной и выражающей относительно законченную мысль в акте общения между людьми.

д) Учение Пешковского о грамматической форме.

Переходя к вопросу об учении Пешковского о грамматической форме, необходимо отметить, что формы слова и формы словосочетания Пешковский считал основными и в то же время труднейшими понятиями грамматики.

И это, конечно, правильно.

Пешковскому не удалось до конца разрешить всех трудностей на пути выяснения этих понятий. И не удивительно. Многие ученые отмечают сложность проблемы и необходимость решать ее в тесной связи с общефилософскими проблемами.

«Вопрос о форме слова — сложный вопрос, который может быть решен только при правильном понимании категорий языка и мышления»². «Слово — структура сложная. Смысловое единство слова сочетается с реальным или потенциальным многообразием его форм»³. В специальных работах, посвященных этому вопросу, за последние 10—15 лет уже в известной мере определен объем самой проблемы и намечено ее разрешение. Однако нас интересует сейчас не вся проблема в целом, а лишь те принципы, которые следует положить в основу критики понятия слова и его формы у Пешковского.

Уже Маркс отмечал, что «на духе с самого начала тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает

---

¹ Справедливо замечание А. А. Реформатского по поводу теснейшей связи фонем и морфем: «Фонемы существуют не «где-то», а только в морфемах, и сами морфемы (их типы: корень, префикс, суффикс, флексия), и характер их соединения в слове — необходимые характеристики «условий» для существования фонем», «Вопросы языкознания», 1957, № 2, стр. 102.

² Е. М. Галкина-Федорук, Понятие формы слова. Труды Московского государственного института истории, философии и литературы, т. IX, философский факультет, 1941, стр. 97.

³ В. В. Виноградов, О формах слова. Известия АН СССР, отд. литературы и языка, 1944, т. 3, вып. 1, стр. 35.

здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка».

Известна формула М а р к с а—Э н г е л ь с а о том, что «язык возникает лишь из потребности, из настоящей нужды в общении с другими людьми»¹. Следовательно, язык есть материальная форма выражения мысли. Деятельность нашего мышления состоит в том, что оно отображает явления объективного мира, значение и содержание и вместе с тем формы этих явлений. С этой точки зрения можно сказать, что слово — это единство звуковой формы и значения, это выражение понятий о предметах и явлениях действительности, воспринимаемых нами с помощью органов чувств и сознания. Деятельность нашего языка и состоит в выражении и коммуникации отраженной мышлением действительности. Язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов результаты работы мышления, отражает в нашем сознании предметы и явления объективного мира. Только с помощью языка люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями.

В. И. Ленин говорил о том, что процесс нашего познания мира идет от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. В мышлении нет ничего, что стояло бы вне действительного мира, а в языке выражается все то, что есть в мышлении. Реальность мысли проявляется в языке. Непосредственная связь сознания с внешним миром через ощущение есть, по Ленину, превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания². Чувственное восприятие дает предмет, рассудок — название для него. В рассудке нет ничего вне чувственного восприятия, но то, что в чувственном восприятии находится фактически, то в рассудке находится лишь номинально, по названию.

Наше мышление отражает и содержание и формы действительности; мышление само является одной из форм движения материи³. Э н г е л ь с видит большую заслугу Гегеля в том, что он исследовал предпосылки нашего мышления не только со стороны содержания, но «также и с точки зрения формы»⁴. Формой мышления является язык, вне которого не может быть никакого мышления, ибо оголенных мыслей, мыслей без слов не существует.

В слове реализуется единство лексического значения (т. е. соотношения слова с предметом или понятием о предмете или явлении), логического значения (т. е. соотношения с формами мысли) и грамматического значения (т. е. того добавочного, сопутствующего значения, с помощью которого слова изменяются и сочетаются друг с другом в речи).

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 20—21.

² См. В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 39.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 364.

⁴ Там же, стр. 343.

Это единство не механическое, а диалектическое, ибо взаимоотношения между лексической, логической и грамматической сторонами слова чрезвычайно сложные и часто противоречивые; диалектический метод «берет вещи и их умственные отражения главным образом в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении...»¹

И формы, и значения слова — понятия исторические, изменчивые, развивающиеся. Поэтому для понимания сложных диалектических взаимоотношений между формой и содержанием слова следует учитывать специфику отношений между формой и содержанием вообще. «Содержание без формы невозможно, но дело в том, что та или иная форма, ввиду ее отставания от своего содержания, никогда полностью не соответствует этому содержанию и, таким образом, новое содержание «вынуждено» временно облечься в старую форму, что вызывает конфликт между ними»². Но конфликт существует не между содержанием и формой вообще, а между старой формой и новым содержанием, которое ищет новую форму и стремится к ней.

Грамматические формы, правила и законы, как уже отмечалось, отражают процессы нашего мышления в самом общем, абстрактном виде.

Следовательно, в форме слова, как и в грамматическом строе вообще, нельзя видеть непосредственное отражение общественной жизни и культуры народа, как то пытались представить Н. Я. Марр и его ученики, выводя морфологические формы и грамматический строй языка из социально-классовых отношений той или иной стадии общественного развития; нет, грамматические формы — это результат длительной абстрагирующей работы человеческого мышления, а не непосредственный результат культурно-исторических, экономических и социально-классовых отношений. Поэтому понять сущность грамматической формы и категории можно лишь исходя из внутренних законов языкового развития, обусловленных в конечном счете историей развития общества, его культуры и науки, ибо язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества.

В связи с историей вопроса о грамматической форме остановимся кратко на взглядах отдельных ученых-лингвистов по этому вопросу.

Проф. А. А. Потебня выступал против механического расчленения слова на две части — на основу и формальную принадлежность. Он подчеркивал принцип однородности грамматической формы с вещественным значением. «Грамматическая форма есть значение, а не звук», — писал Потебня. — «Мысль в формальном языке никогда не разрывает связи с грамматическими

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 23.

² И. В. Сталин, Анархизм или социализм, Сочинения, т. 1, стр. 117.

формами: удаляясь от одной, она непременно в то же время создает другую»¹. Звук, являющийся грамматическим средством языка, может теряться. Но это не значит, что тем самым перестает распознаваться грамматическая категория, а значит только, что «она пользуется для распознавания формы другим, более тонким средством, а именно знанием места, которое занимает слово в целом»². Но понятие грамматической формы слова вытекает у Потебни из более широкого понимания слова, его содержания, из идеи неразрывной связи языка и мышления. В языке все оформлено. «Язык, — по определению Потебни, — есть... форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается»³. «Содержание языка состоит лишь из символов внеязычного значения и по отношению к последнему есть форма». «Формальность... свойственна всем языкам, все равно, имеют ли они грамматические формы, или нет». Для Потебни лишь контекст языкового целого может служить смысловым фоном осуществления речи, для определения языковых форм. «Нет формы, присутствие и функции коей узнавались бы иначе, чем по смыслу, т. е. по связи с другими формами и словами в речи и языке». С этой точки зрения в русском языке нет бесформенных слов, так как лексическое значение всякого слова подводится под ту или иную грамматическую категорию, ибо грамматическое значение органически входит в смысловую структуру каждого слова, находя выражение в его речевом употреблении. Отсюда у Потебни разрабатывается понятие «внутренней формы», теория единства членораздельного звука и значения.

Но в последней четверти XIX в. при общем усилении эмпиризма в языковедении понятие внутренней формы практически было отвергнуто и внимание языковедов было сосредоточено на внешних формах языка.

Многозначность термина «форма» породила ряд научных недоразумений, губельно отразившихся на развитии грамматической науки. Упускалось из виду, что различия между основными типами слов определяются не только грамматической природой (формой) слов, но и их грамматическими функциями в предложении. Понятие формы слова отождествлялось с формальными признаками значения, иногда же форма слова просто смешивалась с окончанием. Чаще под формой слова понималось внешне морфологическое выражение грамматического значения в строе отдельного слова.

В результате понятие языковой формы свелось к сумме морфологических форм (корень и аффиксы) и синтаксических форм, понимаемых как конструкции из морфологически оформленных

---

¹ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, стр. 41, 55.

² Там же, стр. 58.

³ Там же, стр. 63.

слов. Именно отсюда появляется деление слов на форменные и бесформенные¹.

«Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем его формой»², — писал акад. Ф. Ф. Фортунатов. Одни слова, по Фортунатову, имеют форму (например, *вод-а*), другие бесформенные, лишены формы (например, несклоняемые существительные типа *пальто*, наречия *здесь, там, дома, завтра* и т. п.). Слова с формами составляют разряд слов «грамматических», все остальные слова, не имеющие формы, считаются неграмматическими и остаются за пределами морфологии, хотя и могут рассматриваться в синтаксисе — в связи с изучением форм словосочетания. Такое понимание формы слова отражается на понимании терминов: формы словообразования и формы словоизменения. Последние — это флексии падежей и спряжения. Формы же словообразования — это чередования звуков основы, суффиксов, приставки, посредством которых образуются новые слова или лексически изменяются уже существующие слова. Такое понимание формы слова как отдельного морфологического элемента в составе отдельного слова очень узко и отвергнуто большинством лингвистов. Сущность ошибок Фортунатова сводится к тому, что под «формальной принадлежностью» слова Фортунатов понимал ту принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова. Это определение, опираясь на чисто морфологический состав слова, не охватывает всех признаков формы, что и привело сторонников Фортунатова к ряду грубых формалистических ошибок. Понятие формы слова у Фортунатова совпадает с понятием аффикса («формальной принадлежности»), которая будто бы служит единственным показателем формы. Основной порок фортунатовской концепции формы слова состоит в упрощении этого понятия, в подмене сущности грамматической формы одним из факторов, создающих форму. Отсюда в системе Фортунатова возникают и внутренне противоречивые понятия «неграмматического слова» и «неграмматического предложения».

Такое обеднение понятия формы в языке вызывает известную реакцию в языковедении XX в., в частности в трудах акад. А. А. Шахматова. Для Шахматова в содержание грамматической формы входят все средства грамматических отношений в языке: не только формы словообразования и словоизменения (аффиксы, их порядок в слове или во фразе, чередование глас-

¹ Ср. А. М. Пешковский, Школьная и научная грамматика, изд. 2, 1918, стр. 20.

² Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, Лекции, читанные в 1899—1900 гг., литографированное издание, стр. 88; см. о формах отдельных полных слов в «Сравнительном языковедении» (общий курс), впервые напечатанном в избранных трудах акад. Ф. Ф. Фортунатова (Учпедгиз, 1956, т. I, стр. 136—151).

ных, внутренняя флексия, ударение, тон, нулевые морфемы), не только порядок слов, ударение, интонация, связь с другими словами, но и служебные слова и даже корни слов в той мере, в какой они выражают не вещественные, реальные, а сопутствующие грамматические представления¹.

Сравнивая точку зрения Потебни и Шахматова по этому вопросу, следует отметить, что у Шахматова нет такого подчеркнутого слияния значений слова (грамматического и вещественного), как у Потебни. Наоборот, он разграничивает их: «Грамматическое значение языковой формы противопоставляется реальному ее значению... Реальное значение связывает слово непосредственно с внешним явлением, грамматическое значение связывает его прежде всего с другими словами, со значением других слов»². Отсюда Шахматов делает глубокое определение грамматических значений, как значений сопутствующих, совмещающихся со значениями реальными. Эти сопутствующие понятия «находят себе морфологическое или синтаксическое выражение». Грамматической формой Шахматов называет и «морфологическое обнаружение грамматического понятия»³.

Грамматическими категориями, по Шахматову, определяется внутренняя связь отдельных слов между собой и отношение их к предложению; слова определяются как части речи именно постольку, поскольку они вызывают представление о грамматических категориях или, напротив, не вызывают такого представления.

Осознание ошибочности концепции Фортунатова было предопределено у Пешковского именно таким пониманием вопроса Шахматовым, взгляды которого в свою очередь сложились под большим влиянием Потебни.

Отсюда все более осознается несостоятельность узкоморфологического критерия Фортунатова в определении термина «форма слова». Акад. Л. В. Щерба в статье «О частях речи»⁴ обстоятельно излагает понятие «формального признака» или «внешнего выразителя грамматической категории». Внешние выразители категории, по мнению Щербы, могут быть самые разнообразные: «изменяемость слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т. д.».

Признаки, выразители категории могут быть положительными или отрицательными; так, «неизменяемость» слов как противоположение «изменяемости» также может быть выразителем

¹ См. ст. С. И. Бернштейна «Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова (Известия ОРЯС АН СССР, т. XXV, 1922); то же в журнале «Русский язык в школе», 1940, № 4.

² А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, § 497.

³ Там же, § 499, стр. 434.

⁴ Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, «Русская речь», вып. II, новая серия, изд. «Академия», 1928.

категории, например, наречия. «Противопоставляя форму, знак содержания, значению, я позволю себе,— замечает Щерба, — называть все эти внешние выразители категорий формальными признаками этих последних. Существование всякой категории обуславливается тесной и неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков»¹.

Проследим формирование концепции Пешковского по этому вопросу.

Если в ранней своей концепции Пешковский безоговорочно принимает фортуноватовское определение формы слова, как «способности отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова»², то в дальнейшем он все более решительно критикует учение Фортунатова о формах слова и отказывается от механического разрыва «формы» и «значения»; точка зрения Потебни, утверждавшего, что «форма» есть функция «значения», становится для Пешковского господствующей, хотя он и не отождествляет понятия «значение» и «форма», как это звучит у Потебни («грамматическая форма есть элемент значения и однородна с его вещественным значением») ³.

И если Пешковский, вводя понятие «формальной категории», не устранил некоторой сбивчивости в употреблении термина «форма» (как говорит об этом проф. С. И. Бернштейн⁴), то нельзя не видеть, что уже в промежуток между вторым и третьим изданием «Русского синтаксиса» Пешковский обнаружил в формулировке Фортунатова «непригнанность определения грамматики к определению формы». «Я думаю,— пишет он,— что в определении грамматики Фортунатов сдвигал понятие формы несколько в другую сторону... приближая к понятию «слова, имеющего форму»... Думаю, что грамматика, как и другие отделы языковедения, не есть наука о «способностях» слов, а есть наука об определенных языковых фактах. Такими фактами являются формальные принадлежности слов в их отношениях друг к другу и к материальным принадлежностям. А факты эти, конечно, суть проявления соответствующей общей способности слов, вернее, нашей способности сознавать их»⁵.

И далее в этой же статье Пешковский, рассматривая вопрос о формах слов и словосочетаний, говорит, что «ультраформа-

---

¹ Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, «Русская речь», вып. II, новая серия, изд. «Академия», 1928, стр. 7—8.

² Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, Курс лекций, 1901—1902, Учпедгиз, 1956, стр. 136; ср. у Пешковского «Русский синтаксис», 1914, стр. 3.

³ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, изд. 2, стр. 29.

⁴ См. упомянутую выше статью С. И. Бернштейна о Шахматове, стр. 16.

⁵ А. М. Пешковский, В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? Сборник статей, 1925, стр. 17.

листы» не видят синтаксических значений в языке, т. е. они понимают значения лишь в пределах отдельного слова. «Этот великий разрыв звуковой и смысловой стороны речи, недостаточно еще до сих пор подчеркнутый в литературе, делает чрезвычайно трудным разграничение понятий формы слова и формы словосочетаний, а с ними и разделение грамматики на морфологию и синтаксис», — пишет Пешковский. В результате редакционной обработки фортунаатовской формулы Пешковский приходит в 3-м издании «Русского синтаксиса» к следующему определению: «Форма слова есть особое свойство его, в силу которого оно распадается по звукам и по значению на основу и формальную часть, причем по звукам формальная часть может быть и нулевой»¹.

Это определение Пешковский иллюстрирует следующим рассуждением. В одном и том же слове может быть и несколько формальных частей, а стало быть и несколько форм. При этом формальные части могут стоять и в конце и в начале слова. Например, слово *разговорчивый*.

Выделение в этом слове значащих частей представляется Пешковским в следующем виде: «Так как в языке существуют ряды слов:

разговорчивый, внимательный, добрый, умный и т. д.
разговорчив—ая
разговорчив—ое
разговорчив—ее
разговорчив—ость
разговорчив

и т. д.,

то слово распадается на основу *разговорчив* (которую, конечно, не надо смешивать с отдельным словом *разговорчив*, заключающим в себе, кроме основы, еще нулевую формальную часть) и формальную часть — ***ый***. Но так как далее в языке существуют еще и ряды:

разговор-чив-ый обманчивый, вкрадчивый, уступчивый, находчивый, обидчивый и т. д.
разговор-иться
разговор-ный
разговор-юсь
разговор-ились

и т. д.,

то снова *разговорчив-* в свою очередь распадается на *разговор + чив*. Из этих частей основное значение заключается, очевидно, в части *разговор* (тоже не смешивать с отдельным словом *разговор*), а формальное — в части ***-чив-***. Следовательно, этот

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 47.

разговор будет новой основой, и **-чив-** новой формальной частью. Далее, в языке существуют еще ряды:

раз-говор-чивый, разборчивый, размахистый, развесистый, развязный и т. д.

с-говорчивый

у-говор

за-говор

при-говор

у-говор-иться

на-говор-иться,

и поэтому основа *разговор-* снова распадается на *раз+говор*. Основной смысл слова заключается в части *говор-*, а формальный — в части *раз*. Стало быть, это *говор-* и будет опять основой, а *раз* — формальной частью. Основа же *говор-* ни на что уже более не распадается»¹.

Так, Пешковский подводит читателя к понятию основных элементов слова: основной значащей части — корня и формальных частей слова — аффиксов, которые разделяются в свою очередь на префиксы и суффиксы.

Как видим, в анализе слова *разговорчивый* представляет интерес сама идея выяснения скрытых в словах формальных значений. Эта идея была выражена Пешковским еще в первом издании его «Русского синтаксиса»: «Таким образом, в каждом слове, имеющем форму, — писал он, — заключено, с грамматической точки зрения, не одно значение, а по меньшей мере два: вещественное и формальное, причем формальных значений в словах обыкновенно несколько»².

Но Пешковский отчетливо осознавал невозможность механического отсечения формы отдельного слова от форм словоизменения в связной речи, отчетливо понимал тесную связь и взаимодействие синтаксических и словообразовательных элементов речи. Это сказалось потом на третьем издании «Русского синтаксиса» в учении о частях речи, где он отказался от своей первоначальной классификации слов на «форменные» и «бесформенные». Растущее во славу синтаксиса пренебрежение к чисто морфологическим особенностям разных классов слов побуждает Пешковского признать приоритет форм словосочетания над формами отдельного слова.

Поэтому в дальнейшем Пешковский включает в понятие форм (форм словосочетаний) и порядок слов, и интонацию, и ритм, и характер связей между словами³. Словом, грамматическая форма понимается им теперь гораздо шире, чем прежде; в нее включается вся совокупность грамматических средств язы-

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 47—48.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 12.

³ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, 1938, стр. 66 и др.

ка для обнаружения того или иного значения. Впрочем, уже в первом издании «Русского синтаксиса» имеются указания на формально-грамматическую роль порядка слов, интонации и др.

В третьем издании «Русского синтаксиса» Пешковского есть специальные главы «Понятие о форме словосочетания» (V) и «Связь слов в словосочетании» (VI), где подробно рассматриваются все эти проявления форм грамматических категорий. Более того, Пешковский тонко анализирует даже такие формы словосочетания, которыми ставятся в известные отношения друг к другу не только слова нашей речи, но и представления, обозначаемые этими словами. Пешковский на примерах рассматривает случаи обратимости, взаимного совпадения слов и представлений (брат учителя = учителя брат и т. п.) и случай абсолютной необратимости отношений между словами: «ножка стола», но нельзя сказать «стол ножки» и т. п. Пешковский убедительно доказывает, что формы языка тесно связаны с содержанием — с представлениями реальными и грамматическими, «потому что в отношении формы словосочетания нет ничего бесформенного».

Отсюда вытекает и резкий протест Пешковского против тех грамматических учений, которые кладут в основу грамматической классификации слов «окончания систем склонения и спряжения, что... не объясняет многих явлений и принижает чуть ли не до полного игнорирования синтаксическую сторону дела». Утверждая «мощь синтаксического начала при нехватке морфологических средств», Пешковский подчеркивает взаимную связь форм: «Точнее всего будет сказать, — пишет он, — что всякое формальное значение создается в сущности прежде всего взаимодействием данной формы слова с данной формой словосочетания, т. е. прежде всего со всеми остальными формами его».

Преодоление Пешковским узкого морфологизма фортунатовского учения о форме было обусловлено не только влиянием взглядов Потемни и Шахматова, но и тем обстоятельством, что уже в самой первоначальной грамматической системе Пешковского были заложены такие синтаксические элементы, которые разрушали цельность фортунатовской концепции. И дальнейшее углубление синтаксической точки зрения Пешковского нельзя рассматривать только как более или менее удачные «поправки и уточнения» к учению Фортунатова о форме слова, имеющие лишь некую относительную ценность»; между тем именно к этому сводится смысл утверждения проф. С. И. Бернштейна, когда он говорит, что у Пешковского «как бы ни были удачны сами по себе эти поправки и уточнения, ценность их все же очень относительна: они не затрагивают основной ошибки Фортунатова — произвольного сужения понятия грамматической формы...»¹

¹ С. И. Бернштейн, Вводная статья к шестому изданию «Русского синтаксиса» А. М. Пешковского, 1938, стр. 16—17.

Выше мы показали, что такая оценка эволюции взглядов Пешковского оставляет его, в сущности, в пределах школы Фортунатова, что противоречит и нашим выводам и выводам самого же проф. С. И. Бернштейна.

По-иному оценивает концепцию Пешковского проф. Е. М. Галкина-Федорук в статье «Понятие формы слова». Характеризуя школу Фортунатова (его учеников Поржезинского, Ушакова, Петерсона) и понимание ею формы слова, автор статьи при переходе к анализу взглядов Пешковского по этому вопросу говорит: «Несколько особняком стоит А. М. Пешковский, также один из последователей Фортунатова. В первые годы своей деятельности Пешковский сохранял в трактовке языковых фактов те же формалистические позиции». Затем Е. М. Галкина-Федорук выявляет то отличное, что ставит Пешковского на особое место. Это прежде всего понимание Пешковским единства между значением слова в целом и его составными формальными частями. Это его понимание с удовлетворением цитируется автором статьи: по Пешковскому, одинаковые по звукам формальные части могут иметь совершенно разные грамматические значения в зависимости от лексического значения слова; например в слове *запел* приставка *за* выражает начало действия; в слове *записал* — *за* выражает законченность действия, потому что дело не только в формальных частях слова, но и во всем значении слова.

Убедительной представляется мысль о прогрессивном характере эволюции взглядов Пешковского в вопросе о форме слова.

Но, утверждая именно такой характер эволюции взглядов Пешковского по линии преодоления формализма Фортунатова, мы, однако, вовсе не склонны думать, что пути преодоления Пешковским концепции Фортунатова в этом вопросе не были тернисты; наоборот, морфологизм Фортунатова ощущался Пешковским в очень сильной степени.

Это особенно проявилось в его статье «В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?»¹, написанной в 1924 г. В этой статье существен конечный вывод: чисто формальная грамматика стоит в каком-то роковом противоречии со здравым смыслом, с логическими категориями, отсечь которые от грамматики Пешковский никогда не решался.

Внутренняя сущность этой статьи — в стремлении преодолеть крайности формализма и найти какую-то равнодействующую между системой форм Фортунатова и системой значений Потебни и ответить на вопрос, совместимо ли изучение смысловой стороны языка с формальным направле-

---

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 5—38.

н и е м. А так как этот вопрос внутри самого формального направления решался по-разному, то вполне понятны настойчивые стремления Пешковского отмежеваться от крайностей формализма и найти выход из тупика формальной грамматики в направлении взаимосвязи языка и мышления.

Поскольку Пешковский уже признал трудным резкое разделение грамматики на морфологию и синтаксис, то для него реальные значения слов (материальные), противопоставляясь грамматическому их значению (формальному), познаются лишь в целом контексте речи — в предложении.

Отсюда и основанием для констатирования формального (грамматического) значения являются морфологические и синтаксические особенности в их совокупности. Но это по существу уже не фортуноватская линия, а линия Шахматова. В известной мере тут сказалось и влияние Потебни (в смысле синтаксического подхода к языковым фактам). Это открывает Пешковскому логическую возможность трактовать в дальнейшем понятие о формальной категории в духе Шахматова и Потебни и тем самым предупредить в своих последующих грамматических построениях опасность «великого разрыва звуковой и смысловой стороны речи». Но уже в период написания статьи о сущности формальной грамматики, т. е. в 1924 г., Пешковский не решается выбросить за борт грамматики логические категории и вынужден признать закономерность их изучения школьной грамматикой. Отсюда понятен и знаменательный эпилог его статьи, ее, так сказать, *сгедо*. «Так как, однако, — пишет он, — логические категории не скрываются где-то в поднебесье, а существуют в нашей мысли бок о бок с грамматическими, так как они просвечивают более или менее завуалированно во всех гораздо более многочисленных и сложных категориях языка, то в результате школьная грамматика никогда не бывает *до конца не права*»¹. И, признав вслед за этим, что «между логикой и грамматикой есть естественный мост»², Пешковский, действительно, поставил себя в положение блуждания в неуверенной ладье между «Сциллой формы и Харибдой логоса» и не мог не понимать, что «своеобразный ореол бессмыслия»³, которым окружена новая формальная грамматика, имеет серьезные основания и мотивы; вся грамматическая концепция формалистов вела к решительному отказу от смысла, к утверждению формы, оторванной от содержания.

Таким образом, Пешковский признает еще и еще раз, что формальная грамматика таит в себе опасность отрыва от смысловых, логических категорий языка, что окружение формальной грамматики «своеобразным ореолом бессмыслия» разрушает естественный мост между логикой и грамматикой и что школьная грамма-

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 31.

² Там же.

³ Там же, стр. 28.

тика более права, чем не права, когда она отрицает догматы формализма.

Таким образом, Пешковский достаточно отчетливо понимал единство между значением слова в целом и его составными формальными частями. Грамматическая форма, по Пешковскому, есть элемент значения, но она не однородна с вещественным (реальным) значением слова и предложения. Грамматическая форма шире, чем понятие отдельного слова; она познается не только в отдельном слове, но и в контексте целого, чем обусловлена связь морфологии с синтаксисом (под протекторатом синтаксиса).

В форме слова реализуется единство лексического значения, логического содержания (т. е. соотношения с формами мысли) и грамматического (общего, абстрактного) значения. Именно в этом направлении шли искания Пешковского в решении проблемы грамматической формы.

Ниже, особенно в главах о словосочетаниях и предложениях в системе Пешковского, мы покажем, как реализует Пешковский свое понимание грамматической формы.

В настоящее время все более утверждается мысль о том, что грамматика не оторвана от лексического содержания высказывания, а образует с ним, часто в очень сложной системе взаимосвязей и взаимозависимостей, комплекс значений, которыми говорящий и слушающий пользуются в акте общения.

В советском языкознании развивается понимание форм слова как дополнительных формальных значений его, сопровождающих основное (лексическое) значение слова. С этой точки зрения уже нельзя говорить о словах, не имеющих формы, или бесформенных. «Всякое слово оформлено уже тем, — говорит акад. В. В. Виноградов, — что оно несет известные грамматические функции, занимает определенное место в грамматической системе языка, подводится под ту или иную грамматическую категорию»¹. В. В. Виноградов правильно замечает, что «сознание тождества слова покоится на понимании его семантического единства в многообразии его мыслимых видоизменений. А эти видоизменения выражаются не только в морфологическом облике слова, но и в различии его синтаксических связей и функций... В понятие грамматических форм включаются не только разновидности его морфологической структуры, но и различные сочетания его с другими формами слов или словами»². Такой глубокий подход к пониманию формы слова и позволил акад. В. В. Виноградову наметить основные способы образования форм слова.

Форма слова, по определению проф. Е. М. Галкиной-Федорук, это «диалектическое единство и лексического и грамма-

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, 1947, стр. 33.

² В. В. Виноградов, О формах слова. Статья в Известиях АН СССР, отд. литературы и языка, т. III, вып. 1, 1944, стр. 42. Ср. его же «Русский язык», 1947, стр. 35—36.

тического значения, выраженное языковыми средствами, т. е. внешними грамматическими признаками»¹.

Е. М. Галкина-Федорук рассматривает форму слова как «проявление единства лексико-грамматического значения в многообразии морфологическо-синтаксических признаков, свойственных структуре того или иного языка»².

В этом определении нельзя не видеть органической связи взглядов автора статьи с теми идеями, которые ранее развивались акад. Л. В. Щербой в его статье «О частях речи», а также и некоторыми идеями акад. А. А. Шахматова, по мнению которого в содержание грамматической формы входят все средства грамматических отношений в языке. Таким образом, в русской лингвистике выявились довольно четкие контуры решения проблемы формы слова и грамматической формы вообще. Более того, мы имеем уже данные для того, чтобы говорить о наличии известных критериев решения проблемы на основе диалектико-материалистического метода; эти критерии состояются из синтеза всего лучшего, что есть у ряда русских лингвистов.

Ни в коем случае нельзя сказать, что форма слова — это совокупность всяких морфологических признаков, выражающих отношения. Это значило бы оторвать грамматику от лексики и семантики и рассматривать, например, синтаксические формы вне смысла предложения, между тем как формы и функции (значения) словосочетаний в предложении представляют собой не механическое сложение форм и значений, а некое целостное диалектическое (противоречивое) единство. Форму слова следует рассматривать как проявление единства лексико-грамматического значения в многообразии морфолого-синтаксических и интонационных признаков, свойственных структуре того или иного языка.

Поэтому форма, как выражение грамматической категории, понимается в современном научном языкознании как «единство употребления всей совокупности грамматических средств языка для обнаружения того или иного грамматического значения»³. Вот почему анализ учения Пешковского о грамматических формах и категориях мы включаем в свой план (в раздел «Взаимоотношение методологии и методики языковедения»), рассматривая эту тему как подчиненную другой, более существенной — теме о предмете грамматики и ее отношении к логике и психологии. В спорах о содержании и объеме школьной и научной грамматики именно этот вопрос был решающим.

¹ Е. М. Галкина-Федорук, Понятие формы слова. Труды Московского государственного института истории, философии и литературы имени Чернышевского, т. IX, философский факультет, М., 1941, стр. 126

² Е. М. Галкина-Федорук, Понятие формы слова. Труды Московского государственного института философии и литературы имени Чернышевского, т. IX, философский факультет, М., 1941, стр. 126.

³ С. И. Абакумов, Современный русский литературный язык, 1942, стр. 59. О грамматических средствах выражения грамматической категории см. также в статье проф. С. И. Бернштейна «Синтаксис» (БСЭ, изд. 2, т. 39).

е) Учение Пешковского о грамматической категории.

Само понятие «грамматическая категория» было введено в русской лингвистической науке А. А. Потебней, который, устанавливая связи языковой техники с формами мышления и познания, говорил, что «формами языка, каковы слово, предложение, часть речи, делится и распределяется все мыслимое, доходящее до нашего сознания».

Учение Потебни о грамматических формах и категориях языка тесно связано с его общей концепцией языка, речи и слова. Он подчеркивает единство формы и содержания. В языке все взаимно связано и взаимно обусловлено. В языке все оформлено. Язык есть форма мысли. Моменты вещественный и формальный различны не тогда, когда говорим, а лишь тогда, когда делаем слово предметом наблюдения.

Лексическое содержание и грамматическая форма «составляют как бы один акт мысли, а не два или более, и живут в сознании говорящего как неделимая единица». Но общие разряды языка, иначе формальные категории языка, отнюдь не совпадают, по мнению Потебни, с логическими категориями мышления. «Грамматических категорий несравненно больше, чем логических». Потебня называл лексические значения частными, а грамматические — общими. «Слово, — говорит он, — включает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, а вместе с тем указание на один или на несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других»¹.

Позднее понятие грамматической категории было детально разработано акад. А. А. Шахматовым, углубившим теорию Потебни, уточнившим и утвердившим в научной грамматике самое понятие грамматической категории, грамматического значения слова: в противовес основному, лексическому значению слов в акте общения наслаиваются добавочные, сопутствующие значения, т. е. грамматические. Учение Шахматова о грамматической категории, созвучное учению Потебни и противоположное фортуатовской концепции о форме отдельного слова, решительным образом повлияло на перестройку грамматической системы Пешковского. У Шахматова понятие грамматической категории имеет большое значение в его системе; оно легло в основу его деления слов по частям речи. «Грамматическое значение языковой формы, — пишет Шахматов, — противопоставляется реальному ее значению. Реальное значение слова зависит от соответствия его как словесного знака тому или иному явлению внешнего мира; грамматическое значение слова — это то его значение, какое оно имеет в от-

---

¹ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, Харьков, 1888, стр. 25.

ношении к другим словам... Грамматические значения, совмещающиеся со значениями реальными, можно назвать *сопутствующими значениями*¹. Но, противопоставляясь лексическому значению слова, т. е. его основам, эти добавочные, сопутствующие (грамматические) его значения в то же время образуют с ними нечто единое — единый комплекс значений, которым говорящий и слушающий пользуются в акте общения. Этим единством значений в языке (грамматических и лексических, в конечном счете — единством формы и содержания) и обеспечивается важнейшая социальная функция языка, как «важнейшего средства человеческого общения»². Грамматическая форма, по Шахматову, — это «морфологическое обнаружение грамматического понятия»³. Впрочем, морфологическое обнаружение свойственно не всякому слову; есть немало слов, в которых формальное значение обнаруживается только синтаксически. Поэтому, говорит Шахматов, слово может быть лишено звукового выражения грамматического значения, но не самого этого значения; слово может не иметь реального значения (таковы «служебные части речи», как предлог и союз), но без грамматического значения, вне грамматической категории слово невозможно⁴.

Именно такое понимание грамматических форм и категорий было развито и Пешковским в последнем (прижизненном) издании его «Русского синтаксиса».

Проследим, однако, как понимает А. М. Пешковский грамматическую категорию и как он решает отсюда вопрос об отправной точке языкового исследования.

Пешковский, убедившись, что в свете фортунатовского учения о форме отдельных слов нельзя раскрыть и уяснить системы грамматических отношений между словами и группами слов в русском языке, выдвинул понятие грамматической (формальной) категории как центральное грамматическое понятие своей системы. Это понятие категории отвечало его пониманию форм слова и форм словосочетания в их органической спаянности.

Самое понятие «категория» иллюстрируется у него целым рядом примеров. Так, глагольные формы *нес-и, вед-и, люб-и* и т. д. имеют в формальной части *-и* значение повелительности, так же как и в глаголах *вын-ь, трон-ь, прав-ь* и т. д., где формальная часть выражена смягчением последнего согласного основы (с нулевым аффиксом *-ь*). «Вот такой-то ряд форм, различных по своим формальным частям, но совершенно одинаковых по одному какому-нибудь значению, мы и будем называть одной формальной категорией слов, в данном случае категорией повелительного наклонения глагола»⁵.

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, § 497, стр. 431—432.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 368.

³ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, § 499.

⁴ См. там же, § 493, 497.

⁵ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 53—54.

На следующей странице Пешковский дает таблицу изменений глагола *нести* по категориям лица и числа и приходит к выводу, что здесь ряд разнозвучных форм объединяется в категорию целым комплексом однородных значений. Отсюда Пешковский делает общее определение: «Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную характеристику»¹.

Уже в самом этом определении заключено нечто противоположное фортунаатовскому понятию формы. Теперь с точки зрения соотношения моментов значения и звука Пешковский глубоко расходится с Фортунатовым. В этом определении важно не только то, что в основе понятия формальной категории лежит значение составляющих категорию форм, но и то, что наличие собственной звуковой характеристики считается для понятия грамматической категории не обязательным. Оговорка Пешковского относительно звуковой характеристики грамматической категории не противоречит принципам Шахматова, который в «морфологических особенностях» видел объективные признаки категории.

Таким образом, идея формальной категории, заимствованной Пешковским у Потебни и Шахматова, лишь по возможности приспособлена к фортунаатовскому понятию формы, но это фортунаатовское понятие формы фактически в системе синтаксиса Пешковского не реализовано.

Преодоление Пешковским фортунаатовской концепции в понимании грамматической категории отметил акад. В. В. Виноградов, который писал, что хотя «определение грамматической категории, включенное Пешковским в третье (последнее прижизненное) издание «Русского синтаксиса в научном освещении», еще не освобождено от отражений и осколков фортунаатовского учения о форме», но «само это фортунаатовское учение решительно преобразовано»².

Новое понимание Пешковским грамматической формы и грамматической категории, иное понимание им соотношений между значением и звуком позволяет ему позднее осознать свои собственные ошибки и ошибки формалистов. Пешковский теперь по-новому понимает и самую методологию языкового исследования.

ж) Пешковский об отправной точке языкового исследования (от звука к значению или от значения к звуку).

Этот вопрос выдвигался в науке уже давно. Необходимо подчеркнуть общность Пешковского и Шахматова в решении поставленной проблемы.

Пешковский говорит, что в шахматовской «двойной системе соответствий» («от знака к идее» и «от идеи к знаку») вторая часть

---

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 57.

² В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. 1, 1938, стр. 78.

формулы — «второй путь не представляет простого повторения первого в обратном направлении и потому не является простой проверкой первого или его итоговой трансформацией, а служит необходимым *исследовательским* дополнением первого»¹. Но в плане Шахматова, по мнению Пешковского, много неясностей. «Неясность эта связана с основным методологическим дефектом схемы: в ней не выяснено, как именно вскрываются отдельные значения в отдельных «материальных данностях» языка. А только это и обнаружило бы основной метод описательного языковедения. План говорит только о порядке этого вскрывания (сперва найти на одном факте, а потом искать на всех остальных) и, следовательно, только о порядке исследования»². И далее Пешковский, подробно излагая варианты этого исследования и проводя стилистические эксперименты над рядом фраз, приходит к выводу, что при подобных экспериментах «никогда не приходится идти ни от звука к значению, ни от значения к звуку, а всегда только от... единства звука и значения, которое... мы предлагаем назвать звукозначением»³.

«В описательном языковедении *мы изучаем только звукозначения и их взаимные соотношения*»⁴.

Для него теперь отправной точкой языкового исследования являются не звуки, а значения, фразы — смыслообразующие единицы. Пешковский критикует взгляды «ультраморфологов», между прочим, и потому, что последние «склонны рассматривать язык как сложное целое, составленное из своих элементов, причем мельчайшие элементы складываются в более крупные, эти — в еще более крупные и т. д. и т. п.». «Вся эта концепция языка, — пишет он, — представляется мне перевертывающей природу изучаемого предмета. Язык не составляется из элементов, а дробится на элементы. Первичными для сознания фактами являются не самые простые, а самые сложные, не звуки, а фразы. Фразы уже делятся на словосочетания, словосочетания... на слова, слова на морфемы... Поэтому нельзя собственно определять слово как совокупность морфем, словосочетание как совокупность слов, а фразу как совокупность словосочетаний. Все определения должны быть выстроены в обратном порядке»⁵.

Это замечание Пешковского имеет огромное методологическое значение. Пешковский, следовательно, утверждает теперь, что вне связи с мышлением языка не существует и что мышление трансформируется в языке целыми комплексами представлений, а не конечными частицами слов —

¹ А. М. Пешковский, Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения. Сборник статей, 1930, стр. 85.

² Там же, стр. 86.

³ Там же, стр. 87—88.

⁴ Там же.

⁵ А. М. Пешковский, Еще раз к вопросу о синтаксисе, «Русский язык в советской школе», 1929, № 2, стр. 52.

звуками. «Первичными для сознания фактами являются не самые простые, а самые сложные, не звуки, а фразы».

И далее Пешковским излагается путь исследования: от общего к частному, от смыслового к формальному. И даже тогда, когда Пешковский вопросы методологии исследования переносит в плоскость методики, то и тут он учитывает и характер материала, и возможность применения разных методов изложения — от звука к значениям и от значения к звуку.

Пешковский, рассматривая двойную систему соответствий на частных примерах (значение и формы повелительного наклонения и др.), приходит к выводу о невозможности разрыва значения и звуковой формы слова: и то и другое даны нам в единстве, и потому «первичным, основным методом, на котором зиждутся все другие, является выделение звукозначений и отыскание всевозможнейших отношений между ними»¹. Этот методологический принцип языкового исследования использует автор и в своем «Русском синтаксисе в научном освещении» (изд. 3, 1928), и в учебных книгах «Наш язык», и в ряде других работ последнего периода его научно-педагогической деятельности.

Переводя «методологию» в план «методики», Пешковский говорит, что методический спор на тему «от звука к значению или от значения к звуку» имеет гораздо больше прав на существование. «Представим себе, — говорит он, — что мы подвели ученика к различию, положим, *вижу, видел и буду видеть; слышу — слышал — буду слышать; читаю — читал — буду читать* и т. д. Различие это он воспринимает, конечно, согласно предыдущему, с разлу, единым актом интроспекции, с обеих сторон — звуковой и значимой. Но какую раньше начать анализировать? О каких различиях раньше расспрашивать — о разнице звуков или разнице значений? Здесь открываются два пути, которые, кажется, действительно, можно было бы назвать путями «от звука к значению» и «от значения к звуку»². Решение этого вопроса Пешковский ставит в зависимость от материала. Отмечая непосильность для школы понять полную морфологию видов глагола (*писать — написать, читать — прочитать, клевать — клюнуть* и т. п.), он совершенно правильно заключает: «Не лучше ли здесь направить внимание учеников на тот замечательный факт, что полнейшая пестрота средств создает единый смысловой эффект, который тут же и заставит их наводящими вопросами проанализировать, а звуковую сторону потом разобрать в меру ее важности для орфографии? Путь «от значения к звуку» кажется нам здесь единственно целесообразным». Далее Пешковский рассматривает обратный случай: ученик подведен (теми или иными средствами) к ряду: *стол — стола — столом — столе*. Чем здесь после этого нужно заняться — звуками или значения-

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 90.

² Там же, стр. 92.

ми? По мнению Пешковского, значения тут непосильны для школы (речь идет о падежных значениях), а потому легче путь «от звуков к значениям» — к пониманию, например, местного значения в предложном падеже, орудного в творительном и т. д.

«Правда, и тут нужно больше всего опасаться бездушной игры в звуки, — предупреждает Пешковский, — и тут лучше всего так располагать материал, чтобы смысловая сторона по возможности не затенялась звуковой». «Таким образом, в разных отделах грамматики приходится этот вопрос решать по-разному, хотя, кажется, кроме падежей, везде применим принцип «от значения к звуку». А что с общепедагогической стороны он предпочтительнее, в этом, конечно, не может быть сомнения»¹.

Нам думается, что и анализ падежных значений надо вести не от формы к значениям, а от значения к форме, от функции существительного в предложении. Впрочем, и тут, в методике (как и в методологии), чрезвычайно трудно искусственно разобщать эти два акта анализа; очевидно, и тут приходится идти от единства звука и значения, познавать «звукозначения и их взаимные отношения» (Пешковский).

Таково в общих чертах «методическое транспонирование» Пешковским вопросов методологии; оно чрезвычайно знаменательно: Пешковский перекликается тут с другими крупными лингвистами — Шахматовым и Потемней, отходя все дальше и дальше от Фортунатова.

6. Обобщения и выводы по содержанию главы

1) Противоречивость и двойственность исходных позиций первоначальной грамматической системы А. М. Пешковского нельзя целиком распространять на всю последующую лингвистическую деятельность ученого; следует говорить в сущности о двух системах Пешковского; завершением второй из них явилось третье, переработанное издание «Русского синтаксиса в научном освещении». Вторая система выражала новую, более совершенную грамматическую концепцию ее автора, который своеобразно синтезировал учение Ф. Ф. Фортунатова о языковой форме с учением А. А. Потемни и А. А. Шахматова о грамматических категориях и формах, приняв за основу понимание языка как подвижной системы, где слова и словосочетания функционируют в процессе нашей речи — мысли, т. е. в составе предложения.

2) Подчеркивание Пешковским устойчивости языка, консерватизма его лексико-грамматических норм (особенно грамматических) делает честь Пешковскому. В условиях усиленной пропаганды претенциозного учения Н. Я. Марра о революциях в языке, о скачкообразном его развитии в связи с теорией «классовости» языка, Пешковский (тогда один из немногих) со

---

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 93.

всей присущей ему научной добросовестностью полагал, что язык всегда выступает как сложившаяся система, оформившаяся всем предшествующим ходом развития общества. Охранительные традиции в языке, по Пешковскому, общественно оправданы и играют прогрессивную роль: «Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы».

Понимание специфики грамматики языка, ее относительной неподвижности и устойчивости было присуще и многим предшественникам Пешковского — русским и западноевропейским лингвистам. К сожалению, в 30—40-х годах, в связи с усиленной пропагандой так называемого «нового учения» Н. Я. Марра, это подлинно научное понимание социальной природы языка, его устойчивости сравнительно с другими общественными категориями было отвергнуто как «антинаучное».

3) Пешковский в основном правильно понимал взаимосвязь и взаимодействие грамматики, логики и психологии. Будучи идеалистом в философии, он, однако, честно пытался преодолеть механический разрыв между тремя указанными областями науки. Следует иметь в виду, что в то время, когда Пешковский создавал свой труд по синтаксису русского языка, были распространены идеи об абсолютной независимости грамматики от логики и психологии. В конце XIX в. многие идеалисты-философы провозгласили идею об алогичности языка. Некоторые ученые XX в. настолько увлеклись этой «новизной», что стали требовать отказа от логических и психологических основ грамматики и полного разрыва между ними. Многие грамматисты пошли вспять от Потемкина и Фортунатова, извращая их отдельные высказывания и неправильно их освещая (особенно «усердно» этим занимались «ультраформалисты» 20-х годов нашего столетия как в области научной, так и в особенности в области школьной грамматики).

В борьбе с этими ложными теориями Пешковский сыграл огромную роль: он провел естественное разграничение логики, психологии и грамматики и в то же время отстаивал их органическую связь и взаимодействие.

Но он не до конца понял сложные диалектические взаимоотношения между грамматикой и логикой, хотя идея единства грамматической стороны речи и логического содержания мышления всюду проводится Пешковским совершенно отчетливо. Психологическая же основа предложения, по Пешковскому, обязывает исследователя и преподавателя понять особую природу живой речи, где интонация выступает как средство грамматической (и логической) выразительности.

4) Методология языкознания понимается Пешковским как совокупность методов, путей научного исследования, благодаря применению которых добываются научные положения;

методика языковедения — наука прикладная по отношению к самой теоретической науке о языке и опирается прежде всего на такие теоретические дисциплины, как общее языковедение, русский язык с его историей, диалектологией и курсом современного русского языка, теория и история литературы, педагогика (с дидактикой) в ее истории, психология (общая и педагогическая). Методика русского языка, как частная методика предмета (в отличие от общей дидактики), устанавливает свои собственные принципы и закономерности, опирающиеся прежде всего на данные самой науки о языке, на методологию языкознания и на научное обобщение опыта лучших учителей и методистов (в прошлом и настоящем). Таким образом, несмотря на различие в содержании, методология и методика языковедения, по Пешковскому, находятся в тесных взаимоотношениях. Это определяется общностью предмета исследования языка, понимаемого как «материальная форма» общественного сознания человека, как единство звука и значения («звукозначения»).

Высказывания Пешковского о значении терминов «методология» и «методика» нуждаются в дополнениях и уточнениях; в эти понятия мы вкладываем единство метода, теории предмета и диалектико-материалистического мировоззрения.

К сожалению, проблема взаимоотношения методологии и методики языкознания не нашла в научных кругах дальнейшего теоретического освещения, и многое до сего времени остается неясным. Тезис Пешковского о том, что методика преподавания русского языка должна иметь свою методологию, отличную от методологии языковедения, остается пока что не разработанным и далеко не реализованным. Этим, очевидно, и объясняется разномыслие в понимании самого предмета методики русского языка, в понимании объема и содержания курса этой методики (ср. общие курсы методики русского языка Афанасьева, Бархина и Истриной, Позднякова и др.). Отдельная методология методики русского языка должна быть, но ее пока еще нет как вполне оформившейся научной дисциплины. Известный вклад Пешковского в разработку этой проблемы нельзя недооценивать: он может оказаться весьма плодотворным при построении подлинной марксистско-ленинской методологии методики, да и самой методики русского языка.

5) В этом же методологическом плане следует понять и решение Пешковским вопросов о грамматической форме и грамматической категории.

Акад. В. В. Виноградов, сопоставляя новую синтаксическую точку зрения Пешковского с концепцией Ф. де Соссюра, Шахматова и Потемни и устанавливая их общность, с удовлетворением констатирует, что понятие грамматической категории позволило Пешковскому решительно преобразовать фортуновское учение о форме: «Так парализуется морфологический схематизм фортуновского

понятия «отдельного слова» возвратом к понятию грамматической категории, выдвинутому еще Потебней и углубленному Шахматовым»¹.

В разрешении основного и труднейшего вопроса грамматики (вопроса о грамматической форме и грамматической категории) Пешковский сделал очень многое, хотя в системе его изложения многое представляется недостаточно стройным, глубоким и убедительным. И это не удивительно: советское языкознание с тех пор далеко шагнуло вперед.

Однако не без влияния Пешковского форма в языке в настоящее время понимается как единство употребления всей совокупности грамматических средств языка для обнаружения того или иного грамматического значения. Эти средства весьма разнообразны; сюда включаются: а) корневая смыслообразующая часть слова; б) различные аффиксы (приставки, суффиксы, флексии, причем бывают и нулевые флексии — при отсутствии их звукового выражения); в) ударения в слове (*к^ругом* — существительное, *к^ругом* — наречие); г) служебные слова (предлоги, частицы); д) порядок слов (*два дня* — *дня два* и т. п.); е) чередование гласных фонем и ударения (при различии видовых различий глаголов: *зарядить* — *заряжать*, *ходить* — *расхаживать*, *ссыпать* — *ссып^ать* и т. п.); ж) синтаксическая связь слов; з) интонация.

Пешковский подготовил почву и для современного понимания вопроса о грамматической категории: каждое грамматическое значение, осознанное в акте общения с помощью каких-либо грамматических средств языка, образует грамматическую категорию. Общее определение грамматической категории на основе единства внешнего признака и значения слова стало незыблемым в советском языкознании. Под грамматическими категориями понимаются те признаки (отличительные свойства), по которым данный член предложения или часть речи устанавливаются в каждом отдельном языке и которыми они в нем формально выявляются. Грамматическими категориями называются сопутствующие показатели члена предложения и части речи. Этими категориями и занимается грамматика как наука, в которой закреплен результат длительной абстрагирующей работы человеческого мышления.

К сожалению, в последние 10—15 лет в советском языкознании была серьезная путаница в понимании существа, специфики грамматической категории.

Если марристы постоянно и сознательно смешивали грамматические явления с лексическими (а такое смешение практически вело если не к полной ликвидации грамматики как особого и при-

¹ В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. 1, 1938, стр. 77.

том основного раздела языкознания, то, по крайней мере, к стиранию всяких граней между грамматикой и лексикой, к полному растворению грамматики в лексикологии), то после дискуссии 1950 г. по вопросам языкознания грамматику ошибочно и механически стали противопоставлять лексике как чистой абстракции, в совершенном отвлечении ее от реальных значений слов.

Если марристы ставили знак равенства между грамматическими и лексическими способами выражения значений (и это создавало невероятную путаницу и сумбур в умах учителей, против чего возражал в свое время и Пешковский), то многие советские языковеды после 1950 г. настолько резко стали противопоставлять грамматические значения лексическим, что семантическая система языка стала рассматриваться в отрыве от грамматической системы; отсюда известные тенденции к автономии отделов грамматики, их равноправию и немотивированно резкое противопоставление грамматических способов выражения значениям лексическим, недооценка возможностей их скрещивания и взаимодействия.

6) Чрезвычайно существенное методологическое значение для современного языкознания имеет и разрешение Пешковским вопроса об отправной точке языкового исследования; мысль о «единстве звука и значения» (звукозначение) является частным выводом из общего тезиса о единстве формы и содержания в языке при подчеркнутом приоритете смысловых отношений. Именно поэтому Пешковский в методике рекомендует в первую очередь «направлять внимание учеников на тот замечательный факт, что полнейшая пестрота средств создает единый смысловой эффект», т. е. грамматическую категорию.

7) Пешковский, решая вопрос об отправной точке языкового исследования, тем самым решал проблему связи грамматических категорий с общей семантической системой языка. Пусть эти решения не были окончательными и научно завершенными (ибо термин «звукозначения» не раскрывает, конечно, всей глубины проблемы), но во всяком случае семантическая система языка Пешковским не была «обойдена». Более того, в анализе, например, частей речи он в 3-м издании «Русского синтаксиса» исходит именно из значения категорий частей речи. Поэтому совершенно справедливо замечание проф. С. И. Бернштейна о том, что Пешковский в новой своей концепции сделал значительный «шаг вперед» именно потому, что у него «части речи образуются единством семантическим»¹.

Важно подчеркнуть при этом, что Пешковский гораздо правильнее, чем это обнаруживалось в последние пять-шесть лет, понимал сущность грамматики; подчеркивая абстракт-

---

¹ С. И. Бернштейн, Вводная статья к шестому изданию «Русского синтаксиса» А. М. Пешковского, 1938, стр. 26.

ность, обобщенность ее правил и категорий, он не отрывал их от индивидуальных, конкретных значений слов и предложений; для Пешковского грамматические формы и категории наслаиваются на семантическую систему языка, живут вместе с нею, вплетаясь сложными узорами в частные, конкретные значения слов и предложений и обобщая их логическое содержание; обобщенные грамматические категории, как сопутствующие реальному содержанию слов и предложений, не живут где-то в поднебесье отвлеченного разума, а органически спаяны как с лексико-семантической системой языка, так и с грамматическим строем языка в целом.

8) Именно поэтому Пешковский полагал, что два аспекта анализа языковых фактов (морфологический и синтаксический) взаимосвязаны и не могут рассматриваться как автономные, изолированные друг от друга. Два отдела грамматики, по Пешковскому, это не механическая сумма равноправных величин, а диалектическое единство, причем в этом единстве господствующую роль играет синтаксис как учение о предложении, в котором реализуется живой процесс нашей речи — мысли, а отдельные элементы ее (слова, словосочетания) выступают в предложении как зависимые от целого частные величины. Эта синтаксическая точка зрения, так прекрасно аргументированная в трудах классиков нашего отечественного языкознания (Потебни, Шахматова, Богородицкого, Пешковского, Кудрявского и других), должна, наконец, восторжествовать вопреки пропагандируемой в последние годы механической теории о равноправии отделов грамматики.

В последующих главах нашей работы мы покажем, как реализуются Пешковским эти принципиальные положения в его учении о словосочетании, предложении и частях речи.

9) Из всего изложенного по проблеме о взаимоотношениях методологии и методики вытекают и некоторые практические вопросы и выводы.

Во-первых. Если методология учит вести самостоятельную исследовательскую работу, направленную к добыванию фактов, их критической проверке и сопоставлению, а методика учит лишь приемам сообщения этих фактов другим, если методология есть совокупность философских и теоретических принципов научного исследования и, следовательно, в основном это теоретическая отрасль знания, а методика прикладная, то должен ли быть методист методологом или он является лишь передатчиком знаний, посредствующим звеном между наукой и школой? Ответ на этот вопрос может быть только один: любой методист и практик-преподаватель не могут (и не должны) ограничивать свою работу лишь вопросом о процессах передачи знаний учащимся и быть далекими от научных проблем языковедения вообще и в частности от научных проблем русского языка. Они должны критически относиться к самому учеб-

ному материалу, уметь расценить его с научной стороны; методист и учитель-практик должны быть знакомы с научными основами преподаваемого ими предмета и в свете научных данных должны уметь расценивать и самые приемы и способы изложения своего предмета в школе с точки зрения их рациональности и соответствия самой природе научного знания. Словом, методист должен быть одновременно и методологом не только в области специальной теоретической дисциплины, но и в области прикладной дисциплины — методики; последняя также должна иметь свою методологию и решать вопросы о научных путях методического исследования. Это и будет методология методики.

Во-вторых. Отстаивая мысль об органическом сочетании в учителе качеств методиста и методолога, не впадаем ли мы в противоречие, поскольку, как говорит проф. Е. Ф. Будде, «методика имеет целью научить других какому-либо знанию наиболее совершенным способом; методология же имеет целью дать человеку возможность сделаться самому ученым современного типа независимо от того, придется ли обучать других тому, что сам знаешь, и как обучать их»¹. Не естественнее ли отсюда самую методику разграничить на две области: а) практическую методику, близкую учителю и понимаемую как «совокупность указаний о непосредственном применении научно добытого материала в школе», и б) методику научную, не связанную непосредственно с практикой учителя и занимающуюся не рецептурными вопросами преподавания, а разработкой самых принципов преподавания². В этом случае, очевидно, учителю предназначалось бы сильное участие в разработке вопросов практической методики, в то время как область научной методики была бы в компетенции «ученых современного типа». Нам представляется такое различие и разграничение методики несостоятельным, ибо научная методика, изучающая научно оправданные методы на основе разработки самых принципов преподавания, не может быть оторвана от практической методики, так называемой «рецептурной» методики. И научная и практическая стороны методики не могут рассматриваться изолированно, в отрыве одна от другой; наоборот, они должны оплодотворять друг друга, тесно взаимодействуя и взаимообуславливаясь. Объектом изучения и той и другой должен быть опыт школ и учителей, научно осмысленный и проверенный через призму наиболее отстоявшихся теоретических истин. Таким образом, и здесь, как и в первом из пос-

---

¹ Е. Ф. Будде, Вопросы методологии русского языкознания, 1917, стр. 4.

² См. об этом в статье проф. П. О. Афанасьева «К вопросу о методологии и методике русского языка», «Русский язык в советской школе», № 3, 1929, стр. 66.

тавленных выше вопросов, учитель должен сочетать в себе качества методиста-практика и методиста-теоретика, понимающего научные принципы преподавания и умеющего применять и совершенствовать их на практике под углом зрения передового научного мировоззрения. В этом смысле весьма поучителен облик самого А. М. Пешковского, отлично сочетавшего в себе качества лингвиста и методиста.

УЧЕНИЕ А. М. ПЕШКОВСКОГО О СЛОВСОЧЕТАНИИ

1. Словосочетание как реальная синтаксическая единица речи принадлежит к числу наименее изученных, наименее выясненных категорий русского синтаксиса, хотя этот вопрос для русской науки и не является новым: он разрабатывается еще со времен М. В. Ломоносова, и в трудах виднейших русских лингвистов мы находим глубокое исследование природы и типов словосочетаний. Однако вопрос о словосочетаниях является настолько серьезным и сложным, что он и до сих пор еще не может считаться вполне решенным, несмотря на появление в печати последних 6—7 лет многочисленных исследований в этой области.

См., например, статью проф. В. П. Сухотина «Проблема словосочетания в современном русском языке» (сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, 1950, стр. 127—182), а также написанную акад. В. В. Виноградовым главу о словосочетаниях в «Грамматике русского языка» (изд. АН СССР, 1954, т. II, ч. 1, стр. 115—356). См. его же статью «Вопросы изучения словосочетания» («Вопросы языкознания», 1954, № 3).

В сборнике статей «Исследования по грамматике русского литературного языка» (М., изд. АН СССР, 1955, Институт языкознания АН СССР) опубликованы две статьи по этому вопросу: 1) статья Н. Н. Прокоповича «К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетаний» (стр. 140—158), напечатанная повторно (см. «Вопросы языкознания», 1953, № 6), и 2) статья В. М. Филипповой «Глагольно-именные словосочетания с временным значением в современном русском языке» (стр. 159—205). Вопросу о словосочетаниях в русском языке было уделено много внимания в дискуссии, посвященной выходу в свет второго тома академической «Грамматики русского языка» (1954). См. рецензии И. М. Никитиной и В. С. Сухотина («Вопросы языкознания», 1955, № 3 стр. 110—121), Л. А. Булаховского («Русский язык в школе», 1955, № 5, стр. 69—74), а также материалы обсуждения академической «Грамматики», опубликованные в тех же журналах за 1955 г. Кроме того, эта же проблема в последнее время освещена и в школьно-методическом плане (см. ст. проф. В. П. Сухотина «К изучению словосочетаний в школе» в журн. «Русский язык в школе», 1956, № 2, стр. 53—58). В общетеоретическом плане проблема словосочетания находит себе место также в статьях сборника «Вопросы грамматического строя» (изд. АН СССР, М., 1955): статьи — В. В. Виноградова «Основные вопросы синтаксиса предложения» (стр. 389—435), В. Н. Ярцевой «Предложение и словосочетание» (стр. 436—451), О. С. Ахмановой «Словосочетание» (стр. 452—460). Интересна во многих отношениях и статья Н. Н. Прокоповича «Из наблюдений над синтаксисом имени прилагательного в современном русском языке (беспредлож-

ные словосочетания с прилагательным и зависимым существительным)», опубликованная в Ученых записках Московского государственного пединститута имени В. И. Ленина, М., 1956, т. XXXIX, вып. 6, стр. 103—119.

Естественно, что в разработке столь большого вопроса необходимо опираться на фактический материал русского литературного языка, с одной стороны, и на теоретические исследования и обобщения по вопросу как современных ученых, так и наших предшественников, с другой.

Ученые различных лингвистических школ и направлений решали этот вопрос по-разному. Одни считали словосочетание главным объектом синтаксиса (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков), другие, наоборот, не считали словосочетание особым объектом синтаксической науки (Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня), третьи вкладывали в это понятие самое различное содержание; словосочетанием считали и соединение двух полных слов (Ф. Ф. Фортунатов; ср. у С. И. Абакумова в книге «Современный русский язык»: «Два слова, связанные по смыслу и грамматически, образуют словосочетание»), и соединение слов, равное простому предложению (М. Н. Петерсон), и часть предложения, образующую синтаксическое единство (А. А. Шахматов), и всякое соединение слов, включая целое высказывание (А. М. Пешковский), и даже отдельное слово (он же). У В. П. Сухотина же словосочетание определяется как «минимальное грамматическое единство в составе предложения, отражающее связи и явления реальной действительности».

Этой справкой мы и ограничимся, поскольку подробные сведения из истории разработки вопроса в современной научной литературе уже изложены¹.

2. Представляется целесообразным в порядке обобщения в разработке проблемы словосочетания обратить внимание на то, какие стержневые вопросы поставленной проблемы в истории решались (и решаются) и какие стороны этой проблемы остаются более спорными и менее уясненными.

Эти вопросы следующие:

- а) Как определить само понятие «словосочетание»?
- б) Если словосочетание является объектом синтаксиса, то как разграничить понятия «словосочетание» и «предложение»?
- в) Правомерно ли сближать словосочетание со словом и рассматривать его (наряду со словом) как строительный материал для предложения?
- г) Если считать словосочетание лишь номинативной единицей, расчлененно выражающей понятие, то как квалифицировать предикативные словосочетания («законченные», по терминологии

---

¹ См. статью В. П. Сухотина в сборнике «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, М., 1950, стр. 127—182.

Фортулатова, или предложения), выполняющие коммуникативную функцию?

д) Как определять структурно-семантические признаки словосочетаний: на основе ли грамматически господствующего, стержневого слова как части речи или на основе синтаксической функции словосочетания, т. е. тех отношений и связей между словами, которые обнаруживаются в составе словосочетания?

е) Каковы принципы отграничения синтаксических функций разных типов словосочетаний от синтаксических функций второстепенных членов предложения? Если «во второстепенных членах предложения синтезируются, обобщаются по функции те же разнообразные грамматические отношения, которые обнаруживаются между словами в строе словосочетания»¹ то не разумнее ли было бы учение о словосочетании не вычленять из учения о предложении, а рассматривать словосочетания как материальную основу членов предложения (главных и второстепенных), синтетически объединив таким образом учение о словосочетании с учением о членах предложения в составе целого высказывания — предложения? Или, наоборот, не лучше ли было бы совсем отказаться от учения о второстепенных членах предложения, заменив анализ их функций анализом типов словосочетаний по характеру отношений между словами?

ж) Что лежит в основе процесса образования словосочетаний — слово с присущей ему способностью «распространяться» и давать различные пучки синтаксических единств в составе предложения или само предложение с его коммуникативными заданиями? Иначе говоря: что является основополагающим фактором возникновения словосочетаний — единичное или общее, слово или предложение, потребность в названии понятия или потребность относительно законченного сообщения?

з) Не ведет ли определение формально-грамматической стороны словосочетаний, которое имеет в виду исключительно форму господствующего («стержневого») слова, к стиранию граней между понятиями формы слова и формы словосочетания? Иначе говоря: не впадаем ли мы в «морфологизацию» учения о словосочетаниях, не различая в них внешнего и внутреннего строения? (Ср.: *сторонник мира, сторонник-а мира, сторонник-у мира и любить родин-у, говорить с брат-ом, сторонник мир-а* и пр.)

и) Как связана комбинация форм словосочетаний с вещественным (лексическим) значением слов, входящих в данное словосочетание?

к) Какую роль играют ритм и интонация в формировании типов словосочетаний?

л) Если исходить из тезиса, что «словосочетание и предложение — качественно различные категории синтаксиса» и что «словосочетание, в отличие от предложения, совсем не является цельной

¹ «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, т. II, ч. 1, 1954, стр. 94.

единицей языкового общения и сообщения¹, то не обедняем ли мы синтаксис как науку, исключая предикативные словосочетания (сочетания подлежащего и сказуемого) из учения о словосочетании и искусственно разрывая единство грамматического анализа языковых фактов на два разных отдела? Не лучше ли было бы включить в учение о словосочетании и учение о законченных (предикативных) словосочетаниях?

Внимательное изучение литературы по затронутой проблеме обнаруживает массу противоречивых решений разных ее сторон, хотя общая основа теории словосочетаний уже наметилась и выработались наиболее ведущие критерии и перспективы ее дальнейшего развития.

3. Приступая к изложению самого содержания материала, сразу же следует оговориться, что в дальнейшем критический анализ разных сторон поставленной проблемы будет основываться главным образом на материале «Русского синтаксиса» проф. А. М. Пешковского (изд. 6, 1938) и академической «Грамматики русского языка» (1954, т. II, ч. 1), где теоретическая часть синтаксиса — так называемое «Введение» и глава о словосочетаниях (стр. 1—355) — написаны акад. В. В. Виноградовым.

Сопоставление этих двух источников с привлечением дополнительного материала (критические статьи, специальные исследования, материалы дискуссии по синтаксису и др.) и составит объем и контуры этой главы.

В научной литературе последних лет утвердилось главным образом негативное (отрицательное) отношение к учению Пешковского о словосочетании. В этом учении, как и в его учении о предложении, обнаруживается, по мнению акад. В. В. Виноградова, «антидиалектическая, метафизическая и вместе с тем антиматериалистическая сущность синтаксического учения А. М. Пешковского»². Менее категоричен в отношении Пешковского проф. В. П. Сухотин, однако и он приходит к выводу, что «Пешковский, в сущности, ликвидирует понятие словосочетания как особого объекта синтаксиса и в процессе дальнейшего изложения подменяет это понятие анализом предложения»³.

Далее мы покажем, что у Пешковского и в этом вопросе обнаруживается много интересного и поучительного материала, изложенного хотя и непоследовательно, но с материалистических позиций, и что учение о словосочетаниях им вовсе не «ликвидируется», а лишь своеобразно понимается.

Рассмотрим сначала, как решал А. М. Пешковский проблему словосочетания, какие стороны этой проблемы у него нашли плодотворное освещение и в чем заключаются его теоретические (и

¹ «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, т. II, ч. 1, 1954, стр. 11.

² См. упомянутую выше статью акад. В. В. Виноградова о Пешковском в сборнике «Вопросы синтаксиса современного русского языка», 1950, стр. 38.

³ См. упомянутую выше статью проф. В. П. Сухотина о словосочетаниях в сборнике «Вопросы синтаксиса», 1950, стр. 140.

вместе с тем методические) ошибки в изложении теории словосочетания. Само собой разумеется, что содержание этой теории должно быть понято нами в свете научных достижений нашего времени, сопоставление которых с концепцией Пешковского будет дано в процессе изложения темы.

4. Слово и словосочетание являются у Пешковского двумя первичными и основными единицами грамматики, причем словосочетание понимается им (вслед за Фортунатовым) излишне широко: понятие предложения у него объявляется вторичным, выводным и рассматривается как одна из разновидностей словосочетания. Отсюда и самый синтаксис определяется им как «тот отдел грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний»¹.

В этом заключается основная ошибка Пешковского; он теоретически неверно определяет предмет синтаксиса, объединяет в одно целое качественно разнородные понятия и, более того, растворяет понятие предложения в понятии словосочетания. Между тем предложение — вовсе не разновидность словосочетаний, так как в языке есть и слова-предложения (*Морозит. Пожар! Зима.* и т. п.). Предложение не частный случай словосочетания, а цельная, относительно законченная единица языкового общения; словосочетание же лишено этой коммуникативной функции и является лишь способом (звеном) построения предложения, но словосочетание само может перейти при известных условиях интонации в предложение (*Прекрасная погода!* и пр.).

Расширенное истолкование словосочетания как единственного объекта синтаксиса создавало для Пешковского огромные затруднения, так как суживало круг синтаксического исследования. А между тем Пешковский хорошо понимал, что только в предложении и через предложение осуществляется в языке социальная функция общения. Поэтому он в своем «Русском синтаксисе» разрабатывает главным образом понятие предложения, уделяя анализу типов предложения почти две трети своего труда по синтаксису.

Пешковский пытается выйти за пределы чисто внешнего (формального) определения словосочетания, найти в нем единство внешне-внутреннее. «Словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли»². В этом определении главный недостаток в том, что не раскрывается четко объем понятия: где и в чем пределы такого ряда слов, который может быть назван словосочетанием?

В то же время следует подчеркнуть достоинства этого определения: не всякие два слова образуют словосочетание, а только такие, которые одновременно соединены в речи и в мысли.

---

¹ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, изд. 6, 1938, стр. 64. В последующем изложении материала этой главы ссылки на «Русский синтаксис» А. М. Пешковского даются только по этому (шестому) изданию.

² А. М. Пешковский, «Русский синтаксис», изд. 6, 1938, стр. 63.

В предложении *И тут всем существом ему почувствовалось, что наступила наконец пора мысль о побеге привести в исполнение* он признает словосочетаниями лишь пары слов: *всем существом, ему почувствовалось, наступила наконец, о побеге, мысль о побеге, в исполнение, привести в исполнение*, но он не признает словосочетаниями *тут всем, существом ему, пора мысль, о побеге привести*. Пешковский полагает также, что для словосочетания нужна еще и физическая смежность пары слов (единство физико-психическое), но эта мысль его является более или менее случайной, так как тут же он признает возможным видеть словосочетания и в далеко не смежных словах: *хорошо книгу читает, хорошо моя жена читает* и т. д.¹

В современном советском языкознании словосочетаниями обычно называют грамматические единства, образуемые посредством соединения двух или большего количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением какого-нибудь единого, но расчлененного понятия или представления, например: *сторонник мира, законы развития, внутренние законы развития языка, потребность в образовании, жажда знаний* и т. п.²

Следовательно, нельзя смешивать понятия «словосочетание» и «сочетание слов», так как в первом случае имеется в виду сочетание полных слов, выступающих вместе в роли той или иной номинативной единицы, образуемой синтаксическим единством двух и более слов (*книга на столе, вход в комнату*), при сочетании же слов вообще возможны объединения, состоящие из служебного слова плюс знаменательное слово (*на столе, в комнате* и т. п.).

В настоящее время это различие осознается не только как терминологическая сторона вопроса, но и как необходимая теоретическая основа учения о словосочетаниях.

Преодолев основную ошибку Пешковского, который теоретически неверно определял предмет синтаксиса, объединив в одно целое качественно разнородные понятия (словосочетание и предложение), советские языковеды неправомерно стали сближать словосочетание со словом на основе общей их номинативной функции, рассматривая и то и другое как строительный материал для предложения. Это ведет к уподоблению словосочетания слову или фразеологическому единству. Между тем словосочетание и слово — это неравнозначные номинативные единицы; первое из них находится в распоряжении грамматики и при известных условиях интонации и контекста может перейти в предложение. Слово же обретает право выражать законченную мысль вне грамматической связи и окружения, только с помощью интонации и при из-

¹ А. М. Пешковский, «Русский синтаксис», изд. 6, 1938, стр. 62.

² См. «Граматику русского языка», т. II, ч. 1, 1954, стр. 6 и др.

вестной обстановке (*Пожар! Встать! И т. д.*). Словосочетания нельзя приравнять к слову как *строительный материал* (как совокупность отложившихся в арсенале выразительных номинативных единиц) еще и потому, что их нельзя перечислить, «инвентаризировать», создать из них «словарь словосочетаний». Эта операция возможна только в отношении окаменевших, устойчивых словосочетаний или фразеологических единств (*держат камень за пазухой, собаку съел, сломя голову* и т. п.). Свободные же словосочетания не могут быть описаны в словаре, и различные типы этих словосочетаний не могут быть приравнены к типам слов по их номинативной функции, так как способы классификации тех и других совершенно различны¹.

Поэтому нельзя считать бесспорным отнесение всех словосочетаний к номинативным средствам языка.

5. Важно отметить, что в форме слов и в форме словосочетаний Пешковский видит не только внешнюю, звуковую связь, когда при помощи форм слова образуются ряды слов (ср. *подарок отца* и *подарок стцу, пойду выброшу* и *пойду выбросить* и т. д.), но и значение, то реальное содержание (факты и явления действительности), которое закрепляется в словах и в словосочетаниях как лексико-грамматических категориях нашей мысли. Анализируя сочетания (предложения?) *я писать этот записка председатель комитет*, где словарные значения не приведены в грамматическую связь, и *я пишу эту записку председателю комитета*, где установлена «связь между теми реальными представлениями, которые обозначаются данными словами, или, как говорят в грамматике, установлены известные отношения между этими представлениями», Пешковский заключает: «Значит, формы ставят в известные отношения друг к другу не только слова нашей речи, но и те представления, которые этими словами обозначаются»².

Думается, что в этом высказывании Пешковского нет ни субъективного идеализма, ни формализма, ни, тем более, метафизики.

Наоборот, это плодотворная и прогрессивная для своего времени попытка материалистически объяснить связь слов в словосочетании, пусть даже с помощью старых, общеупотребительных тогда в лингвистике психологических терминов.

6. Пешковский неоднократно пытался разграничить понятия формы слова и формы словосочетания.

¹ См. по этому вопросу в рецензии М. М. Никитиной и В. П. Сухотина на академическую «Граматику русского языка» («Вопросы языкознания», 1955, № 3, стр. 116), а также материалы обсуждения «Граматики русского языка», опубликованные в журнале «Русский язык в школе», 1955, № 5, стр. 83.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 78.

Так, в «Русском синтаксисе», сопоставляя формы отдельных слов *хочу, читаю, сестра, книга* с формами тех же слов в словосочетаниях *хочу читать сестре книгу, хочу читать книгу сестры* и др., где отношения между словами становятся понятными, он приходит к выводу: «Значит, для того, чтобы какое-нибудь сочетание слов было словосочетанием, т. е. имело определенный смысл, недостаточно, чтобы каждое слово, входящее в него, имело свою форму, а нужно еще, чтобы все оно тоже имело определенный вид, определенное внешнее и внутреннее строение; и вот это-то строение того или иного словосочетания мы и будем также называть формой, но уже, конечно, не формой слова, а формой словосочетания»¹.

Но, в сущности, Пешковскому не удалось провести сколько-нибудь резкую грань между двумя этими понятиями, и он, по аналогии с фортуноватовским определением формы слова, определяет и то и другое совершенно одинаково: 1) форма слова — это «способность его выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: вещественные и формальные»², 2) форма словосочетания — это «свойство всего словосочетания, взятого в целом, выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: вещественные и формальные»³. Разница заключается лишь в комментариях и конкретных указаниях на особую природу форм словосочетаний, которые рассматриваются Пешковским как определенные комбинации форм слов только синтаксических категорий (например, предложение *хочу читать сестре книгу* обозначается им формулой: «1-е лицо ед. ч. глагола + инфинитив + дат. п. существительного + вин. п. сущ-го»⁴).

Таким образом, Пешковскому не удалось разграничить понятия «формы слова» и «формы словосочетания», хотя он и высказал весьма плодотворную мысль о необходимости видеть в форме словосочетания внешнее и внутреннее строение.

В «Грамматике русского языка» классификация типов словосочетаний строится в основном по «стержневому», грамматически господствующему слову (внешняя форма) и далее (внутри этих рубрик) намечается система внутренних, собственных форм словосочетаний — форм зависимых слов.

Ряд советских языковедов справедливо указывает на необходимость отчетливее согласовать в классификации типов словосочетаний формы определяющего слова и зависимого слова (проф. П. С. Кузнецов, проф. В. П. Сухотин и др.). В частности, В. П. Су-

¹ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, стр. 63.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Синтаксическими у Пешковского называются «категории, обозначающие зависимость одних слов в речи от других».

хотин последовательно настаивает на различии в словосочетании: а) собственной (или внутренней) формы, выражающей внутренние отношения между словами данного словосочетания (например, формы согласования или падежа зависимого слова: *бел-ый снег, бел-ого снега, бел-ому снегу; ехать в Москв-у, жить в город-е, читать книг-у*) и б) несобственной (или внешней) формы, выражающей отношение данного словосочетания к другим словам и словосочетаниям предложения (это главным образом формы «стержневого» слова в непредикативных словосочетаниях, например: *белая бумаг-а, белой бумаг-е; пиш-у, пиш-ешь, пиш-ет письмо, ед-у, ед-ешь, ед-ет в Москву* и т. п.). Различение внешнего и внутреннего строения формы словосочетания представляется теоретически бесспорным; было бы целесообразным проводить это последовательное различие как в школьной, так и в академической «Грамматике».

7. Но дело не только в комбинации форм слов в составе словосочетания. Пешковский обращает внимание на взаимодействие ряда других факторов в создании формы словосочетания, а именно: 1) на роль слов, не имеющих формы, не входящих в то же сочетание, 2) на порядок слов, 3) на интонацию и ритм и 4) на характер связей между словами.

У нас часто недооцениваются эти факторы в школьном и вузовском изучении синтаксиса, да и в научных исследованиях они не стали еще в должной мере предметом внимания лингвистов.

Остановимся поэтому несколько подробнее на характеристике этих компонентов словосочетания.

а) Пешковский правильно говорит, что слова, не имеющие формы, не живут в языке отдельной жизнью, а тесно переплетаются со словами, имеющими форму, вступая в постоянную связь с определенными формальными категориями. Так, например, слово *очень* соединимо только с прилагательным, глагольным словом, но не с существительным; можно сказать *очень полный, очень полнеет*, но не *очень полнота*. Слово *вчера* соединимо только с глагольным словом; можно сказать *вчера умер, вчера умерший*, но не *вчера мертвый*. Особенности значения приобретают в словосочетаниях слова *частичные*, или служебные, которые влияют как на внешнюю структуру словосочетания, так и на его внутреннее содержание. Это: 1) предлоги (*ключ от двери*); 2) союзы (*хлеба и зрелищ*); 3) усилительные или выделительные слова; например, слово *даже* помещается всегда перед тем членом, на который падает сильнейшее ударение фразы; ср.:

*даже ты не говорил сегодня с ним,
ты даже не говорил сегодня с ним,
ты не говорил даже сегодня с ним,
ты не говорил сегодня даже с ним;*

такое же значение имеют частицы *то* (*он-то это сделает, это-то он делает*), *же, да, и* (*он и словечка не сказал*), *так и* (*он так*

и надрывается, так и чешет, так и чешет) и др.; 4) вводные слова (он, конечно, придет); 5) глаголы-связки (он был болен); 6) повелительные слова (пусть он знает); 7) отрицательные слова (не, ни); 8) вопросительные ли, разве, ужели, неужели.

б) Кратко, но убедительно Пешковский говорит о роли порядка слов в словосочетании, отмечая, что «всякая перестановка создает новый оттенок речи». Он может быть внутренним (смысловым или стилистическим); например, между дай мне книгу и дай книгу мне, говоря откровенно и откровенно говоря, только один и один только чувствуется внутренняя разница, как бы ни была она тонка и мало уловима; порядок слов может иметь и формальное, грамматическое значение (при выявлении падежа существительного: мать любит дочь и т. п.). К сожалению, и эта сторона русского синтаксиса словосочетаний (как и предложений) не нашла еще глубокого освещения в советском языкознании, особенно стилистическая сторона проблемы порядка слов в словосочетании.

в) Интересны наблюдения Пешковского, касающиеся роли интонации и ритма в составе словосочетаний и предложений¹.

Но ему не удалось разграничить роль интонации и ритма в словосочетании и предложении, ибо понятие предложения он растворял в понятии словосочетания, что, с нашей точки зрения, теоретически несостоятельно. В. В. Виноградов правильно замечает, что «у Пешковского происходит полное смешение интонационных признаков предложения с «интонацией и ритмом» словосочетания и даже прямая замена одних другими².

В самом деле, Пешковский пишет: «Сравним два сочетания: 1) Приедешь домой, переоденешься, сказанное тоном перечисления действий, которые предстоит выполнить, и 2) Приедешь домой—переоденешься, сказанное условным тоном, в смысле если приедешь домой... или когда приедешь домой. Здесь важный оттенок придаточности, т. е. подчиненности одного предложения другому, выражен интонацией, тогда как обычно он выражается особыми частичными словами (союзы)³. Или сравним по интонации предложения: Ты куда? и Ты куда спешишь? В первом из них оттенок законченности мысли создается исключительно ритмом и интонацией. Это вообще характерно для неполных предложений и для однословных предложений типа: Пожар! Воры! Спасите! Куда? Назад! Хорошо! Виноват! и т. д. Эти слова произносятся не как слова только, а как целые фразы с соответствующими оттенками повествования, вопроса, восклицания, с одной стороны, и с оттенком законченности мысли — с другой. «Слова эти по интонации оказываются равными...

¹ Подробнее об этом см. в следующей главе нашей работы.

² В. В. Виноградов, упомянутая выше статья в сборнике «Вопросы синтаксиса», 1950, стр. 41.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 69.

словосочетаниям... они имеют в таком произношении определенную форму словосочетаний», — пишет Пешковский, пытаясь подменить этим термином понятие предложения.

Однако ясно, что перечисленные здесь виды интонации относятся к предложениям, к законченным единицам сообщения, а не к формам словосочетаний в собственном смысле этого термина. Акад. А. А. Шахматов правильно указывал, что словосочетанию не свойственна интонация сообщения; говоря об интонации как способе обнаружения господствующего и зависимого слова в «грамматическом единстве», т. е. в словосочетании, он имел в виду лишь «более сильное или более слабое произношение слова». Некоторыми другими авторами работ по русской грамматике также подчеркивалось, что словосочетание (*зеленая трава*) и номинативное предложение (*Зеленая трава. Два куста орешника. Под одним из них лежит мальчик лет пяти*) резко различны по своей грамматической природе, в том числе и по интонации¹.

г) Общеизвестным является и такой фактор формы и значения словосочетания, как характер связи между словами. В данном случае у Пешковского речь идет о том, что одно и то же словосочетание может иметь разные значения в зависимости от окружающих слов и от обстановки речи. Возьмем словосочетание *Вели ему помочь!* Оно может иметь два смысла: 1) вели ему, чтобы он помог, 2) вели (кому-то другому), чтобы ему помогли. Здесь социальным моментом, средством социальной передачи, являются не звуки сами по себе, а обязательность ассоциаций с теми или иными звуками, с определенными грамматическими рядами слов.

В нашей методической литературе почти совсем не разработан вопрос о преодолении трудностей в определении значений словосочетаний (в частности падежных значений) в составе предложения, когда условия синтаксического и морфологического окружения в сочетании с обстановкой речи и интонацией создают возможность двойного (или более) истолкования одного и того же словосочетания. Приведу ряд примеров подобного рода:

1. *Обе посылки переданы Смирновым. (кому? кем?)*
2. *Супругу совсем не видно за вами. (кого? кому?)*
3. *У борта стояла группа русских и грузин. (кто стоял?)*
4. *Все это было рассказано одним знакомым (кому? кем?)*
5. *Вчера приехала сестра Валерия. (кто приехал?)*²

(Ср. двусмысленность фразы: *Я знал его еще ребенком: кто был ребенком — я или он?*)

8. Весьма плодотворной является мысль Пешковского о том, что комбинация форм слов в словосочетаниях

¹ См. также «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, 1954, стр. 41.

² Примеры взяты из «Сборника упражнений по современному русскому языку» А. Н. Гвоздева, Учпедгиз, 1953, стр. 105.

тесно связана с вещественным значением слов и, следовательно, сфера применения каждой формы словосочетания ограничена словарными условиями¹. Так, например, в словосочетаниях типа глагол+косвенный падеж существительного (*рубят топором, мстит врагу*) падеж существительного зависит главным образом от вещественного значения глагола. В самом деле, при глаголе *ест* невозможен дательный падеж, а при слове *мстит* он необходим, при *рубят* возможны и винительный, и дательный, и творительный падежи (*рубят мне дрова топором*), при *спит* невозможно ни то, ни другое, ни третье (нельзя сказать *спать кому-нибудь, что-нибудь, чем-нибудь*). Важно также и вещественное значение существительных. Так, словосочетания типа глагол+дательный падеж существительного характеризуются почти исключительно присутствием в них имен одушевленных предметов (*даю кому, льщу кому, помогаю кому* и т. д.).

С другой стороны, есть в языке немало форм словосочетаний более общего характера, не зависящих в своем применении от словарной стороны. Так, в словосочетании типа: именительный падеж существительного+согласуемый с ним глагол (*стол стоит, рыба плавает* и т. д.) могут быть употреблены любой глагол и любое существительное.

Таким образом, по Пешковскому, следует различать общие и частные формы словосочетаний, причем степень «общности» и «частности» может быть различна.

В советском языкознании наших дней эта мысль Пешковского получила дальнейшее развитие; стали говорить о семантически связанных словосочетаниях, о лексической обусловленности отдельных типов словосочетаний. В «Грамматике русского языка», в общетеоретической вводной части, есть даже специальный вопрос о «взаимодействии грамматических категорий и лексических значений слов в формах словосочетаний» и соответственно о «правилах образования словосочетаний», а при классификации типов сложноподчиненных предложений выделяется такая разновидность, где «отношения между частями выражены лексико-синтаксическими средствами»². (Ср., например: *Не успел Чичиков осмотреться, как уже был схвачен под руку губернатором* — в этом предложении элемент лексического состава первой части *не успел* всегда сочетается с инфинитивом.)

Мысль А. М. Пешковского об ограничении форм словосочетания словарными условиями является плодотворной и не подлежит сомнению. Впрочем, некоторые лингвисты склонны рассматривать семантически обусловленный тип словосочетаний как универсальный (все устойчивые словосочетания и сло-

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 73.

² «Грамматика русского языка», АН СССР, 1954, т. II, ч. 2, § 1541—1548, стр. 353—359; ср. стр. 48—58.

восочетания типа *иметь значение, иметь возможность, два приятеля, много книг, несколько человек* и т. п.) и отсюда делать слишком широкие обобщения в отношении форм словосочетания. «Значения или функции словосочетаний,—пишет В. П. Сухотин,—определяются вещественным значением сочетающихся слов и представляют собой не арифметическое сложение значимостей, а диалектическое (противоречивое) единство понятия в его расчлененном виде»¹. Между тем факты семантической спаянности словосочетаний нельзя считать преобладающими; они, при всей их многочисленности, все же являются частным исключением из общих закономерностей. Именно поэтому Пешковский говорит о частных и общих формах словосочетаний. В последних связь слов свободная и взаимодействие лексических и грамматических значений слов, их взаимообусловленность сказываются лишь в самых общих чертах, хотя характер этого взаимодействия, разумеется, диалектический, а не механический. Кстати, и у В. П. Сухотина находим довольно отчетливое разграничение словосочетаний свободных и связанных, или устойчивых. «Семантическая целостность и частота употребления разного рода словосочетаний,—пишет он,—служит постоянно действующим источником новых качественных преобразований и пополнения лексико-фразеологического и грамматического фонда языка большим количеством фразеологизмов, идиоматических оборотов и аналитических конструкций»².

В связи с этим В. П. Сухотин и говорит о свободных словосочетаниях, т. е. допускающих замену компонентов, «не утрачивающих своей лексико-семантической самостоятельности», и связанных или устойчивых словосочетаниях («эквивалентных словах»), в которых компоненты постоянны и несамостоятельны (ср. идиомы, фразеологизмы и аналитические конструкции типа *начал петь, перестал ходить, собирался ехать* и т. п.).

Такой дифференцированный подход к типам словосочетаний исключает возможность объявлять все правила сочетания слов в синтаксические единства (синтагмы) как чистый, непосредственный результат действия лексического содержания слов. Между тем именно такого рода ошибки допускал, в частности, акад. Л. В. Щерба, когда он говорил, что «управление слов определяется не грамматикой», а словарем³.

Впрочем, вопрос о семантических группах слов является для науки новым и еще мало исследованным, поэтому классификация этого рода словосочетаний делается иногда по слишком общим признакам, причем допускается смешение грамматического анализа с лексическим, который выходит за пределы грамматики.

---

¹ В. П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном русском языке, сборник «Вопросы синтаксиса», 1950, стр. 170.

² Там же, стр. 176.

³ См. Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе, 1947, стр. 93. Выше мы уже отмечали это теоретическое заблуждение в другой связи (при выяснении сущности грамматики).

Однако, по мнению В. В. Виноградова, сама постановка проблемы словосочетаний в такой плоскости, когда учитывается взаимодействие грамматических и семантических процессов, — здоровое зерно, которое должно лечь в основу целого ряда более глубоких исследований, посвященных проблеме словосочетания¹. В то же время несомненно, что в преобладающей части словосочетаний отношения между словами определяются не лексическими, а грамматическими категориями². Следует четко разграничивать действия грамматических и лексических категорий в отдельных типах словосочетаний; общность корня в словах, принадлежащих к разным частям речи, и их семантическая соотносительность (*забота и забочусь — о чем? решимость и решиться — на что?* а также однотипные словосочетания, обусловленные влиянием семантики главного слова: *ужас, страх, восторг, восхищение* перед кем-нибудь или чем-нибудь) хотя и создают часто серию однотипных словосочетаний, но далеко не исчерпывают всего их разнообразия.

9. Необходимо подчеркнуть, что Пешковский, раскрывая взаимодействие различных средств выражения значений в составе словосочетания, стремится выявить диалектическое единство формы и содержания. Все компоненты словосочетания: материя и форма, содержание и внешние признаки его выражения — это не механическая сумма слагаемых, а нечто цельное, фактически неделимое. «Ведь ясно, что ни комбинацию форм, образующих данное словосочетание, ни синтаксическую сторону значения бесформенных слов, ни интонацию, ни характер связей между словами мы не можем вынуть из словосочетания и отложить, положим, направо, а весь остаток налево. Дело идет не о частях словосочетания (частями его являются только отдельные слова), а именно о его разных сторонах как в звучании, так и в значении», — пишет Пешковский³.

Естественно, что он, будучи взыскательным лингвистом, кропотливо старался определить, «что представляет собой зависимость членов предложения друг от друга с внешней стороны, как распознается она в языке, какими внешними признаками определяется, что такое-то слово зависит от такого-то, а не наоборот».

Странно, что акад. В. В. Виноградов и тут, при анализе учения Пешковского о словосочетаниях, в соответствии с общей своей концепцией в отношении к Пешковскому делает совершенно неоправданное резюме: «А. М. Пешковскому было важно не внутреннее

¹ См. вступительное слово акад. В. В. Виноградова на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР при обсуждении второго тома «Грамматики русского языка» («Вопросы языкознания», 1954, № 4, стр. 146).

² Там же. Ср. также статью Н. Н. Прокоповича «Словообразовательные связи частей речи и построение словосочетаний» («Вопросы языкознания», 1953, № 6).

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 72.

диалектическое единство формы и содержания, а внешнее проявление грамматического значения, нередко механически отождествляемое им с формой»¹.

Между тем Пешковский неоднократно подчеркивал теоретическую несостоятельность механического сопоставления формы и содержания, истолкования внешнего и внутреннего в языке как простого сосуществования формы и значения.

В этом плане характерно его рассуждение о природе грамматической формы: «Всякая форма, — пишет он, — помещается, так сказать, на стыке своей внешней и внутренней стороны. Нельзя сказать, чтобы с пониманием термина «форма» в науке все обстояло благополучно. Трудность определения некоторых формальных значений, частые и зияющие противоречия между формальным смыслом слова или словосочетания и реальным, наконец, многозначность огромного большинства форм, причем между отдельными значениями одной и той же формы невозможно провести никаких соединительных линий—все это приводит к тому, что «форма» нередко прямо противопоставляется «смыслу», «идее», т. е. понимается или, по крайней мере, изображается как нечто чисто вещественное, звуковое. С теоретической точки зрения это, конечно, явно несостоятельно» (разрядка моя. — А. Б.). Далее он говорит, что «нередки и обратные истолкования формы исключительно со стороны значения ее. Так, важнейшая форма словосочетания, предложение, определяется и по сей час по большей части с одной своей внутренней стороны как «связное и законченное целое» без указаний тех внешних средств, которыми выражается эта цельность, связность и законченность. Даже в тех случаях, когда в определение вводится как необходимый признак наличие вспомогательного глагола, отсутствует указание на то, в каких же отношениях стоит этот внешний признак к внутреннему, т. е. почему внутренняя цельность и законченность связана непременно с наличием спрягаемого глагола. Оба признака представляются просто сосуществующими»².

10. Более того, когда Пешковский стремится выяснить специфику грамматической природы словосочетания (внешнеграмматические связи слов в составе словосочетания — предложения), он подчеркивает взаимодействие и взаимообусловленность форм отдельных слов, входящих в единство, непрерывность грамматических связей между словами; с этой точки зрения словосочетание представляется законченным «грамматическим рядом слов», где формы отдельных

¹ В. В. Виноградов, Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия, «Вопросы синтаксиса», 1950, стр. 40.

² А. М. Пешковский, Научные достижения русской учебной литературы в области общих вопросов синтаксиса, Прага, 1931, стр. 3—5.

слов не только ассоциируются с определенными грамматическими значениями, но и «связаны между собою согласованием, управлением и примыканием». Пешковский правильно полагает, что «признак непрерывности связей, естественно характеризующий ту или иную синтаксическую величину как е д и н с т в о, признак, довольно слабо намеченный в литературе, здесь приобретает должный вес и место»¹.

Заметим кстати, что указания Пешковского на роль «грамматического ряда слов» и ассоциаций, в зависимости от окружающих слов и от обстановки речи, отражают известный этап увлечения лингвистов психологическими параллелями. Многие зарубежные авторы, как и русские, часто указывают на л и н е й н ы е свойства языка как главный критерий связанности словосочетания; как живописец должен считаться с расположением рисунков на определенной плоскости, так и говорящий для передачи содержания, которое он хочет выразить, должен считаться с необходимостью располагать языковые формы одна возле другой, так как члены — группы слов не выступают обычно как изолированные элементы, а всегда примыкают друг к другу. Таковы глагол с существительным, существительное с прилагательным, предлог с падежной формой и т. д. На этом линейном свойстве языка основано якобы большинство синтаксических образований, имеющих в конечном счете психологическую подкладку.

Это напоминает определение Ф. де Соссюром основных отношений в языке как отношений синтагматических и отношений ассоциативных; благодаря линейному характеру языка, исключающему возможность произнесения двух элементов сразу, слова выстраиваются одно за другим в речевой цепи и подобное сочетание, опирающееся на протяженность, может быть названо синтагмой. Находясь в синтагме, элемент языка имеет значимость лишь в силу противопоставленности другим элементам того же отрезка речи. Группировки слов на основании ассоциативных отношений характеризуются тем, что в наличии всегда будет лишь один элемент группы, вызывающий в сознании другие слова по самым разнообразным ассоциативным связям².

Но это уже подмена синтаксического анализа психологическими рассуждениями о свойствах частей речи, входящих в «словесные группы» — словосочетания.

11. Следует особо выделить вопрос о п р и н ц и п а х к л а с с и ф и к а ц и и словосочетаний по значению и о роли словосочетаний в предложении; одни из них выступают как предикативные, другие — как непредикативные.

¹ А. М. Пешковский, упомянутая выше статья, стр. 10.

² См., например, книгу Хаверса — W. Haver s, Handbuch der erklärenden Syntax, Heidelberg, 1931 (излагаю на основании упомянутой выше статьи В. Н. Ярцевой о предложении и словосочетании — см. сборник «Вопросы грамматического строя», изд. АН СССР, М., 1955, стр. 447).

А. М. Пешковский считает возможным проводить классификацию словосочетаний, кроме признаков по количеству слов (двусловные, трехсловные и т. п., в том числе и однословные), по формам (аффиксы, служебные слова, интонация, порядок слов) и по их значению и роли в предложении (имеется в виду главным образом употребление слова в роли сказуемого).

Остановимся подробнее на последнем признаке.

По наличию или отсутствию сказуемого Пешковский устанавливает следующие разряды словосочетаний: 1) словосочетания, имеющие в своем составе сказуемое (или указание на опущенное сказуемое) или состоящее из одного сказуемого. Здесь рассматриваются глагольные, именные и инфинитивные сочетания (простые предложения); 2) словосочетания, имеющие в своем составе два или несколько сказуемых (сложные предложения).

Легко заметить, эта классификация есть не что иное, как классификация предложений, о чем говорит и сам Пешковский¹.

Впрочем, как показала дискуссия по поводу выхода в свет «Грамматики русского языка» (АН СССР, 1954, т. II, ч. 1), исключение предикативных словосочетаний из анализа словосочетаний многими лингвистами признается нецелесообразным, так как отношения форм в предикативном и атрибутивном сочетании остаются одними и теми же (П. С. Кузнецов)².

Не ясно, почему предикативная связь подлежащего и сказуемого должна рассматриваться вне пределов словосочетания, если эти члены предложения обязаны своим возникновением формам словосочетания (Г. А. Бертагаев)².

Общепризнанным является и отсутствие согласованности в академической «Грамматике» между синтаксисом словосочетания и синтаксисом предложения (В. И. Борковский)².

В. В. Виноградов считает, что предикативные словосочетания типичны для предложения, ибо синтаксические отношения, связанные с выражением утверждения или отрицания, с сообщением об окружающей действительности, осуществляются лишь в составе предложения и возможны только между членами предложения; следовательно, эти отношения не могут рассматриваться в синтаксическом учении о словосочетании и разных его типах. Вот почему широко распространенное деление словосочетаний на два главных разряда (предикативные и непредикативные), по мнению В. В. Виноградова, лишено внутреннего основания: оно возникло вследствие смешения вопросов изучения словосочетания и структуры предложения³.

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 185.

² См. материалы дискуссии о «Грамматике русского языка» («Вопросы языкознания», 1955, № 4, стр. 147 и др.).

³ В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетаний, «Вопросы языкознания», 1954, № 3. Ср. статью В. П. Сухотина о словосочетаниях в сборнике «Вопросы синтаксиса», 1950, стр. 176—177.

Спор о границах учения о словосочетании нельзя считать оконченным, хотя в академической «Грамматике» упорно проводится тезис о том, что предикативные словосочетания должны рассматриваться лишь в учении о предложении, а не в учении о словосочетании, предметом которого должны быть сочетания слов как второстепенных членов предложения в их отношениях друг другу и к главным членам предложения — подлежащему и сказуемому. Это утверждение подкрепляется и своеобразным пониманием не только смысловой, но и формально-грамматической сторон словосочетания; «конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова», — говорится во введении к «Грамматике» (стр. 11). «Предикативное же словосочетание спаяно в единство категориями лица, времени и наклонения и, будучи единицей сообщения, не является именовани-ем, хотя и сложным» (стр. 13). Однако, по признанию акад. В. В. Виноградова, в академической «Грамматике» отсутствует анализ своеобразия выражения предикативности в русском языке, поэтому теория предложения оказалась внутренне не связанной с теорией словосочетания¹.

С этой точки зрения, с точки зрения с и с т е м ы, теоретических принципов, у Пешковского обнаруживается бóльшая последовательность; он и предикативные словосочетания (т. е. предложения) рассматривает как разновидность словосочетаний вообще, растворяя, однако, учение о предложении в учении о словосочетаниях. Акад. А. А. Шахматов, наоборот, расчленил эти понятия, но допустил неправильное сближение, точнее — отождествление предикативных словосочетаний с предложением. «Со стороны формы, словесного облика, предложение отличается от соответствующего ему, состоящего из тех же слов незаконченного словосочетания интонацией, — пишет А. А. Шахматов, — со стороны значения предложение отличается от незаконченного словосочетания соответствием законченной единице мышления... Таким образом, синтаксис словосочетаний занимается главным образом в т о р о с т е п е н н ы м и ч л е н а м и предложения в их отношении к главным членам или во взаимном отношении друг к другу; между тем как синтаксис предложения занимается главными членами предложения в их отношении к предложению или во взаимном их отношении друг к другу»².

Разумеется, нельзя механически переносить предложения в круг словосочетаний. Такой перенос связан с ликвидацией в предложении самых существенных его признаков: со стороны значения — функции единицы сообщения и средства общения, а

¹ См. вступительное слово В. В. Виноградова на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР при обсуждении второго тома «Грамматики русского языка» («Вопросы языкознания», 1954, № 4).

² А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, изд. 2, Учпедгиз, 1941, стр. 274.

со стороны формы — интонации предложения. Между тем общепризнано, что интонация — органический элемент структуры предложения, один из постоянных характерных признаков предложения. Интонация сообщения присуща даже предложениям резко эмоционального, грамматически нерасчлененного характера, вроде: *Ну и ну! То-то! Еще бы! Вот тебе и на!* и т. п. (грамматически они односоставны, но с точки зрения логико-психологической они двучленны, ибо в них выражается сочетание субъекта и предиката).

Но совершенно естественно проводить разграничение словосочетаний на: а) предикативные, объединяющие подлежащее и сказуемое и выполняющие функцию сообщения или высказывания о действительности (*студенты работают, погода прекрасная* и т. д.) и б) непредикативные, представляющие собой расчлененные или сложные наименования явлений (*работа студентов, прекрасная погода* и т. д.).

Непризнание за предикативными словосочетаниями права быть объектом учения о словосочетаниях возникло, очевидно, в результате неоправданного отождествления далеко не всегда совпадающих явлений — предикативных словосочетаний с предложениями. Несмотря на тесную связь между ними и даже единство категорий лица, времени и наклонения, нельзя ставить знак равенства между предикативными словосочетаниями и предложениями. Например, сопоставляя вырванную из контекста конструкцию *студенты купили...* с предложением — *Студенты купили путевки на курорт*, нетрудно заметить, что данная конструкция, рассматриваемая как элемент предложения, лишена интонационной законченности и, стало быть, полноты выражения предикативности — этих необходимых признаков предложения. А при наличии этих признаков и непредикативные словосочетания становятся предикативными (ср. *Замечательная погода! Воды холодной! Вы куда? Ваня! Ай-ай-ай!* и т. п.). У Пешковского были серьезные основания считать интонацию важным средством формирования сказуемостных словосочетаний, т. е. предложений. Подкрепляя эту хорошую традицию, идущую еще от Потемкина, многие советские языковеды полагают, что предикативные словосочетания должны быть предметом анализа теории словосочетаний, поскольку в подлежащем и сказуемом обнаруживается собственная (или внутренняя) форма словосочетаний, выражающая отношение сказуемого, как зависимого слова, к подлежащему (*птица лет-ит, студенты чита-ют*). Внешней формы в предикативных словосочетаниях нет, поскольку грамматически господствующее, стержневое слово (подлежащее) в своей форме независимо и неизменно (именительный падеж, форма инфинитива в роли подлежащего и т. д.). Поэтому совершенно справедливо замечание В. П. Сухотина, что предикативное словосочетание, являясь лишь структурной основой, или «фундаментом» предложения, остается словосочетанием до тех пор, пока

не получит ведущих признаков предложения (интонации сообщения) и не включится в речевой контекст речи как самостоятельное синтаксическое целое¹.

Таким образом, предикативное словосочетание не может быть отождествлено с предложением; надо видеть в том и в другом общность и качественное своеобразие.

Считая главными интонационными средствами в организации предложения и в выражении его содержания ударение и мелодику, Пешковский также указывал, что различием интонаций определяются основные функциональные и вместе с тем модальные типы предложения — повествовательные, вопросительные и побудительные. «Что бы мы ни сказали,— писал в «Русском синтаксисе» А. М. Пешковский, сделавший много интересных наблюдений в области русской ритмомелодики,— мы высказываем это либо повествовательно, либо вопросительно, либо восклицательно. Как ни важна для нас разница между этими тремя видами речи, она все-таки не материальна, а формальна. Скажем ли мы *он здесь*, или *он здесь?*, или *он здесь!* — материал нашей мысли остается один и тот же: представление о «нем» и о месте, где «он» находится. Меняется только отношение наше к данной мысли: в одном случае мы просто желаем поделиться со слушателем найденной нами реальной связью или отсутствием ее (при отрицании) между двумя представлениями, образующими в данном случае мысль; в другом случае мы не решаемся сами признать реальность или нереальность связи и ждем разъяснения в этом отношении от собеседника; в третьем — мы не только полностью убеждены в реальности или нереальности связи, но и выражаем наши чувства, внушенные нам этой связью. Все эти различия грамматические, и выражаются они в русском языке почти исключительно интонацией...»

Следовательно, у Пешковского были серьезные основания считать интонацию важным средством формирования и словосочетания и предложения, но он не проводил необходимого разграничения роли интонации в той и другой структуре; интонация лишь подчеркивает грамматическую связь слов в словосочетании (ср.: *Предлинной хворостиной мужик гусей гнал в город продавать. Кто-то руками нащупал дверь, и в хату вошел осторожно доктор*), а в предложении интонация, кроме того, играет еще и коммуникативную функцию — функцию сообщения, и в этом заключается одно из коренных отличий предложения от словосочетания. В отличие от предикативных словосочетаний (предложений) номинативные словосочетания лишены этой интонации сообщения.

¹ В. П. Сухотин, упомянутая выше статья о словосочетаниях в сборнике «Вопросы синтаксиса», 1950, стр. 162; ср. его рецензию в соавторстве с М. М. Никитиной на «Грамматику русского языка» («Вопросы языкознания», 1955, № 3, стр. 117).

12. Остановимся теперь на другой классификации словосочетаний, построенной Пешковским на иных принципах — на характере грамматической связи и отношений в парных словосочетаниях.

Пешковский намечает два вида таких отношений:

1) отношения взаимно не совпадающие и (необратимые) подчинительные, например *ножка стола*, но нельзя сказать *стол ножки*; отношения между учителем и братом в сочетании *учитель брата* не те же, что в сочетании *брат учителя*; математически это можно было бы выразить так: $A : B \neq B : A$, где A и B — соотносящиеся представления, а $\neq$ знак неравенства;

2) отношения взаимно совпадающие, или обратимые, сочинительные, например, в словосочетаниях *гражданин Иванов*, *красавица зорька*, *брат-учитель* и т. д. Это все случаи, где школьник мучится в разыскании «приложения и того, к чему оно приложено», в то время как отношения здесь всегда взаимно совпадающие, и все такие словосочетания легко допускают обращение: *Иванов — гражданин*, *зорька — красавица*, *учитель — брат* и т. д., только стилистически они отличаются от первых. Эти отношения можно выразить формулой $A : B = B : A$.

Двойственность отношений в словосочетании восходит, по Пешковскому, к двойственности выражения этих отношений: «там, где звуковой показатель отношения имеется лишь в одном из соотносящихся, отношения получаются взаимно не совпадающие и не обратимые; там же, где этот показатель имеется в обоих соотношениях, — взаимно совпадающие и обратимые»¹.

Справедливо по этому поводу замечание проф. В. П. Сухотиной: данное подразделение, если иметь в виду его признаки (наличие звуковых показателей), не охватывает всех видов словосочетаний; например, в сочетаниях с наречиями, деепричастиями и инфинитивом звуковые показатели отсутствуют, отношения подчинительные, хотя перестановка (обратимость) оказывается возможной. Ср.: *хорошо читает — читает хорошо*, *поехал учиться — учиться поехал* и т. п.².

Более того, если эти понятия распространить на предложения (а они Пешковским понимаются как разновидность словосочетания), то различие сочинения и подчинения становится еще более шатким; часто характер отношений между частями сложносочиненного предложения даже с союзом *и* не допускает обратимости (перестановки). Например, возможна обратимость в предложении *Язык мой немеет, и взор мой угас* (А. К. Толстой), но она невозможна в предложениях типа

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 80.

² См. статью В. П. Сухотиной о словосочетаниях в сборнике «Вопросы синтаксиса», 1950, стр. 139.

Княжна Марья читала бумагу, и сухие рыдания задержали ее лицо (Л. Толстой); Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться; Брат заболел, и его увезли в больницу и т. п.

Многообразные логико-грамматические отношения между частями словосочетания и частями сложного предложения никак не вмещаются в схему Пешковского об обратимости и необратимости¹.

Однако отрицание нами теории Пешковского об обратимости и необратимости словосочетаний как универсального средства их различения не может заслонить его исключительную наблюдательность в отношении характера связей между словами — разграничения им сочинительных словосочетаний и подчинительных.

В словосочетаниях обратимых (сочинительных) типа *Хлеба и зрелищ! — Зрелищ и хлеба! Строг, но справедлив — Справедлив, но строг* Пешковский видит взаимодействие звукового показателя отношений (союза), стоящего всегда между соединяемыми словами, с интонацией, выполняющей в этих случаях «уравнительную» роль в сочетаниях. Ср.: *В лесу ночной порой и дикий зверь, и лютый человек, и леший бродит* (А. С. Пушкин); сюда же, конечно, относятся и бессоюзные случаи типа *Гибли молодость, сила здоровье...* «поскольку в них могли бы быть союзы и поскольку «перечисляющая» интонация здесь всецело выполняет роль союзов»².

Пешковский убедительно противопоставляет этой связи подчинительную связь слов в словосочетаниях, особенно тех, в которых отношения выражены служебными словами. «Совершенно иной характер носит связь слов в предложных словосочетаниях», — пишет он и показывает специфичность этой связи; наряду с предлогом отношение здесь всегда выражено и аффиксом существительного (*ключ от замка*), а главное, в этой неравной связи слов почти невозможно отделить значение предлога от значения аффикса существительного, и в сущности здесь мы должны говорить об одном сложном звуковом показателе, который частью вошел в состав одного из соединяемых слов (*замка*), частью прильнул к нему в качестве служебного (*от замка*). Сознание такого именно размещения элементов чрезвычайно ярко отражается в малограмотных написаниях таких словосочетаний: пишут *ключ отзамка*, но почти никогда не пишут *ключот замка* (ср. также фонетическое слияние предлога с падежом в таких случаях, как *на год, под голову*,

¹ Более развернутую критику этой теории Пешковского см. ниже, в следующей главе настоящей работы.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 82. Подробнее см. об этом в главе XXIV «Русского синтаксиса», где речь идет об интонационном выражении однородности (стр. 398—399).

без толку, за ногу и т. д.). Следовательно, здесь оба звуковых показателя (вернее, один сложный) целиком отходят к одному из соотносящихся слов. Соответственно и отношения получаются взаимно не совпадающие и не обратимые, что ясно: 1) из прямой невозможности в большинстве случаев произвести обращение (нельзя сказать *замок от ключа*), 2) из смысловых сдвигов в тех случаях, когда внешним образом можно произвести обращение (*хлеб с маслом — масло с хлебом, человек без зуба — зуб без человека, письмо на столе — стол на письме, нет хлопущки для мух — нет мух для хлопущки* и т. д.). «Таким образом, — заключает Пешковский, — здесь имеется типичное подчинение»¹.

Разработка А. М. Пешковским системы выражения подчинительной связи в словосочетаниях оказалась особенно плодотворной.

В современном языкознании классификация словосочетаний строится на основании соотнесенности различных типов словосочетаний с частями речи; при этом формы слов в парных соотношениях рассматриваются иерархически: на первый план выдвигается форма господствующего «стержневого» слова, а затем уже для характеристики вариантов значений внутри отдельных типов словосочетаний привлекается и форма зависимого слова.

Этот принцип классификации, морфолого-синтаксический по своему существу, не может вызывать возражений, тем более, что он открывает материальные возможности для выявления различных семантических (смысловых, реальных) отношений между словами в составе словосочетания. Опасность «морфологизации» учения о словосочетании как синтаксической категории тут только кажущаяся. Разве можно синтаксические категории понимать как автономные, независимые от морфологической структуры слов? Пешковский требовал слияния морфологического разбора с синтаксическим, стирая иногда грани между тем и другим. Однако всю сложную классификацию типов словосочетаний он построил в основном на морфологической основе. Точно так же проводится этот принцип и в «Грамматике русского языка», только, может быть, с большей последовательностью и на основе значительно большего иллюстративного материала, охватывающего многообразные конструкции предложных и беспредложных словосочетаний.

Например, выделяются конструкции: а) с глаголом в роли главного слова (*писать письмо, вмешаться в разговор*), б) с именем существительным в роли главного слова (*дым костра, ограда из камня, охота странствовать*), в) с прилагательным в роли главного слова (*полный радости, красный от волнения, слишком яркий, готовый бороться*), г) с мес-

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 83.

то именем в роли главного слова (*что-то белое, кто-нибудь из вас, некоторые из людей*), д) с числительным (*три рубля, один из них*), е) с наречием (*очень весело, грустно до слез, скучно до зевоты*).

Все эти морфологические приметы, положенные в основу классификации, являются, так сказать, внешними (несобственными) формами словосочетаний. А далее внутри указанных рубрик намечается система внутренних (собственных) форм словосочетаний, где подробно прослеживаются формы зависимых слов, например глагольные словосочетания с зависимым словом — именем существительным в дательном (или другом) падеже: *объяснять ученик-ам, симпатия к человек-у* и т. п.

Подобный анализ беспредложных и предложных конструкций ведется в тесной связи с содержанием (значением) этих конструкций. Например, именное словосочетание с зависимым существительным в дательном падеже с предлогом *к* может выражать: а) объект отношения (*симпатия к человеку, страсть к картам*), б) определительно-предикативные (*путь к счастью, дорога в лес*), в) отношения назначения и сопровождения (*предисловие к книге, ключ к замку, определение к существительному*).

В таком же плане прослеживаются и все другие типы словосочетаний.

Нам представляется, что такой путь исследования формально-грамматической стороны словосочетания в единстве с их синтаксическими функциями, т. е. отношениями между словами, является наиболее правильным, так как при этом анализе с наибольшей полнотой выявляются органическая связь и единство разных сторон языковых образований в их отношениях к фактам и явлениям реальной действительности.

Именно к такому диалектическому единству в анализе форм словосочетаний стремился и Пешковский, — когда он говорил о необходимости указывать на внешние средства, которыми выражается цельность, связность и законченность грамматического значения, т. е. указывать, «в каких отношениях стоит этот внешний признак к внутреннему».

Таким образом, советское языкознание обрело твердую научную почву, метод классификации типов словосочетаний, идущий от материальных данностей языка к познанию их семантико-синтаксического назначения.

Всякий другой путь неизбежно связан с опасностью произвольных, субъективных построений, с опасностью отрыва от языковой базы.

13. О словосочетаниях с сочинительной связью.

А. М. Пешковский полагал, что в так называемых однородных словосочетаниях (типа *видел отца, дядю, брата; отцы и*

дети; и месяц, и звезды, и тучи; клочки и отрывки каких-то мыслей; гибли молодость, сила, здоровье и т. д.) выступает отчетливо лишь совокупность способов соединения слов в составе предложения, сами же сочетавшиеся слова лишены своего качества: они растворяются в членах предложения. А. М. Пешковский смешивал сочинительные словосочетания с однородными членами.

Академическая «Грамматика», как и Пешковский, не выделила в особый раздел типы однородных словосочетаний, обеднив тем самым синтаксис. Между тем несомненно, что однородные словосочетания, означающие соединение или противоположение в чем-либо сходных, но грамматически независимых явлений, отражают определенные типы связей реальной действительности, особый характер отношений между словами (*учитель и инженер, брат и писатель*). Совершенно иной характер отношений между словами в зависимых (подчинительных) словосочетаниях, которые отражают другие типы связей реальной действительности (*учитель инженера, брат писателя*).

Между тем в современном советском языкознании предметом словосочетаний признаются только словосочетания с подчинительной связью. Именно только эти типы словосочетаний и подвергаются дробной классификации¹. Считается неправомерным вводить в состав словосочетаний указанные виды так называемых сочинительных словосочетаний (или «слабых групп слов», «незамкнутых сочетаний», «открытых рядов») типа *война и мир; брат и сестра; не мир, но меч; лебедь, рак да щука; униженные и оскорбленные; дешево и сердито; виноват, а не сознается; точность и краткость* и т. д. Однако нельзя не видеть в этих фактах языка одну из своеобразных разновидностей словосочетаний.

Правда, подобного типа сочетания слов однородны, в них слова идут одно за другим, не вступая друг с другом в отношения подчиненности; структурные свойства этих сочетаний слов не зависят от грамматических связей между частями речи. Но акад. В. В. Виноградов не без основания находит, что парные сочетания слов, принадлежащих к одной и той же части речи и соединенных сочинительными союзами, вычленившись из состава предложения и подвергнувшись лексико-семантической стабилизации, довольно широко употребляются в номинативной функции и тем самым раздвигают пределы словосочетаний в сторону так называемых словесных рядов.

Вместе с тем В. В. Виноградов ошибочно полагает, что в целом словосочетания, образуемые посредством союзной сочинительной связи, приходится рассматривать как функциональные.

---

¹ См., например, в «Грамматике русского языка», 1954, т. II, ч. 1, где детально прослеживаются беспредложные и предложные словосочетания (глагольные, именные, наречные), стр. 115—355.

Анализ их строя и их употребления в принципе ничем не отличается от анализа однородных членов предложения, имеющих ту же структуру¹.

Такое обобщение нам представляется слишком категоричным и неоправданным. Оно в сущности ставит знак равенства между тем и другим.

Между тем структурный признак однородных словосочетаний (одноразрядность, одноформенность сочетающихся слов) не является постоянным, ибо в составе предложения однородность членов предложения не всегда совпадает с одноформенностью слов как частей речи; например: *Няня повествовала с пылом, живописно, с увлечением, местами вдохновенно* (Гончаров, Обломов); *Она слушала его со страхом и жадно* (Горький, Мать).

Однородные члены предложения, следовательно, могут быть выражены разными частями речи или различными формами одной и той же части речи².

Что же касается многочисленных рядов несогласованных однородных определений, то характер синтаксической связи слов этого рода очень далек от способов объединения их в так называемых «однородных» словосочетаниях. Например: *Входит ко мне человек лет 35, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде* (Пушкин, Дубровский); *Впереди стоял комендант, старик добрый, высокого роста* (Пушкин, Капитанская дочка); *Вошел человек толстый, смуглый, черноволосый, с низким лбом и совершенно заплывшими глазами* (Тургенев, Бурмистр).

Таким образом, в аспекте учения об однородных членах не могут быть поняты принципы и приемы сочинительного сцепления слов со значением разных частей речи, но относящихся к одним и тем же членам предложения, и, значит, разграничение понятия о сочинительных словосочетаниях и однородных членах предложения необходимо; нельзя одно понятие подменять другим.

Вместе с тем общими признаками тех и других («однородных» сочинительных словосочетаний и однородных членов предложения) являются: 1) сочинительная связь (посредством соединительных, разделительных и противительных союзов), 2) интонация перечисления и 3) соединительные паузы. Это положение, детально разработанное Пешковским, сохраняет полную силу и теперь.

Видимо, учение об однородных словосочетаниях нуждается в коренном пересмотре, как и учение Пешковского об обратимых и необратимых словосочетаниях.

---

¹ См. В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетаний, «Вопросы языкознания», 1954, № 3, стр. 13.

² Ср. «Грамматика русского языка», 1954, т. II, ч. 1, стр. 43—44.

14. О словосочетаниях с подчинительной связью и их соотношении с второстепенными членами предложения.

Считая теоретически несостоятельным уподобление «однородных» (сочинительных) словосочетаний однородным членам предложения, как и подмену одного понятия другим, многие советские языковеды все же практически допускают, вслед за А. М. Пешковским, отождествление понятия о подчинительных словосочетаниях с понятиями о второстепенных членах предложения.

Проведем сопоставление.

Пешковский, как уже отмечалось, вообще растворял понятие предложения в понятии словосочетания.

Говоря о второстепенных членах предложения, Пешковский в «Русском синтаксисе» дает им такую классификацию: 1) управляемые второстепенные члены (косвенные падежи существительных с предлогами и без них), 2) согласуемые второстепенные члены (непредикативные и несубстантивированные прилагательные), 3) примыкающие второстепенные члены (наречия, деепричастия, инфинитивы).

Он считает неоправданным употреблять термины «определение», «дополнение», «обстоятельство», которые, по его мнению, «очень неудачны» и являются лишь «сокращенными обозначениями» установленных выше понятий и никакой другой стороны дела не выражают. «Второстепенность» всех этих членов он понимает не в логическом и не в психологическом смысле (потому что в этом смысле важнейшим, по его мнению, является слово, несущее на себе фразное ударение, а им может быть любое полное слово предложения), а в грамматическом, т. е. в смысле зависимости их (прямой или косвенной) от одного из членов основного словосочетания (подлежащего или сказуемого)¹. Имея в виду бесконечно разнообразные комбинации сочетаний второстепенных членов друг с другом и с главными членами в распространенных предложениях, Пешковский разбивает последние на двусловные словосочетания (*хрипели вальс, старинный вальс* и т. д.) и объединяет их в типы словосочетаний. Получается довольно полный и вместе с тем стройный ряд типов словосочетаний, в котором грамматически обобщаются разнообразные отношения между словами в составе словосочетаний.

Для характеристики принципов классификации Пешковского обратим внимание хотя бы на ее начало.

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1938, стр. 176, 267. Ниже мы вынуждены будем еще раз вернуться к вопросу о второстепенных членах, но уже в другой связи — в связи с выяснением взаимоотношения понятий о частях речи и второстепенных членах предложения (см. главу пятую настоящей книги).

Вот как представлены у него словосочетания в пределах глагольных личных предложений (даем краткую сводку двух-трех типов как образец анализа словосочетаний)¹.

Тип I. Глагол + управляемое существительное (*смотрю картину, пишу записку, лежать на кровати, настаивать на правах* и др.), при этом различается слабое управление, предложное и беспредложное, особенности переходных и непереходных глаголов.

Подтип 1. Беспредложные сочетания (по падежам). Например, винительный падеж: а) винительный внешнего объекта (*возьмет он руку, к сердцу жмет*), б) винительный результата (*а дуги гнут с терпением и не вдруг*), в) винительный содержания (*обдумывать план*), г) винительный времени (*лето целое все пела*), д) винительный места (*всю дорожку на кладбище мокрые трубы хрипели старинный вальс; домишко старенький край города стоял*), е) винительный количества (*книга стоит рубль, песня пелась всю ночь*).

Точно так же прослеживаются значения всех других падежей на основе анализа характера подчинительной связи в парных словосочетаниях.

Подтип 2. Предложные сочетания (обзор располагается в порядке предлогов, и указывается модификация значений, когда предлог требует нескольких падежей). Например:

С винительным, предложным и местным: а) пространственное значение (*сидел в кресле, в трактир привезли семги*), б) временное значение (*Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел*), в) отношение тождества (*Алексей был в батюшку*), г) способ действия (*И русский Н как N французский произносить умела в нос*), д) цель действия (*Я, кажется, мог бы написать в назидание потомству целый трактат*).

В такой же последовательности прослеживаются другие предлоги в разных значениях и с разными падежами, причем этот обзор сделан, по меткому выражению автора, лишь «с высоты птичьего полета», так как не только значения не исчерпаны, но даже управление дано не все².

Тип II. Существительное (или субстантивированное прилагательное) + управляемое ими непосредственно или посредственно другое существительное (*мицение врагу, рубка топором, игра с болваном* и др.). Это управление равно глагольному (*мицу врагу, рублю топором*). При субстантивном управлении характеризуются падежные значения, например, родительный падеж: а) родительный принадлежности (*дом отца, ножка стола* и т. д.), б) родительный определительный (*трубка мира, дева красоты*), в) родительный субъекта дей-

¹ У Пешковского намечено около 20 типов словосочетаний.

² См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, стр. 299.

ствия (любовь **отца** к детям, игра **Шаяпина**), г) родительный объекта действия (сушка **плодов**, заготовка **хлеба**), д) родительный количества (рюмка **вина**, чашка **чая**) и т. д. Так же тщательно прослеживаются значения других словосочетаний этого типа.

Тип III. Прилагательное + управляемое им непосредственно или посредственно существительное (или субстантивированное прилагательное): *слабый духом, сильный волей, высокий ростом, лучший из нас, мудрейшая из жен* и т. д.

Уже этот кратко изложенный нами материал позволяет установить, что Пешковский всюду проводит семантико-синтаксическую характеристику двух знаменательных слов в составе словосочетаний, подменяя этим характеристику тех же слов как членов предложения.

Правомерна ли такая подмена?

В советском языкознании этот вопрос решается противоречиво.

С одной стороны, утверждается, что «во второстепенных членах предложения как бы синтезируются, обобщаются по функции те же разнообразные грамматические отношения, которые обнаруживаются между словами в строе словосочетаний»¹. Отсюда, следовательно, круг значений в пределах тех и других (в словосочетаниях и в членах предложения) откристаллизован самой их природой: в них синтезируются, т. е. обобщаются, одни и те же (хотя и разнообразные по количеству и качеству) отношения. Это в сущности полностью совпадает с концепцией Пешковского.

С другой стороны, признается, что «словосочетание и предложение — качественно различные категории синтаксиса»². Следовательно, это качественное различие должно сохраняться и в природе парных словосочетаний и в природе членов предложения, в том числе и второстепенных.

Между тем в академической «Грамматике», вопреки одному лишь декларативному заявлению о качественном различии словосочетаний и членов предложения, материал о том и другом излагается в направлении функциональной общности грамматических отношений между словами как членами словосочетания и как членами предложения, и хотя этот материал излагается в разных отделах, но трактуется он одинаково: в разделе о второстепенных членах предложения лишь повторяется то, что говорилось о словосочетаниях. В дискуссии по этому вопросу проф. С. Е. Крючков правильно заметил, что последовательное проведение декларативно объявленного тезиса: «Члены предложения — это синтаксические категории, возникающие в предложении на ос-

¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, 1954, «Введение», стр. 94 (излагается вопрос о членении предложения и о членах предложения).

² См. «Введение» в «Грамматику», т. II, ч. 1, АН СССР, 1954, стр. 11, а также стр. 22—34.

нове форм словосочетания» (т. II, ч. 1, стр. 88) — приведет к уничтожению всей системы второстепенных членов предложения¹.

Коллектив авторов академической «Грамматики» так и сделал, подменив анализ подчинительных словосочетаний анализом функций второстепенных членов, реализуя тем самым тезис о единстве и общности функций тех и других (см. выше).

Сопоставим для наглядности методiku анализа словосочетаний и второстепенных членов, проведенную в академической «Грамматике русского языка».

В разделе о словосочетаниях с глаголом в роли главного слова большое место занимает анализ глагольных словосочетаний с зависимым словом — именем существительным в разных падежах (без предлога и с предлогом)².

Например, словосочетания с именем существительным в винительном падеже без предлога делятся по синтаксической функции на два разряда; в первый входят словосочетания, выражающие объектные отношения: *избирать депутата, пахать землю, учить детей, любить сына, читать книгу, писать письмо* и т. д.; во второй разряд входят словосочетания, выражающие отношения количественные: количественно-временные (*читать час, болеть месяц, прожить неделю*), количественно-пространственные (*пробежать километр, проплыть сто метров*) и собственно-количественные (*весить тонну, стоить пять рублей*). Внутри разряда словосочетаний, выражающих объектные отношения, выделяются, в соответствии со значением главного и зависимого слова, три группы словосочетаний: 1) словосочетания, главное слово которых называет конкретное физическое действие, а зависимое слово — материальный объект этого действия (*ловить рыбу, открыть глаза, резать бумагу, рубить дерево, поймать ежа, шить платье*); 2) словосочетания, главное слово которых называет восприятие, говорение, внутреннее состояние, чувство, а зависимое слово — объект восприятия, говорения, чувствования (*слышать песню, любить отца, уважать учителя, говорить правду, вспомнить сказку, ждать сестру, испытывать тревогу*); различия между этими двумя группами определяются лексическими значениями образующих словосочетание слов; 3) словосочетания, выражающие объективно-пространственные отношения; главное слово в них — переходный приставочный глагол со значением движения, зависимое слово — имя существительное с предметно-пространственным значением (*перебежать дорогу, перейти поле, переехать перевал*).

Если теперь обратимся к другому разделу той же «Грамматики русского языка» (АН СССР, 1954, т. II, ч. 1, стр. 560—572),

---

¹ См. материал дискуссии по поводу «Грамматики русского языка» («Вопросы языкознания», 1955, № 4, стр. 147 и др.).

² См. «Грамматику русского языка», т. II, ч. 1, 1954, стр. 115—213.

где излагается вопрос о дополнении как второстепенном члене предложения, то мы не обнаружим в сущности ничего нового в классификации значений дополнения, т. е. тех отношений, которые создаются между двумя словами (например, глагольным сказуемым и дополнением, выраженным именем существительным в том или ином падеже с предлогом или без него).

В § 775 о прямом дополнении читаем: «Прямое дополнение обозначает такой объект, на который распространяется действие, выраженное глаголом. В зависимости от конкретного значения того члена предложения, который поясняется дополнением, и самого дополнения последние могут иметь различные оттенки значений...» И тут же в скобках указывается: «См. гл. «Глагольные словосочетания с именами существительными», § 2—8».

И далее идут многочисленные примеры с краткими комментариями, например: а) «При членах предложения — глаголах и предикативных наречиях, обозначающих чувства и восприятия, дополнение обозначает объект чувства, восприятия» (*Люблю тебя, Петра творенье; Жалко девочку; Хотел встать, но сидел, слушая Лидию*); б) «При членах предложения — глаголах со значением движения (*пройти, пробежать, переехать* и др.) дополнение обозначает пространство» (*переползал болотце* и др.); в) «При членах предложения со значением речи, мысли, желания — дополнения раскрывают содержание этих процессов (*рассказывал анекдоты, читал письмо*); приводятся тут же другие примеры парной зависимости слов, но поданных в контексте — в предложениях.

Таким образом, характеристики парных отношений слов, входящих в словосочетания с существительным в косвенных падежах (с предлогом и без предлога), и значений косвенных дополнений, выраженных теми же формами косвенных падежей существительных, ничем по существу друг от друга не отличаются¹.

То же следует сказать и о приемах анализа других типов словосочетаний сравнительно с приемами характеристики определений и дополнений как второстепенных членов предложения. В последнем случае анализ ведется в том же плане (с семантической и грамматической точек зрения), причем та и другая соплагаются, выступают как равноправные в этом механическом единстве.

Может быть, А. М. Пешковский был прав, требуя в последнем (прижизненном) издании своего «Русского синтаксиса» устранения двойной номенклатуры одного и того же, как ему казалось, факта.

---

¹ См. стр. 115—325 и 560—572 «Грамматики русского языка».

Впрочем, он относил традиционное понятие «второстепенный член» более к логическим категориям, чем к грамматическим. С нашей точки зрения, было бы точнее рассматривать второстепенные члены как логико-грамматические категории, в которых скрещиваются в диалектическом единстве и взаимодействуют: 1) лексические значения слов и словосочетаний, 2) морфологические категории (слова как части речи) и 3) синтаксические категории, выражающие отношения между частями целого в формах сочинения и подчинения (согласования, управления и примыкания).

Как ни странно, но именно в решении вопроса о природе и сущности словосочетания и членов предложения мы обнаруживаем единство взглядов таких, казалось бы, противоположных по общелингвистическим концепциям лингвистов, как А. М. Пешковский и В. В. Виноградов.

Как бы развивая мысль Пешковского о взаимоотношении понятий «словосочетание» и «члены предложения», В. В. Виноградов, исходя из того, что «между частями речи и членами предложения есть связь и взаимодействие, но нет параллелизма»¹, пишет, что синтаксические признаки второстепенных членов предложения складываются и развиваются все же на базе твердо установившихся морфологических категорий и их функционально-синтаксического осложнения в системе разных типов словосочетания: «Именно так установилась категория определения, морфологическим ядром которой явились качественные и относительные прилагательные. Не менее определены морфологические основы категорий дополнения — формы и функции косвенных падежей имен существительных — в тех случаях, когда предметное значение имени не поглощается оттенками определительного и обстоятельственного характера и не растворяется в них. Морфологическую базу синтаксической категории обстоятельства составляют наречие и функционально близкие к нему формы косвенных падежей существительных (обычно с предлогами), когда в них закрепляются значения обстоятельственных отношений»².

Но еще Пешковский указывал, что самая дробная морфологическая классификация типов словосочетаний никак не может охватить все многообразие значений и отношений между словами в составе предложения, тем более что эти оттенки значений и отношений, облекающие морфологическое ядро категорий определения, дополнения и особенно обстоятельства, настолько сложны, трудно различимы и внутренне противоречивы, что они часто выходят за рамки классификаций или создают переходные, смешанные типы словосочетаний³.

¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 88.

² Там же, стр. 95.

³ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 299, 302, 306—307, 312, 314 и др.; ср. во «Введении» к «Грамматике русского языка», т. II, ч. 1, стр. 96 и др.

Таким образом, можно считать общепризнанным, что «традиционное учение о второстепенных членах предложения нуждается в коренном пересмотре»¹.

Каковы же перспективы решения этой проблемы?

Нам представляется, что этот пересмотр на основе углубленного изучения всех видов синтаксической связи между словами как в формах словосочетаний, так и в структуре предложений должен идти в направлении дальнейшего уточнения качественного своеобразия категорий словосочетания и членов предложения, а не по линии их взаимопоглощения, как это сделано у Пешковского и как фактически делается при анализе того и другого в академической «Грамматике».

Почему нельзя согласиться с тенденцией некоторых лингвистов заменить определение словосочетания как семантико-синтаксического единства двух знаменательных слов другим определением словосочетания как соединения двух членов предложения?

И, с другой стороны, почему нельзя отказываться от классификации слов как членов предложения в угоду классификации их по типам словосочетаний?²

Почему, следовательно, невозможна подмена одного понятия другим? Причин несколько.

В о-п е р в ы х, потому, что в этом случае учение о словосочетании пришлось бы целиком подчинить разбору слов по членам предложения и тогда учение о словосочетании утратило бы, в сущности, всякий смысл, оказавшись перелицовкой учения о членах предложения. К сожалению, такая «перелицовка» проблем характеризует академическую «Грамматику». Если же, наоборот, считать, что «при нынешнем состоянии разработки данной проблемы целесообразнее (?) ограничиться изучением словосочетаний, не добиваясь пока во что бы то ни стало сведения обнаруженных в них синтаксических отношений к тому или иному числу более общих категорий»³, т. е. членов предложения, то в этом случае пришлось бы отказаться от учения о второстепенных членах предложения и перелицевать это учение в учение о словосочетаниях, т. е. подчинить характеристику слов только их формальной классификации по типам словосочетаний, что тоже ведет к подмене одного понятия другим.

Эта подмена невозможна, в о-в т о р ы х, потому, что объем понятия «члены предложения» шире объема понятия «словосоче-

¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, стр. 97.

² Именно такого рода отказ от учения о второстепенных членах предложения и требование ограничить изучение форм и функций слов пределами учения о словосочетаниях неправомерно обосновываются в статье проф. А. Б. Шапиро «К учению о второстепенных членах предложения в русском языке» («Вопросы языкознания», 1957, № 2, стр. 71—85).

³ Там же, стр. 85.

тания»; в составе предложения синтаксические связи между словами, характерные для основных типов словосочетания, расширяются и пополняются иными типами связей; в предложении одна и та же форма слова может выполнять функции разных членов предложения. Например, в предложении *Этот человек с умом* сочетание *с умом* выступает в роли сказуемого (*умен*), а в предложении *Человек с умом не пропадет* сочетание *с умом* является частью семантически неразложимого словосочетания *Человек с умом* в роли подлежащего (ср. *Умный человек не пропадет*). В предложении же *Этот человек с умом, с талантом, с большими страстями прожил яркую, интересную жизнь* сочетание *с умом* попало в другой ряд и стало определением. А в предложении *С умом задумано, да без ума сделано* выражение *с умом* — обстоятельство образа действия при сказуемом *задумано*. Это же выражение *с умом* может быть и дополнением (*Сердце с умом не в ладу*).

В - т р е т ь и х, члены предложения вне предложения не существуют, а словосочетания существуют и вне предложения, уподобляясь словам и нося номинативную функцию. Словосочетание может входить в систему коммуникативных средств языка только в составе предложения и через предложение (ср. у Шахматова *зеленая трава* как словосочетание и *зеленая трава* как номинативное предложение при описании, в окружении других подобных).

В - ч е т в е р т ы х, правила образования словосочетаний не охватывают всей грамматической схемы предложения и всех возможных ее осложнений; кроме правил об отношении членов предложения, есть еще (за пределами правил словосочетания) правила о построении сложных или составных членов предложения (например, составные и сложные подлежащие, сказуемые и другие члены предложения), правила об обособленных членах, вводных словах и т. п.

В - п я т ы х, на грамматическую категорию члена предложения нанизываются и живут с ней нераздельно логические категории (субъекта, предиката, атрибута, релятива и др.), что делает категорию члена предложения исторически более устойчивой, более консервативной сравнительно с категорией словосочетания; исторические изменения в строе языка могут привести с течением времени к выдвиганию новых грамматических приемов и постепенному отмиранию старых, о чем свидетельствует история синтаксиса русского языка, английского, немецкого и других языков¹.

---

¹ См. работы: проф. В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот», проф. Т. П. Ломтева «Очерки по историческому синтаксису русского языка» (1956), а также статью проф. В. Н. Ярцевой «Предложение и словосочетание» в сборнике «Вопросы грамматического строя» (изд. АН СССР, 1955, стр. 436—451), где приводятся данные о постепенном изменении типов словосочетаний в английском языке.

Ср., например, эквиваленты между членами предложения и типами словосочетаний в таком предложении из «Ипатьевской летописи»: «...И придоша (половцы) в монастырь Печерьский, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутренямъ», где налицо исчезнувшая теперь конструкция с обособленным оборотом, так называемым «дательным самостоятельным» (ср. современное *Когда мы были в кельях и почивали после заутрени*)¹. Ср. замену падежных форм во французском и английском языках предложными (аналитическими) конструкциями (вместо *horse's head — the head of the horse* — голова лошади).

И, наконец, в ш е с т ы х, следует подчеркнуть различие принципов образования словосочетания и выделения членов предложения:

а) хотя словосочетание возникает и по заданию предложения, но образуется обычно на основе слова, принадлежащего к той или иной части речи, в соответствии с правилами его сочетаемости с другими словами; еще со времен Ломоносова учение о словосочетании и его видах тесно связывалось с учением о частях речи, отсюда и группировка словосочетаний строилась по стержневому, грамматически господствующему, главному слову, от которого находятся в зависимости другие слова (глагольные, именные, наречные сочетания);

б) член предложения выделяется на другой основе, на основе семантических (логических) функций в предложении, но, конечно, во взаимодействии (хотя и не очень устойчивом) с формами слов и формами сочетания слов друг с другом (управления, согласования, примыкания); сюда же наслаиваются и лексические значения как главного, так и зависимого слова.

15. В связи с установлением общности и различий между словосочетаниями и второстепенными членами предложения становится более или менее ясным вопрос о том, что является основополагающим фактором возникновения словосочетаний: слово с присущей ему способностью «распространяться» и давать различные пучки синтаксических объединений в составе предложения или предложение с его коммуникативными заданиями.

Пешковский был более склонен считать слово первичной и основной единицей грамматики, хотя позднее он говорил, что нельзя рассматривать язык как арифметическое сложение, составленное из своих элементов, причем мельчайшие из них складываются в более крупные, эти — в еще более крупные и т. д. Вся эта концепция языка, по Пешковскому, перевертывает природу изучаемого предмета: «Язык не составляется из элементов, а дробится на элементы. Первичными для сознания фактами

---

¹ См. В. Г. Белинский, Сочинения, т. X, стр. 53.

являются не самые простые, а самые сложные»¹. Отсюда, следовательно, нельзя определять слово как совокупность морфем, словосочетание как совокупность слов, а предложение как совокупность словосочетаний. «Все определения должны быть выстроены в обратном порядке».

В академической «Грамматике» проводится (правда, непоследовательно) другая концепция.

«Словосочетание обычно образуется на основе слова, принадлежащего к той или иной части речи в соответствии с правилами его сочетаемости с другими словами»², причем утверждается, что эта способность слова к распространению «иногда бывает заложена в самой грамматической структуре» этих слов, а также в их семантических свойствах³. Такого рода чисто арифметическая теория сложности целого из частей приобретает даже некоторую убедительность, когда частное возводится (без достаточных оснований) в общее: «Так, переходные глаголы со значением конкретного физического действия, имеющие приставку **в**, сочетаются с формой винительного падежа прямого объекта и с другой формой винительного падежа, которой предшествует предлог **в**, например: *вложить патрон в ружье, вдеть нитку в иголку, воткнуть заступ в землю, посадить пулю в стену*. Эти словосочетания легко распространяются и дательным косвенного объекта и творительным орудия, например: *влепить противнику пулю в лоб, вбить молотком гвоздь в стену*. «Таким образом,— обобщается в «Грамматике»,— сложные словосочетания далеко не всегда являются продуктом соединения целых словосочетаний. Очень часто они образуются путем распространения какого-нибудь слова или словосочетания».

Еще ранее в таком же направлении решал этот вопрос и акад. Л. В. Щерба. Касаясь структуры словосочетаний (синтагм), он писал: «В центре их стоит обыкновенно то или другое слово, и правила построения синтагм сводятся к правилам распространения существительных, прилагательных, наречий и глаголов другими словами»⁴.

Нам представляется теоретически несостоятельной точка зрения, кладущая в основу возникновения словосочетаний не столько предложение с его функцией общения и сообщения, сколько присущая слову внутренняя, имманентная способность присоединять к себе другие слова иных лексико-грамматических категорий. В духе этой метафизической теории утверждается, например, что «словосочетание образуется до предложения, а не вы-

---

¹ А. М. Пешковский, Еще раз к вопросу о синтаксисе, «Русский язык в советской школе», 1929, № 2, стр. 52.

² «Грамматика русского языка», 1954, т. II, ч. 1, стр. 13.

³ См. там же, стр. 20.

⁴ Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе, 1947, стр. 87.

деляется аналитически из него»¹. Отсюда учение о словосочетании связывается прежде всего с изучением частей речи: «словосочетания возникают в результате распространения знаменательных слов другими, тоже знаменательными», в результате «способности той или другой части речи сочетаться с определенными частями речи»².

Словом, вся эта концепция представляется нам (как и Пешковскому) «перевертывающей природу изучаемого предмета». «Распространяемость» отдельного слова не есть некая «вещь в себе», а она сама есть результат и проявление типических для языка способов выражения отношений и связей реальной действительности. При этом все формы и способы соединения слов возникают не сами по себе, а в составе предложения, в процессе развивающихся потребностей общения, ибо «ведущей, организующей единицей нашей речи является предложение, как наиболее законченное высказывание о действительности, характеризующееся внутренним (смысловым) и внешним (структурно-фонационным) единством»³.

Между тем в «Грамматике» номинативная функция словосочетания рассматривается вне предложения, как «строительный материал для него», хотя возникновение коммуникативной функции словосочетаний относится к строю предложения: «Словосочетания только в составе предложения и через предложение входят в систему коммуникативных средств языка»⁴.

Но как доказать, например, внутреннюю необходимость распространения подавляющего большинства глаголов и имен существительных в формах косвенных падежей с предлогами? (Ср.: *спросить о здоровье*, *спросить о здоровье сына*, *взволнованно спросить о здоровье сына*; *спросить с волнением об исходе состязания*, *спросить с глубоким волнением об исходе сегодняшнего состязания*.) Все подобные «распространения» простого и сложного словосочетания возникают в предложении в процессе выражения познаваемых связей и отношений действительности,

---

¹ В. М. Филиппова, Глагольно-именные словосочетания с временным значением в современном русском языке, сборник «Исследования по грамматике русского литературного языка», изд. АН СССР, М., 1955, стр. 159.

² К. И. Куткина, Наречные предложные словосочетания с существительными в роли зависимого слова. Ученые записки Московского государственного пединститута, т. LXXXIX, вып. 6, 1956, стр. 69, 78. Еще категоричнее в этом отношении выступает Н. Н. Прокопович, который в том же выпуске даже само определение понятия о словосочетании строит на этой якобы присущей самой природе слова «распространяться»: «Таким образом, — пишет Н. Н. Прокопович, — учение о словосочетании по существу является учением о распространении знаменательных частей речи, о способах этого распространения».

³ В. П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном русском языке, сборник «Вопросы синтаксиса», 1950, стр. 175; ср. его же высказывания по затронутому вопросу в журнале «Вопросы языкознания», 1955, № 3, стр. 116.

⁴ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 10.

а не в силу внутренней, якобы присущей природе самого слова «способности» к распространению.

Вопреки ложной концепции об изолированности словосочетаний как «строительного материала» для предложений, в иллюстративной части «Грамматики» словосочетания подаются в преобладающем большинстве в контексте, в составе предложений, т. е. в преобразованном виде, что значительно обезвреживает, нивелирует постулаты теоретической части «Грамматики».

16. Таким образом, есть уже основания сделать некоторые обобщения по проблеме в целом и оценить не только частные, порой субъективные, концепции отдельных лингвистов в отношении теории словосочетания и ее интерпретации, но и наметить известные перспективы разработки столь важного и далеко еще не решенного вопроса.

1) Словосочетание, как и слово, нельзя считать первичной и основной единицей грамматики; и то и другое является элементами более цельной конструкции — предложения, — организующей единицы нашей речи в акте общения; в предложении выражается наиболее законченное высказывание о действительности, оно есть единство внутреннего содержания (смысла) и внешнего построения.

2) Словосочетание следует считать синтаксическим единством в составе предложения. В отличие от слова словосочетание, как минимальное лексико-грамматическое единство, выражает различные отношения и связи реальной действительности, в то время как слово может выражать лишь отдельное понятие вне его отношения к другим словам и вне грамматической связи с другими словами. В этом принципиальное отличие словосочетания от слова.

3) Будучи составной частью предложения, словосочетание имеет свои особенности, отличающие его от предложения и вместе с тем сближающие с ним.

Выражая сложные, расчлененные наименования понятий и тем самым неся номинативную функцию в языке, как и слово, словосочетание вместе с тем органически слито с предложением, заимствуя от него свои функции и способность своих элементов (слов) сочетаться друг с другом по общим правилам синтаксиса. Но лишённые смысловой законченности и интонации сообщения, словосочетания не могут выполнять коммуникативную функцию, что и является основой разграничения понятий словосочетания и предложения. С помощью интонации те же словосочетания могут приобретать смысловую законченность, переходя в предложение (в предикативные словосочетания), и нести коммуникативную функцию.

В русском языкознании уже наметилась такая линия разграничения понятий слов, словосочетания и предложения, хотя полного единства концепций ученых-лингвистов в этом вопросе пока еще нет.

4) Заслуживает внимания мысль Пешковского о взаимодействии ряда факторов в создании форм словосочетания: 1) бесформенных слов (наречий, предлогов, частиц, модальных слов), 2) порядка слов, 3) интонации и ритма, 4) грамматического окружения и ситуации речи.

В частности, предложные сочетания, как элемент словосочетания, не заняли еще необходимого места в научных исследованиях, хотя эти конструкции являются характерными для новейшего периода русского языка. По признанию академика В. В. Виноградова, выделить это новое для современной эпохи в «Синтаксисе» еще не удалось, так как не было накоплено соответствующего материала¹.

5) Во многом остается еще не раскрытым вопрос о том, как словосочетание включается в структуру предложения и каким изменениям оно там подвергается. Ведь недостаточно только отграничить учение о словосочетаниях от учения о предложении, надо еще видеть, кроме отличий их друг от друга, и то общее, что их связывает и что создает реальную (языковую) основу их взаимодействия.

Еще Пешковский говорил о теоретической несостоятельности такого анализа словосочетаний, когда внешние признаки словосочетания рассматриваются в плане механического сопоставления формы и содержания, когда внешнее и внутреннее в языке истолковывается как простое сосуществование формы и содержания.

Диалектика взаимоотношений формы и содержания словосочетаний и предложений остается еще мало исследованной; надо ждать серьезных сдвигов и в этом направлении.

6) В общем комплексе причин, обуславливающих типы словосочетаний, важное место занимают лексические значения слов, входящих в словосочетание. Однако нельзя этот

---

¹ См. В. В. Виноградов, Вступительное слово на Ученом совете Института языкознания при обсуждении второго тома «Грамматики русского языка» (см. «Вопросы языкознания», 1954, № 4, а также «Русский язык в школе», 1955, № 5, стр. 82). Интересна в этом плане небольшая статья Н. И. Букатевич «К вопросу о развитии предложных конструкций в русском литературном языке» (Труды Одесского государственного университета, 1956, т. 146, вып. 5, стр. 111—129). Но она построена на материале лишь древнего русского языка. Более интересной представляется работа Е. Г. Кулинича «Изменения в употреблении предлогов в современном русском литературном языке» (кандидатская диссертация, защищенная в Киевском государственном университете; см. автореферат, Киев, 1953, стр. 14).

фактор преувеличивать, так как в большинстве случаев тип словосочетания определяется чисто грамматическими факторами (принадлежность слова к той или иной части речи, ее морфологические особенности и синтаксические функции, отношение слова к понятию члена предложения и др.).

7) Понятия «словосочетания» и «второстепенные члены предложения» имеют много общих черт, и в то же время они качественно различны.

Отождествление этих понятий и подмена одного другим у Пешковского не были строго продуманы, и решал он этот вопрос на разных этапах своей научно-педагогической деятельности противоречиво, стремясь подчинить свои классификации главным образом методическим целям.

В советском языкознании наших дней, к сожалению, недостаточно ясно отграничены синтаксические функции разных типов словосочетаний от синтаксических функций второстепенных членов предложения.

Отмечая общность и многообразие родственных связей между этими образованиями, нужно решительно подчеркнуть их качественное различие и по объему, и по их функции в предложении, и по степени их устойчивости в историческом развитии языка, и по принципам их выделения из состава предложения. На современном этапе советского языкознания обнаруживается, в соответствии с последней концепцией Пешковского, известная опасность морфологизации в истолковании второстепенных членов¹, поэтому учение о них «нуждается в коренном пересмотре»².

8) Классификация словосочетаний на предикативные и не предикативные является вполне правомерной. Предикативные словосочетания, являющиеся структурной основой предложения, нельзя отождествлять с предложением; надо видеть и в том и в другом как общие черты, так и их качественное своеобразие. Выключение предикативных словосочетаний из учения о словосочетаниях и перенесение их в учение о предложении не может быть оправдано ни историей разработки вопроса, ни фактическим состоянием современного русского литературного языка.

9) Самый метод классификации типов словосочетаний, идущий от материальных, формально-грамматических показателей языка (формы и значения «стержневого» слова и зависимого слова) к познанию семантико-синтаксического назначения отдельных типов словосочетаний является правильным; всякий иной путь неизбежно связан с опасностью про-

¹ См. ст. А. Б. Шапиро «К учению о второстепенных членах предложения в русском языке», «Вопросы языкознания», 1957, № 2.

² «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, т. II, ч. 1, 1954, стр. 97.

извольных, субъективных построений, оторванных от языковой базы.

10) Остаются далеко не изученными принципы классификации сочинительных (однородных) словосочетаний и взаимоотношений между сочинительными типами словосочетаний и однородными членами предложения. Ошибки А. М. Пешковского в этом вопросе еще не преодолены в советском языкознании, что объясняется отсутствием исследований языкового материала в этом специальном направлении.

11) Основопологающим фактором возникновения словосочетаний является не слово с якобы присущей ему способностью «распространяться» и давать различные пучки синтаксических объединений в составе предложения, а предложение с его коммуникативными заданиями.

Это правильное методологическое положение в свое время было убедительно развито Пешковским, а теперь, в советском языкознании, или забыто, или извращается в специальных работах о словосочетаниях, в том числе и в «Грамматике русского языка» (1954).

12) Общий вывод: словосочетание как реальная синтаксическая единица речи принадлежит к числу наименее изученных, наименее выясненных категорий русского синтаксиса; в разрешении этой проблемы много спорных вопросов, однако общие контуры решения ее уже достаточно обозначились, намечены уже плодотворные перспективы изучения качественного своеобразия словосочетаний в их органическом, диалектическом единстве со словом и предложением.

Обращение к Пешковскому при разработке проблемы словосочетания, использование всего лучшего, что есть у этого ученого по данному вопросу, может не только значительно обогатить фактический языковой материал, но и умножить теоретические ресурсы, а также усовершенствовать метод исследования проблемы словосочетания в его отношении к слову и предложению.

13) И, наконец, последнее замечание методического характера — о школьном аспекте проблемы словосочетания.

Вопрос о словосочетаниях органически связывает учение о слове с учением о предложении. Это, так сказать, промежуточная инстанция, где происходит преобразование и сортировка слов как относительно неподвижного лексико-грамматического инвентаря в подвижные единицы в составе предложения. Через словосочетание легко познается процесс преобразования слова как части речи в член предложения.

Между тем в школьной грамматике почти совсем обходится проблема словосочетания: а) она не выделяется как часть синтаксиса, б) она не осознается и как промежуточная инстанция между словом и предложением, в) она упрощенно подается только в

плане раскрытия характера связи слов в предложении (сочинительной и подчинительной), вне внутренней морфолого-синтаксической спаянности типов словосочетаний и членов предложения.

Следует приветствовать появление в журнале «Русский язык в школе» статей, освещающих проблему словосочетаний как в теоретическом, так и в методическом плане¹.

---

¹ См. статьи: а) проф. В. П. Сухотина «К изучению словосочетаний в школе» («Русский язык в школе», 1956, № 2, стр. 53—58) и б) проф. Г. А. Бертаева «Отграничение сочетаний с приложением от сходных сочетаний» («Русский язык в школе», № 1, 1957, стр. 15—18).

УЧЕНИЕ А. М. ПЕШКОВСКОГО О ПРЕДЛОЖЕНИИ

1. Учение о предложении — это собственно главное звено всей грамматической системы Пешковского, теоретическая база синтаксиса, его главный предмет. Учение о предложении пронизывает собой и всю методическую систему ученого, нашедшую свое выражение в ряде учебников и учебных пособий Пешковского.

Сложность и трудность вопроса о предложении характеризуется уже тем, что отдельные ученые выдвинули огромное число определений предложения.

Не удивительно, что именно в учении о предложении мы обнаруживаем у Пешковского много противоречий, серьезных срывов и теоретических ошибок.

2. Чтобы понять своеобразие концепции Пешковского в понимании природы предложения, надо заглянуть в историю вопроса (хотя бы в пределах последнего столетия).

Совокупность многочисленных и разнообразных определений предложения в лингвистической литературе¹ можно свести к очень небольшому числу групп, построенных по тому или иному классификационному признаку. В истории грамматики принято было брать один из трех признаков при определении предложения: 1) мысль, 2) чувства или представления и 3) форму словосочетаний. Соответственно этому и определения носили: 1) логический, 2) психологический или 3) формальный характер. Но часто эти три признака смешивались между собой.

Рассмотрим наиболее типичные определения предложения в русской лингвистике.

Представители логико-грамматического направления, рассматривавшие язык как отражение логических категорий и от-

¹ Например, в книге J. Ries'a «Was ist ein Satz» (Prag, 1931, стр. 208—224) можно найти целую хрестоматию определений предложения, содержащую высказывания ста сорока авторов, причем сюда не вошли определения лингвистов, писавших по-русски и вообще на славянских языках. Они также имеют десятки различных определений, обусловленных принадлежностью лингвистов к той или иной школе.

ношений, связывали предложение с языковым выражением мысли, суждения. «Когда судим о каком-либо предмете,— писал Ф. И. Буслаяев,— тогда соединяем понятия с понятиями или понятия с представлениями. Предмет, о котором мы судим, называется подлежащим... то, что мы думаем или судим о предмете (подлежащем), называется сказуемым... Присоединение сказуемого к подлежащему именуется суждением. Суждение, выраженное словами, есть предложение»¹. Такое понимание в виде общеизвестной формулы «Предложение есть мысль, выраженная словами» дошло до революции в школьных учебниках и в сущности входит в содержание современного школьного определения: «Сочетание слов или отдельное слово, выражающее мысль, называется предложением»².

Впрочем, уже Буслаяев указывал, что подлежащее обычно выражается именительным падежом существительного, и потому у него в определении предложения сочетаются два основания: логическое и грамматическое.

Однако уже в середине XIX в. буслаяевское определение подверглось обстоятельной критике со стороны представителей психологического направления в грамматике, которые рассматривали язык как отражение процессов, протекающих в человеческой психике. По мнению А. А. Потебни, «грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением». По его мнению, предложение является словесным выражением не логического, а психологического суждения. Однако Потебня был против общего определения предложения, считая последнее исторически изменчивой формой, и говорил лишь о предложении для данного языка и в данную эпоху. Характерным для предложения современного языка Потебня считал то, что в предложение входят части речи. Отсюда у него вытекало и отождествление членов предложения с частями речи. А так как глагол (*verbum finitum*), по мнению Потебни, в предложении всегда — сказуемое, предикат, то и основным грамматическим признаком предложения он считал предикативность (глагольность)³.

Отсюда и определение Д. Н. Овсянико-Куликовского, последователя Потебни: «Предложение есть такое слово или такое упорядоченное сочетание слов, которое сопряжено с особым движением мысли, известным под именем «предицирования» («сказуемости»)»⁴.

---

¹ Ф. И. Буслаяев, Историческая грамматика русского языка, 1858, § 110.

² «Грамматика русского языка». Учебник для средней школы, под ред. акад. Л. В. Щербы, 1948. Почти то же в «Учебнике русского языка» С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова, Учпедгиз, 1954, ч. II, стр. 3.

³ См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, Харьков, 1888, стр. 77—78.

⁴ Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтаксис русского языка, 1912, стр. 51.

Ф. Ф. Фортунатов, определяя предложение как «суждение в речи», в то же время считал, что предметом синтаксиса является не предложение, а учение о формах словосочетаний.

Однако в целом формальное направление в грамматике начала XX в. усматривало как в логическом, так и в психологическом определении предложения игнорирование собственно грамматического момента.

Сказать, что предложение есть логическое суждение, выраженное словами, или сказать, что предложение есть психологическое суждение, выраженное словами, — это значит ничего не сказать о том, как построено предложение. Поэтому формалисты, делая упор на вопрос, как построено предложение, подчеркивали необходимость определять предложение лишь с точки зрения тех структурных признаков, которые характеризуют его как синтаксическую единицу. Отсюда: «Предложение есть сочетание слов, согласно грамматическим формальным признакам» (проф. Будде); «предложение — простое синтаксическое целое, уже связавшее так или иначе вопрос с ответом» (Ветухов); «предложением называется... грамматический ряд слов, в котором есть утверждение» (В. Гиппиус) и т. д.

М. Н. Петерсон же вообще отрицает предложение как основную ячейку языкового строя. Но синтаксис без предложения превращается у него в безжизненную схему формальных связей. Не предложение, а вид словосочетания выступает в роли организующей цепи синтаксиса. Отсюда словосочетания, состоящие: 1) из именительного падежа имени плюс личная форма глагола (*птица летит*); 2) из именительного падежа имени плюс личная или родовая форма глагола, плюс другое имя в творительном падеже (*Юноша был слушателем*); 3) из сочетания именительного падежа имени плюс именительный падеж другого имени (*Ваня — мальчик*) и т. д.

Такая чисто формально-грамматическая классификация игнорирует главное — смысловую характеристику «видов словосочетаний» и предложений, не говоря уже о том, что термин «вид словосочетания» не покрывает понятия «предложение», так как бывают предложения и однословные (*Светает. Тихо. Пожар!* и т. п.). Не предложение является частным случаем форм словосочетаний, а, наоборот, формы словосочетаний составляют часть предложения.

Акад. А. А. Шахматов попытался синтезировать в своем понимании предложения элементы логические, психологические и формальные.

Для Шахматова предложение — это «единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления»¹. Не

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, § 2, стр. 19.

глагол-сказуемое считает Шахматов самой существенной грамматической приметой предложения, а «грамматическое целое», выражающее «единицу мышления». Наряду с этим он подчеркивает психологическую основу предложения. Психологической основой предложения он считает «сочетание представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим лицам состоявшегося в мышлении сочетания представлений». Этот акт мышления-сообщения Шахматов назвал «коммуникацией». Поэтому рядом с уже приведенным определением у него есть и другое; предложение — «это простейшая единица человеческой речи, которая в отношении формы является одним грамматическим целым, а в отношении значения соответствует двум вошедшим в нарочитое сочетание представлениям, простым или сложным». Отсюда понятны становятся и такие структурные типы предложений, как *Уходите! Ступай к черту! Посидел бы ты с нами!* и т. п., в которых выражаются эмоции, воля, пожелания и т. д. «В них представления приведены в связь с нарочитым актом... для вынуждения или побуждения собеседника произвести то или иное действие»¹.

Но еще проф. Д. Н. Кудрявский отмечал, что, несмотря на тесную связь логических категорий с грамматическими формами, логическая форма мысли не совпадает с грамматической формой, т. е. с той формой мысли, в которую ее облакает язык².

В самом деле, между правильностью построения мысли и правильностью построения речи нет необходимого и постоянного соответствия. Совершенно абсурдная с точки зрения логики мысль может быть абсолютно правильной с точки зрения ее языкового выражения. На этом основана, например, фольклорная игра речью: *Пошел на лыко гору драть* или *Вижу — на утках озеро плывет*³.

Проф. В. А. Богородицкий, определяя предложение как «каждое сочетание слов (а иногда и одно слово), служащее для выражения цельной мысли и известным образом грамматически организованное», в то же время совершенно правильно считает, что «идеальное определение предложения должно было бы содержать указание на целый ряд моментов, характеризующих предложение с точек зрения психологической, грамматической и логической (не говоря уже о семасиологической и фонационной, которые в синтаксисе играют ту же роль, что и в морфологии) и притом не только по отношению к говорящему, но и к слушающему»⁴.

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, § 2, стр. 20.

² См. Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, изд. 2, стр. 7, 8, 23; ср. его же «Психология и языкознание», 1905, стр. 70—71.

³ См. об этом в книге Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение, Учпедгиз, 1945, стр. 136.

⁴ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, 1935, стр. 201.

Таким образом, несмотря на значительные разногласия среди лингвистов, можно все же считать установленным: 1) что предложение — это грамматическое и интонационное целое; 2) что оно с точки зрения и говорящего и слушающего — единица общения; 3) что оно служит для выражения единицы мышления, или представляет собой выражение волевого акта, или содержит выражение каких-либо эмоций; 4) что в предложении опосредствованно отражаются осознанные говорящим фактом и явления реальной действительности. Предложение есть акт речи — мысли, через посредство которого диалектически реализуются все процессы мышления.

«...в любом предложении, — говорит В. И. Ленин, — можно (и должно), как в „ячейке“ („клеточке“), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика»¹.

3. Характеристика учения Пешковского о предложении. Проследим решение А. М. Пешковским следующих вопросов: а) общее понимание и определение предложения, б) понятие сказуемости, в) интонация как фактор образования предложения, а также взаимоотношения интонации и пунктуации, г) обособленные члены предложения, д) вопрос о видах простого предложения.

Особого внимания заслуживает вопрос о «сложном целом» (сочинении и подчинении) и методике его изучения в системе Пешковского.

Анализ этих вопросов позволит нам в последующем сделать и некоторые выводы как общетеоретического, так и методического порядка.

а) *Пешковский о сущности предложения.*

А. М. Пешковскому не удалось раскрыть полностью сущность предложения, дать исчерпывающее его определение, хотя в описательном плане различные типы предложения получили у него обстоятельную и убедительную характеристику.

Прежде всего ошибочна мысль Пешковского, будто понятие предложения можно вывести из понятия словосочетания.

«Словосочетание и предложение — понятия разных семантических рядов и разных стилистических плоскостей. Они соответствуют разным формам мышления»², — правильно замечает В. В. Виноградов.

Предложение — вовсе не разновидность словосочетания, так как существуют и слова-предложения.

Словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, со-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Госполитиздат, 1947, стр. 329.

² В. В. Виноградов, *Упомянутые выше* статья о Пешковском в сборнике «Вопросы синтаксиса современного русского языка», 1950, стр. 38.

общения. Сочетания слов в грамматические единства, называемые словосочетаниями,— только способ построения предложения. «Методологически неверно рассматривать предложения как частный случай словосочетания: такой способ рассмотрения извращает реальное соотношение между этими языковыми образованиями»¹.

Однако, теоретически неправильно решая вопрос о взаимоотношении словосочетания и предложения, Пешковский практически верно построил свой «Русский синтаксис» как учение о предложении. «Правда фактов у него восторжествовала и победила ложную теорию»². Но, видя в простых нераспространенных предложениях словосочетания и включая их в обычный раздел словосочетаний, Пешковский стирает грань между этими логико-семантическими и грамматическими разрядами речи.

Вместе с тем следует отметить, что Пешковский никогда не подходил к определению предложения лишь с точки зрения его внешнеграмматических, структурных признаков, как того требовали формалисты (Будде и др.). Для Пешковского предложение — это выражение мысли. «Предложение есть слово или сочетание слов, выражающее мысль»³, — формулирует он в 1-м издании «Русского синтаксиса». В этом определении само понятие предложения связывается с логическими категориями, находящими в предложении свое словесное выражение (ср. определение Буслаева). И всякие попытки формалистов оторвать грамматические формы от мысли Пешковский всегда расценивал как «шаг назад по сравнению с системой Потемби» и резко осуждал те грамматические построения, в которых «словосочетания рассматриваются только со стороны взаимных отношений слов друг к другу и намеренно не рассматриваются со стороны их отношений к самой мысли»⁴. Пешковский энергично отстаивает положение о том, что синтаксические отношения нельзя рассматривать вне смысла и значения. Вот почему он, утверждая взаимодействие логики и грамматики, считал, что «как ни условны, как ни расплывчаты раскритикованные Потемби обычные «логические» определения подлежащего и сказуемого... они все-таки выражают, по правде говоря, самую суть дела в том смысле, что перебрасывают необходимый мост между грамматикой, с одной стороны, и психологией, с другой»⁵.

¹ С. И. Бернштейн, Грамматическая система А. М. Пешковского, «Русский язык в школе», 1939, № 2, стр. 104.

² В. И. Борковский, Рецензия на сборник «Вопросы синтаксиса», «Советская книга», 1951, № 7, стр. 96.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 1914, стр. 111.

⁴ Из рецензии Пешковского на книгу Петерсона (журн. «Печать и революция», 1924, кн. 2, стр. 243).

⁵ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 384—385; ср. ответ Пешковского на рецензию Е. Ф. Будде (ЖМНП, 1915, апрель, стр. 420), о чем см. в первой главе настоящей работы.

Но вместе с тем для Пешковского «мысль» — синоним термина «психологическое суждение», т. е. «такое соединение представлений, при котором мы сознаем соотношение между ними»¹.

«То представление, которое является в мысли первым, называется психологическим подлежащим, а то представление, которое соединяется с психологическим подлежащим, — психологическим сказуемым»². Но эти два члена мысли не просто два ассоциирующихся между собой представления; важнейший элемент мысли третий — именно «сознание соотношения между тем и другим». Указание на этот третий элемент (член) мысли является собственно отражением фортуатовской концепции, где предложение рассматривается как вид словосочетания, а последнее — как грамматический фундамент предложения.

Сомнения Пешковского в методологической правильности учения о предложении на основе психологического суждения приводят его к все большему подчеркиванию «языковых признаков». «Порядок слов, интонация и чисто психологический и логический анализ, — пишет он в 6-м издании своей книги, — будут интересовать нас преимущественно со стороны т р о т и в о р е ч и й, в которые они могут становиться с грамматическим анализом. Потому что цель наша — найти г р а м м а т и ч е с к о е подлежащее и г р а м м а т и ч е с к и й предикативный член»³. Поэтому Пешковский считает необходимым в случаях, когда по внешним данным словосочетания трудно определить члены предложения, использовать средство «ассоциации с теми смежными словосочетаниями, где... согласование внешне определимо». При помощи смежных форм словосочетаний (*Я был у учительницы сестры — Я пришел к учительнице сестры*) легко различить именительный и винительный падежи (*платье задело весло — юбка задела весло* и *юбку задело весло*) и определить, где подлежащее и где дополнение и т. п.

Таким образом, в своей новой концепции Пешковский основывает определение предложения на грамматических признаках, отражающих категории мысли.

Такой главной категорией, по Пешковскому, является «с к а з у е м о с т ь». Но теперь уже у Пешковского «понятие сказуемости зиждется не на общепсихологической базе... а на специально языковых наблюдениях», а «интонационная сторона синтаксических явлений выделена, противопоставлена и до некоторой степени подчинена собственно формальной стороне»⁴. Отсюда и предложение теперь определяется как словосочетание, имеющее в своем составе с к а з у е м о е, или указывающее своим

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 106.

² Там же, стр. 237.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1938, изд. 6, стр. 232.

⁴ Из предисловия А. М. Пешковского к 3-му изданию «Русского синтаксиса» (1928); последующие издания этого труда (4-е, 5-е, 6-е и 7-е) перепечатывались с третьего издания без исправлений.

формальным составом на опущенное сказуемое, или, наконец, состоящее из одного сказуемого¹. Отказ от «психологического суждения» как исходной опоры в определении предложения и утверждение понятия «сказуемости» как фактора, образующего предложение, сближает Пешковского с концепцией Потебни. Однако подчеркивание формальных признаков отнюдь не значит, что Пешковский отказался от понимания предложения как выражения мысли. Развивая тезис Потебни о предложении «речи» как единственной языковой реальности и имея в виду социальную функцию предложения (как средство общения между людьми), Пешковский подчеркивает «признак значения форм словосочетаний» и считает, что «среди этих значений на первое место должно быть поставлено то значение, для выражения которого вообще и существуют-то самые формы словосочетаний, да и весь язык вообще — значение выражения мысли, или сказуемость»².

Итак, первоначальная формула («предложение есть слово или сочетание слов, выражающее мысль») обогащается теперь у Пешковского подчеркиванием формально-грамматических признаков предложения.

б) Сказуемость как важнейшая категория предложения и ее морфологическая природа.

Что же такое сказуемость, по Пешковскому?

«...Оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли, называется в синтаксисе с к а з у е м о с т ь ю. Сказуемость — это грамматическая категория, и притом в а ж н е й ш а я из категорий, так как в ней тесно сцепляются р е ч ь с м ы с л ь ю. Как всякая категория, она может выражаться разными звуковыми способами»³. Весь язык вообще с его значениями форм и слов и форм словосочетаний служит, по Пешковскому, для выражения мысли, или сказуемости.

Говорить о типах сказуемости, по Пешковскому, значит искать «способы выражать человеческую мысль». Способы эти многообразны. Резюмируя свое изложение этой темы, Пешковский пишет: «Стало быть, в итоге в категорию сказуемости мы включаем: 1) собственно глаголы, 2) сочетания глагола-связки с целым рядом форм и бесформенных слов... и, в известных случаях, одни эти формы и бесформенные слова без глагола-связки, 3) несколько бесформенных слов, стоящих по значению в связи с глаголами (*есть, нет, да*), 4) именительные падежи существительных в бытийном, указательном и назывном значениях и в сочетании с соответствующими интонациями, 5) инфинитивы в

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1938, изд. 6, стр. 185.

² Там же, стр. 174, 184, 185 и др.

³ Там же, стр. 172.

целом ряде значений... и в сочетании с соответствующими интонациями»¹.

Многочисленные примеры языковых наблюдений, иллюстрирующие разнообразные формы выражения сказуемого (простого и составного), показывают, что Пешковский, хотя и указывал на тесную связь сказуемости с глагольностью, но отнюдь не сводил категорию сказуемости к глагольности (подобно Потемне и Овсяннико-Куликовскому). Указывая, например, на творительный предикативный (*он был воеводой*), Пешковский замечает, что «творительный предикативный принадлежит к числу явлений, прогрессивно развивающихся в славянских языках»² (ср. *И стал осел скотиной превеликой* (Крылов); *Я вам тоже кажусь эгоистом?* (Тургенев) и т. д.).

Здесь разнообразные способы сказуемости настолько ярко иллюстрируются, что не может быть речи о том, что автор «Русского синтаксиса» отождествляет понятия сказуемости и глагольности.

Достаточно внимательно просмотреть лишь содержание главы IX «Сказуемость»³, чтобы убедиться в глубоком и разностороннем понимании Пешковским проблемы сказуемости и способов ее грамматического выражения. Даже глагольные личные нераспространенные предложения с составным сказуемым сопровождаются автором подробным анализом типов предикативных членов. «Для удобства обозрения и запоминания» различных видов второстепенных предикативных членов при составном сказуемом Пешковский приводит все разряды к одному словесному примеру в виде таблички предложения *он был весел* и аналогичных ему предложений: *он был добрее, он был ко-*

№ п/п	Конструкции предложений со сказуемым	Грамматическая форма сказуемого
1	<i>Он был весел, умен</i>	Краткое прилагательное
2	<i>Он был развеселен, уважаем</i>	Краткое причастие
3	<i>Он был веселый, хороший</i>	Полное прилагательное в им. пад.
4	<i>Он был веселым, добрым был</i>	Полное прилагательное в тв. пад.
5	<i>Он был веселее, добрее</i>	Сравнительная форма
6	<i>Он был весельчак, командир</i>	Существительное в им. пад.
7	<i>Он был весельчаком, командиром</i>	Существительное в тв. пад.
8	<i>Он из весельчаков, с характером, был большого ума</i>	Существительное в разных косвенных падежах с предлогом и без предлога
9	<i>Он был навеселе. Это было очень кстати</i>	Наречие

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, стр. 184.

² Там же, стр. 237.

³ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 172—176.

мандиrom и т. п., и показывает, что предикат выражается различными формами и грамматическими категориями¹.

Эта сводка многообразных форм грамматического выражения сказуемого убедительно свидетельствует о том, что Пешковский не сводил понятие сказуемости к глагольности.

Убедительно также представлено Пешковским понятие «форм сказуемости» и в его книге «Наш язык»².

Кроме спрягаемых форм глагола, Пешковский относит к формам сказуемости также несклоняемые (т. е. краткие) прилагательные (*человек болен, товар дорог, погода хорошая*), бытийный независимый падеж существительного:

Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»

И вмиг ворота на запор. (Крылов)

Потешь же, миленький дружочек!

Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!

(Крылов)

Пешковский полагает, что иногда один независимый падеж сказуемостного сочетания может выражать законченную мысль; сравните житейские восклицательные предложения *Молодец! Умница! Негодяй! Свинья! Дурак!* и литературные примеры такого рода: «*Кто сильнее, тот и прав, — продолжал отец наставительно. — Борьба за существование*» (Ф. Сологуб). Это, по Пешковскому, «формы сказуемости, хотя и нуждающиеся на этот раз в помощи интонационных средств»³.

В роли сказуемого может выступать и инфинитив: *Шутить и век шутить! Как вас на это станет?; Ослы! Сто раз вам повторять? Принять его, позвать, просить, сказать, что дома, что очень рад!*

Все это, по Пешковскому, тоже «отдельные акты мысли, т. е. сказуемость»⁴.

Отсутствие форм сказуемости может восполняться контекстом, интонацией, обстановкой речи. В этом случае силу предцирования берут на себя разнообразные конструкции, в том числе и неполные предложения.

*Молчалин на лошадь садился. Ногу в стремя,
а лошадь на дыбы — он об землю — и прямо в темя.*

(Грибоедов)

В специальных главах «Русского синтаксиса» (главы X—XXI), где рассматриваются глагольные, номинативные, инфинитивные, отрицательные, вопросительные, восклицательные и пове-

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 219.

² См. А. М. Пешковский, Наш язык, ч. III, Заключительный курс. Книга для учителя, глава V, 1927, стр. 144—161.

³ Там же, стр. 152.

⁴ Там же, стр. 155.

лительные предложения, а также неполные предложения, Пешковский приводит много разнообразных примеров, иллюстрирующих широкий морфологический диапазон средств для выражения сказуемости. Этот богатый иллюстративный материал фактически стоит в противоречии с весьма шатким его утверждением, изложенным ранее в теоретической главе IX о сказуемости¹, где он не отрешился окончательно от «гипноза глагольности» при выяснении характера сказуемости в русском языке.

В самом деле, в этой IX главе, как бы отвлекаясь от всего огромного, им же самим собранного материала, Пешковский замечает, что хотя «категория сказуемости... и не совпадает с категорией глагольности, однако оказывается теснейшим образом связанной с ней. Можно сказать, что глагольность... лежит в основе сказуемости»². И даже не собственно глаголы и не присвяточные слова, способные, однако, выражать мысль, он в сущности считает носителями идеи глагольности или по происхождению, или функции. Это регулярно употребляемые три слова в русском языке: *есть* (в смысле «существуют»), *нет* (в смысле «не существует») и *на* (в смысле «возьми»). С *на* аналогичны побудительные бесформенные слова типа *Ну! Эй!*; это «исключение из исключений» все же мыслится в тесной связи с категорией глагольности, — пишет Пешковский, — так как входит по значению в категорию *повелительного наклонения*³.

Факт исключительной распространенности и большой структурной выразительной роли глагольных (предикативных и непредикативных) сочетаний в русском языке, как и во многих других языках, не подлежит сомнению. Но считать глагольность необходимым условием выражения сказуемости нет оснований, что доказывается наличием предложений без участия глагола и глагольных слов. Об этом достаточно убедительно говорится в авторитетных научных трудах А. А. Шахматова, В. В. Виноградова и др. Да собственно у самого же Пешковского эта мысль развернуто иллюстрируется на протяжении многих десятков страниц его трудов.

Иллюстрируя пестроту морфологических средств для выражения сказуемости, Пешковский в то же время считал, что для русского языка особенностью является именно большая распространенность глагольности в широком понимании этого термина (включая сюда причастия, деепричастия и инфинитив).

Однако богатое наличие предложений, в которых сказуемое выражено именем (о чем говорит и сам Пешковский), не подтверждает указанного выше тезиса о глагольности как основе сказуемости именно в русском языке, так как глагольные сказуемые свойственны не только русскому языку, но и всей си-

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, глава IX.

² Там же, стр. 173—175.

³ Там же, стр. 174.

стеме индоевропейских языков. Правда, если считать и именованное сказуемое в основе глагольным, принимая во внимание наличие (или отсутствие) глагольной связки, то тогда вообще никакого другого характера сказуемости и быть не может.

Но Пешковский имеет в виду не это универсальное содержание «сказуемости», а то именно, о котором он говорит, — глагольное сказуемое в собственном смысле.

«Сказуемое-глагол по отношению к процессу мысли есть важнейший член предложения и важнейший член нашей речи вообще», — писал Пешковский вслед за Потемней и Овсяннико-Куликовским, который писал: «Глагольность есть ведь вообще основная форма нашего грамматического мышления, и понятно, что эта наша грамматическая стихия просачивается, так сказать, сквозь все, что мы думаем и говорим. Можно сказать, что мы все воспринимаем на фоне глагольности или на все смотрим сквозь призму ее. В этом смысле всякое предложение неизбежно «оглаголено» в современном сознании»¹.

Но Пешковский при этом признает, что у каждой части речи есть свои стилистические достоинства; главное достоинство глагола — это способность управлять, выстраивать вокруг себя шеренгу разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов и предложений, словом, создавать то, что Потемня называл «синтаксической перспективой»². Классическим примером уместности отглагольных существительных Пешковский признает бальмонтовское:

*Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья...* (И т. д.)

Построить это стихотворение на глаголе (даже на инфинитиве) было бы нельзя, так как предметные черты общей картины (*свет ночной, ночные тени* и т. д.) не могли бы быть выражены.

Однако наиболее выразительным средством нашей речи, по Пешковскому, все же является глагол, а не имя. Он говорит, что неумение пользоваться глаголом, стремление строить предложения, злоупотребляя именем существительным (часто отглагольным), приводит к «классическим» курьезам. В статье «Роль грамматики при обучении стилю» Пешковский приводит пример крайней неуклюжести, громоздкости и тяжеловесности предложения: *«Оставление меня без отпуска вызовет продолжение моего заболевания и прекращение моей трудоспособности вслед-*

¹ Ср. подобные же высказывания А. М. Пешковского в «Русском синтаксисе», изд. 6, стр. 172—175, 249 и др.

² А. М. Пешковский, Глагольность как выразительное средство. Сборник статей, 1925, стр. 151.

ствие переутомления с невольным оставлением службы и лишением средств к существованию»¹.

Все дело здесь в злоупотреблении однообразной формой отглагольных существительных: ведь достаточно некоторые из них заменить глаголами, как речь выиграет в стилистическом отношении.

Таким образом, для Пешковского главные семантические (логические, смысловые) центры предложения (субъект и предикат) находят свое грамматическое выражение (подлежащего и сказуемого) в самых разнообразных грамматических категориях, но глагольность — наиболее распространенная и наиболее выразительная категория.

Заслуживает внимания возражение А. А. Шахматова А. М. Пешковскому по поводу грамматических способов выражения сказуемости. Соглашаясь с Пешковским в том, что выразителем мысли в языке является сказуемое, Шахматов замечает, что это наблюдается только в двусоставных предложениях. Вообще же выразителем мысли может быть не только глагол-сказуемое, но и прилагательное-сказуемое, имя-сказуемое и т. д. «Следовательно, ни о какой особой морфологической категории сказуемого не может быть и речи»².

Многие критики Пешковского, справедливо усматривая в его концепции излишнее преувеличение роли сказуемости в предложении, объясняют это гипнозом идеи Потебни в системе Пешковского. Почему сказуемости придано такое большое значение? А разве подлежащее не в такой же мере весомо и значимо? Разве только сказуемое способно выражать мысль? Все эти вопросы вполне законны и справедливы, хотя в них излишне много полемической заостренности, так как подлежащее и сказуемое хотя и соотносительны и значимы для выражения мысли, но, конечно, значимы не в одинаковой мере.

Строго говоря, универсальная идея оглаголивания в ее историческом формировании является идеалистической. Никакого приоритета глагольности в истории русского языка не было и нет; мысль наша может выражаться самыми различными конструкциями предложений, а предикативные словосочетания включают в себя не только глагол, но и существительное, и прилагательное, и наречие и т. д.

В идее Потебни о росте глагольности (об «оглаголивании» человеческой речи на протяжении всей ее истории) нашли свое отражение философские концепции идеалистов-энергетиков 80—90-х годов прошлого века, когда, действительно, развивались идеи о том, что материя исчезла, осталась лишь энергия, что толь-

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 128.

² Цитирую по статье проф. Е. С. Истриной «Вопросы учения о предложении по материалам архива А. А. Шахматова». См. книгу «Академик А. А. Шахматов». Сборник статей и материалов, изд. АН СССР, 1947, стр. 317—337.

ко энергия преобразует материю и творит ее; поэтому главное не в материи, а в энергии; отсюда утверждение приоритета глагольности: энергия, сила, движение в языке выражаются в глаголе. У Овсяннико-Куликовского говорится о приоритете энергии в мире действительности и соответственно о приоритете глагола как языковом выражении энергии. Но в грамматических трудах Пешковского эта идеалистическая философия не нашла прямого отражения.

Пешковский сожалеет, что «организующая роль глагольности... перестает учитываться в языке нехудожественной литературы», и призывает с этим бороться, считая, что «для данного момента и для данной разновидности нашего литературного языка мы должны провозгласить лозунг: «Назад к глаголу!»¹ Но это уже излишне преувеличенный дифирамб глаголу, свидетельствующий лишь о полемической заостренности статьи Пешковского и непоследовательности ее автора.

Спор вокруг проблемы глагольности нельзя решать в духе категоричности: да или нет. Типы словосочетаний, как и типы предложений, весьма разнообразны и выступают с разной силой в различных стилях нашей речи. Исследовательский материал, например, по прозе М. Ю. Лермонтова свидетельствует о том, что «глагольные и именные предикативные словосочетания в прозе Лермонтова играют исключительно большую выразительную роль... Являясь структурной основой большей части предложений,— пишет проф. В. П. Сухотин,— предикативные сочетания всех разрядов отличаются большой распространенностью и разнообразием функций»². В диссертации В. П. Сухотина приводятся материалы, характеризующие многообразие значений глагольных и именных предикативных сочетаний в прозе Лермонтова, вскрывается зависимость их употребления от содержания и характера текста. Из непредикативных словосочетаний в прозе Лермонтова, по данным В. П. Сухотина, «глагольные словосочетания — это самая большая категория словосочетаний». Не исключено, что у других писателей иное соотношение предикативных и непредикативных словосочетаний, а также иная роль глагольности в словосочетаниях, но это еще надо доказать исследованиями³.

Пешковский, как известно, совсем не отрицал наличия непредикативных и неглагольных словосочетаний в предложении. По-

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 152.

² В. П. Сухотин, Синтаксис прозы М. Ю. Лермонтова (словосочетание), докторская диссертация, защищенная в декабре 1950 г. в Институте языкознания АН СССР (см. также автореферат диссертации, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 11).

³ Акад. Л. В. Щерба заботливо предупреждал исследователей о том, что надо установить прежде всего, что имеется в языковой действительности в этой области, а затем давать наблюдаемым явлениям те или другие наименования (см. его статью «Очередные проблемы языкознания» в Известиях АН СССР, отделение лит. и яз., 1945, т. IV, вып. 5).

этому едва ли убедителен приговор критиков Пешковского о том, что его идея предикативности и глагольности порочна, метафизична и пр. Речь идет о языковых фактах, а тут крайности в оценках не оправданы.

Понятие сказуемости (предикативности), выдвинутое Пешковским в качестве основы предложения, зиждется не на каких-то метафизических представлениях, окутанных туманной мистической оболочкой, как это имело место у Овсянико-Куликовского, а на вполне реальных языковых фактах, отражающих факты нашей мысли. Сказуемость, по Пешковскому, — важнейшая грамматическая категория, в которой тесно сцепляется речь с мыслью и которая выражается разными способами (морфологическими, синтаксическими, интонационными). Для Пешковского типы сказуемости — это «способы выражать человеческую мысль». Самое определение термина абсолютно правильно. Другое дело, что Пешковский отводил сказуемости непомерно большую роль, но он вовсе не отрицал, что и подлежащее может выражать мысль, однако приоритет сказуемостных форм и способов выражать мысль считал несомненным. По его мнению, соотносительность и значимость подлежащего и сказуемого в функции выражения мысли не одинаковы ни в количественном, ни в качественном отношении.

К сожалению, Пешковский не обратил внимания на особый характер односоставных предложений, где морфологическая природа сказуемого еще более разнообразна, чем в двусоставных предложениях, и где приоритет сказуемостно-глагольных форм высказывания ставится под сомнение (ср. классификацию типов односоставных предложений у Шахматова).

Несомненно, однако, что у Пешковского внутренней предпосылкой теории сказуемости была система Потевни, которую Пешковский пытался (не всегда удачно) приспособить к собственным наблюдениям.

У Пешковского учение о предикативности глагола становится исходным в понимании грамматической и семантической сущности предложения. Предложение как бы произвольно вырастает из формы отдельного слова (и прежде всего из глагола), из формы словосочетания, из «формы сказуемости». Пешковский иногда идет не от определения целого к его членам, а, наоборот, от частей к целому, стремясь узнать предложение по одной из его примет; такой главной приметой (компонентом), по Пешковскому, является сказуемость (глагольность).

Но позднее и сам Пешковский понял порочность подобного рассмотрения предложения в его отношении к составным компонентам предложения, заявив, что «язык не составляется из элементов, а дробится на элементы, и первичными для сознания фактами являются не самые простые, а самые сложные, не зву-

ки, а фразы»¹. Пешковский полагал, что все эти частности следует выводить «из структуры речевого целого»².

И действительно, предложение является основной единицей нашего мышления, грамматически и интонационно оформленной, отражающей мир действительности с точки зрения говорящего. И лишь в составе этой основной единицы мышления находят себе место, оформляются и кристаллизируются отдельные составные ее части: звуки, слова, словосочетания.

Советское языкознание рассматривает вопрос о предложении как один из основных, важнейших вопросов марксистского исследования грамматического строя языка; будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи в познании человеком мира действительности и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе. Сама грамматика определяется в современной лингвистике как систематический свод правил, общих законов, которые лежат в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях; грамматика, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер.

Отсюда становится ясным огромное значение исканий Пешковского, связанных с природой предложения, с особенностями его грамматического построения.

Несмотря на наличие теоретических ошибок в истолковании природы предложения, достоинством синтаксических исканий Пешковского является постоянное подчеркивание грамматических признаков предложения. В этом подчеркивании формально-грамматических признаков предложения нельзя не видеть плодотворных начал того синтезирующего направления в советском языкознании, которое утвердило единство семантических (смысловых) и грамматических признаков предложения, ибо свое реальное выявление слово получает не в словаре, а в живой речи, в предложении.

Попытки некоторых критиков истолковать понимание Пешковским предложения как внешнеграмматической структуры, оторванной от содержания и смысла, являются чистой фикцией, выдумкой.

Рассмотрев учение Пешковского о сказуемости и грамматических способах ее выражения, мы приходим к выводу, что понятие сказуемости как основы предложения, развитое Пешковским в двух его концепциях, потерпев некоторые изменения и уточнения, не получило в новой его концепции строгой законченности и выдержанности;

---

¹ А. М. Пешковский, «Еще к вопросу о предмете синтаксиса», «Русский язык в советской школе», 1929, № 2, стр. 52.

² А. М. Пешковский, «Наш язык. Книга для учителя», ч. I, 1926, стр. 13.

он не преодолел до конца глубоких теоретических заблуждений в решении вопроса о сказуемости, хотя и внимательно всматривался и вдумывался в многочисленные факты языка.

Для нас ценной является не столько сама теория сказуемости (она во многом ошибочна), сколько материал работ Пешковского, способ его аргументации и систематизации. Однако влияние Пешковского в этом вопросе сказалось на современных грамматических исследованиях и учебных руководствах по русскому языку для средних школ и высших учебных заведений.

в) *Интонация как фактор образования предложения.*

Разработка теории интонации, ритмо-мелодического строя предложения и связанного с этим учения об обособленных второстепенных членах предложения, ставшего неизменным достоянием учебников средней и высшей школы, — это личная заслуга Пешковского в области синтаксиса.

Интонация входит у Пешковского в понятие сказуемости, но в очень скромной (хотя и постоянной) роли; она «может наслаиваться на любую конструкцию», «предикативная интонация (т. е. фразное ударение) может быть на любом слове словосочетания». Но Пешковский предупреждает, что было бы ошибочно считать ударение (интонацию) единственным выражением предикативности, так же как было бы ошибочно считать глагольность единственным выражением сказуемости.

Следовательно, считать слово *умнее* в словосочетании *он умнее* сказуемым только потому, что на него падает предикативное ударение, было бы так же ошибочно, как и считать его сказуемым на этом основании в такой связи: *Я сложнее выдумал задачу, а он умнее*¹.

Таким образом, интонация, как и порядок слов и другие формы грамматического выражения мысли, является у Пешковского лишь одним из многих компонентов предложения и его членов (в частности, сказуемого). И тем не менее Пешковский утверждает, что интонационный способ выражения сказуемости «присутствует всегда в речи»².

Поэтому несколько странным представляется высказывание Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова, что Пешковский якобы «считает интонацию единственным признаком предложения»³.

Остановимся кратко на характеристике некоторых глав «Русского синтаксиса» в связи с затронутой темой, в частности, возьмем небольшую, но выразительную главу XIX. В ней Пешковский показывает, что, например, вопросительность предложения может выражаться четырьмя способами: 1) вопросительными частицами (*ли, разве, неужели, ужели*), 2) вопросительными членами (*что, кто, как, где, куда, когда, почему, сколько* и т. д.), 3) порядком слов

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 250.

² Там же, стр. 176.

³ См. книгу Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова «Введение в языкознание», 1945, стр. 137—138.

(хотел ли ты этого? этого ли ты хотел? ты ли хотел этого?) и 4) «особой вопросительной интонацией, характеризующейся особо высоким произношением того слова, к которому преимущественно относится вопрос, например:

- ты вчера **был** с ним в театре?
 или: ты **вчера** был с ним в театре?
 или: ты вчера был с **ним** в театре?
 или: ты вчера был с ним в **театре**?
 или: **ты** вчера был с ним в театре? (или она?) ¹.

В этой схеме отчетливо выявляется, что интонационная связь скрепляет единое высказывание (мысль) и является одним из способов выражения синтаксических отношений между словами в составе словосочетания². Интонация же, по Пешковскому, является и средством членения предложения на синтагмы:

Особенно убедительно раскрывается роль интонации в главе «Обособленные второстепенные члены» (XXII), где Пешковский показывает, как интонация, наслаиваясь на синтаксические отношения, подчеркивает смысловое назначение отдельных слов как членов предложения:

Пешковский описал интонационно-ритмическую структуру слитных и сложных предложений и включил интонационный признак в определение сложного предложения: «Сложное целое есть сочетание предложений, соединенных союзами или союзными синтаксическими паузами и не разъединенных разделительными синтакси-

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 356—357.

² Ср. подобную же трактовку вопроса о видах предложений по цели высказывания (повествовательных, вопросительных, побудительных, восклицательных) в «Грамматике русского языка», т. II, 1954, § 406—430.

ческими паузами»¹. Конечно, это определение (в силу своей односторонности) не может быть нами принято для понимания природы сложного предложения; в определении предложения, в том числе и сложного, следует исходить из единства мысли и грамматической структуры, а не ограничиваться указаниями лишь двух признаков (союз и интонация), как это делает Пешковский.

Интонационные средства, по Пешковскому, позволяют определить вид подчинения или сочинения (интонация объяснительная, предупредительная, причинная, интонация перечисления)². Интонация помогает различить обращение и обособленный второстепенный член. Ср. различное произношение фразы: *Приветствую тебя, пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья* (Пушкин), или: *Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид* (Пушкин)³.

В предложениях с нулевой связкой интонация является средством выражения предикативности существительного: *Стишки для вас одна забава* (Пушкин), прилагательного полного и краткого: *Какая ты нынче странная!* (Л. Толстой), *Мазепа мрачен* (Пушкин), творительного падежа существительного: *Дружба дружбой, а служба службой* (Пословица), в безличных инфинитивных предложениях типа: *поздно ехать! Нельзя нам мига отдохнуть...* (Брюсов), *Чай пить — не дрова рубить* (Пословица) и т. д.⁴. В предложениях вопросительных, восклицательных, повествовательных, повелительных (побудительных) интонация часто является единственным средством распознавания смысла (при отсутствии в них других различительных признаков) (гл. XIX). В живом контексте речи интонация может превратить любое слово, любое словосочетание в предложение, ибо «фразное ударение — «...естественный способ выражения человеческой мысли»⁵. Но интонация, являясь необходимым элементом (фактором) образования предложения («формы словосочетания»), — не единственный образующий фактор предложения, а один из многих.

Пешковский не ставит знак равенства между интонацией и другими формальными способами выражения грамматических отношений между словами и предложениями, т. е. не ставит их на одну доску, указывая, что интонационные средства остаются «при всей их важности все же в огромном большинстве случаев только вспомогательными и синтаксическими средствами»⁶, что «за исключением нескольких случаев, когда определенная интонация соединяется с определенной грамматической конструкцией для

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1938, изд. 6, стр. 410; ср. изд. 1, 1914, стр. 391.

² См. там же, изд. 6, стр. 419—420.

³ См. там же, стр. 370.

⁴ См. там же, стр. 249—266, 325—336 и др.

⁵ Там же, стр. 176.

⁶ Там же, стр. 74.

создания нового грамматического значения, всякая интонация вообще может наслаиваться на любую конструкцию»¹. Поэтому Пешковский высказывался против «переоценки» роли и значения интонации в концепции Шахматова, согласно которой «синтаксические признаки интонации и порядка слов... прямо приравниваются к морфологическим признакам».

Собственно, и акад. Л. В. Щерба в статье о частях речи развивал ту же концепцию приравнения интонации к морфологическим средствам. Этой проблеме взаимоотношений интонации и грамматики Пешковский посвятил специальную статью «Интонация и грамматика»², где он отстаивает мысль, что «простое безоговорочное включение признаков фразной интонации в общий запас синтаксических признаков... так же неосторожно, как и полное изгнание ее из синтаксиса. Необходим средний путь»³. По его мнению, способ интонационный и собственно грамматический (формальный) не связаны между собой определенными отношениями. Интонация вовсе не заменяет форму слова или словосочетания; есть слова, которые самой формой своей или самым значением всего слова (в случае бесформенности) выражают отдельный акт мысли, или категорию сказуемости⁴. И на вопрос, в каком же отношении друг к другу находятся эти два способа выражения одной и той же категории, Пешковский отвечает: «Н и в к а к о м. Интонационный способ есть не что иное, как особый вид ударения, которое мы делаем на одном из слов фразы».

«Интонационные средства отличаются подвижным, свободным характером. Они наслаиваются сложными прихотливыми узорами на звуковые средства, не срастаясь с ними в определенные типы связи...; они, так сказать, блуждают по грамматической поверхности языка» и «могут наслаиваться... на любой формальный субстрат»⁵.

В новой своей концепции Пешковский признается, что «отношения между фразной интонацией и синтаксисом гораздо сложнее, чем они ему представлялись тогда (в 1914 г.), когда он «впервые в русской литературе систематически вводил описание интонационных явлений в синтаксический труд»⁶.

Из пяти «основных положений», устанавливающих сложную диалектику взаимоотношений фразной интонации и всех прочих синтаксических признаков, вместе взятых, наиболее характерным, по мнению Пешковского, является «п р и н ц и п з а м е н ы», кото-

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 250.

² А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 95—108.

³ Там же, стр. 98.

⁴ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 176.

⁵ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930 (статья «Интонация и грамматика»), стр. 107.

⁶ Там же, стр. 98. А. М. Пешковский, критически относясь к своей прежней позиции, находит «отчасти справедливой» критику ее в книге Всеволодского-Генгросса «Теория интонации», П., 1922, стр. 65.

рый им формулируется так: чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и, наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (тоже вплоть до полного исчезновения). Так, например, в словосочетании *прядет, и, зимних друг ночей, горит лучина перед ней* сплетаются грамматика (два одинаковых падежа приложения и подлежащего) и интонация (интонационное соответствие обоих существительных: *друг, лучина*). Часто же ни грамматика, ни интонация не могут выяснить смысла, раскрываемого только обстановкой: *Я провожал любимца брата* (кого провожал? — могут быть два смысла). Но расхождения между фразной интонацией и синтаксическими признаками «никогда не могут вырастать до полного разрыва, так как всегда оказывается целая сеть чрезвычайно сложных и запутанных взаимоотношений между теми и другими»¹.

Так, иногда обращение произносится часто без всякой специфической интонации во фразах, например, в домашнем кухонном быту: *Кипит, Анюта!* или *Готово, Маша*². Только реальная обстановка и лексика (значение слова *кипит*) создают звательное значение (обращение). При другой ситуации *Анюта* (как подлежащее) могла бы *кипеть* ревностью, злобой и т. д. В этих фразах, по Пешковскому, ставится запятая «только в угоду правописанию, в голосе ударения почти никогда не бывает, и такие возгласы часто вызывают шутивную отповедь: *Анюта-то еще не кипит, Маша не готова*³.

Разногласия между грамматикой и ритмо-мелодикой могут выступать и в сочетании предложений. 1) Сочетание предложений может произноситься как одна простая фраза: *Я знаю, что делаю* (ср. *Я знаю свое дело*). 2) Одно грамматическое предложение может произноситься как две или несколько объединенных фраз, т. е. как сложная фраза: *Вот тебе деньги. С этими деньгами/ ты пойдешь в булочную и купишь там...* 3) Несколько предложений могут быть соединены интонацией, но не соединены союзами: *Назвался груздем — полезай в кузов, Не нравится — не езд* и т. д. Но эти разногласия («разрыв»), по мнению Пешковского, только кажущиеся: на самом деле отношения грамматики и интонации идут все же по линии взаимодействия и взаимозависимости. Так, в первом случае *Я знаю, что делаю* при соединении трех и более предложений интонация различается *Я знаю, что делаю, когда его наказываю*: заметное фразное ударение на слове *наказываю*; во втором случае *С этими деньгами! Ты пойдешь в булочную...* членение всегда строго

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 98.

² Примеры А. М. Пешковского, см. там же, стр. 101.

³ Там же.

грамматическое (интонационное совпадает с ним, на него «наслаивается»); членятся лишь определенные комбинации форм согласования и управления; нельзя расчленить, например, так: *С этими деньгами ты пойдешь в булочную*; в третьем случае резко дает себя знать закон замены: предложение *Назвался груздем — полезай в кузов*, несомненно, должно при прочих равных условиях произноситься более выразительно, чем *Если назвался груздем, полезай в кузов* (отсутствие грамматического средства — союза — восполняется силой интонации) ¹.

Таким образом, Пешковский не «обедняет репертуара формальных средств языка» и не «исключает» из их числа интонации (как утверждает проф. С. И. Бернштейн) ², а более глубоко понимает взаимоотношение категорий грамматики и интонации, указывает на особую «природу интонации». Поэтому Пешковский и настаивает на том, чтобы грамматические функции интонации изучались в грамматике как «особая область явлений, со своими законами, со своей природой». «Интонационная грамматика», — пишет Пешковский, — это почти особая наука, во всяком случае особый отдел грамматики» ³.

Не удивительно, что это новое, более глубокое научное понимание «теории интонации» легло в основу и его новой методической концепции о взаимоотношении грамматики и интонации при обучении знакам препинания.

Если в ранней своей концепции он считал, что знаки препинания отражают не грамматическое, а «декламационно-психологическое расчленение речи» ⁴, то позднее, в 1930 г., во время дискуссии об основах русской пунктуации, Пешковский (под псевдонимом О. Парамонова) в своей статье «Новые принципы пунктуации» ⁵ приветствовал новизну предлагаемых тогда правил, которые «в большей своей части формулируются не грамматически, а непосредственно на основе смысловой стороны речи». Пешковский в 1930 г. по-новому решает основной вопрос: для чего собственно существует пунктуация? По мнению Пешковского, знаки препинания обозначают и должны обозначать не то, что выражено в собственно формальной стороне речи, а что-то другое. Это другое и есть те синтаксические значения, которые в устной речи выражаются интонацией и которые в ней непрерывно скрещиваются во всевозможных комбинациях со значениями, выраженными собственно формальными средствами ⁶.

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 104, 98 и др.

² См. С. И. Бернштейн, Вводная статья к шестому изданию «Русского синтаксиса» Пешковского, 1938, стр. 39.

³ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 108.

⁴ См. А. М. Пешковский, Школьная и научная грамматика, 1914, стр. 41—61.

⁵ «Русский язык в школе», 1930, № 4, стр. 130—147.

⁶ См. там же, стр. 131.

Как видим, в понятие «синтаксические значения» Пешковский включает и интонационные значения и средства, имея в виду, что последние сопутствуют, наслаиваются на грамматическую структуру предложения, «блуждают» по ней. Борясь против чисто внешнего понимания грамматики (без интонации), автор подчеркивает важную роль фактора интонации, как средства выражения смысла, и требует освободить пунктуацию от подчинения только грамматике¹.

По его мнению, каждое правило проекта, формулируемое «не грамматически, а непосредственно на основе смысловой стороны речи», должно было бы иметь при себе, хотя бы в форме примечания, указание на те интонационные признаки, которыми выражается данный оттенок в устной речи. Проект мотивирует свое «воздержание» от интонации тем, что «знаки препинания не всегда имеют отношение к интонации». Но это не основание для того, чтобы всегда исключать интонацию из поля зрения. Автор приводит многочисленные случаи срастания интонационных средств с грамматическими «по принципу заместительства одних другими» и находит, что «соответствующие правила могут быть с удобством формулируемы грамматически».

Пешковский отчетливо понимал, что интонация не есть нечто самодовлеющее. В конечном счете она зависит от смысла высказывания. Этот поворот Пешковского в сторону признания смысловой стороны речи как главной основы пунктуации в литературе наших дней почему-то замалчивается, и точка зрения Пешковского о взаимоотношении интонации и пунктуации характеризуется лишь на основании ранней его книги «Школьная и научная грамматика».

г) Учение Пешковского об обособленных членах.

В тесной связи с теорией интонации находится у Пешковского и вопрос об обособленных членах предложения. Надо сказать, что понятие «обособление», как и теория интонации, введено в научный обиход также Пешковским. Самое изложение теории обособления носит у него настолько подчеркнутый методический характер, что мы позволим себе (не вдаваясь в методические подробности вопроса) ограничиться здесь лишь изложением общих условий интонационного обособления, которые при опоре на грамматику легли в основу теории обособления Пешковского.

Обособление второстепенных членов, как грамматическое явление, Пешковский установил, опираясь на изучение интонации и ритма, как «важнейших показателей некоторых синтаксических оттенков»². «Вопрос об обособленных членах, — пишет Пешковский, — имеет не только теоретическое, но и учебно-практическое значение, так как обособленные члены принято выделять запятыми»³.

¹ «Русский язык в школе», 1930, № 4, стр. 132.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, предисловие.

³ Там же, стр. 284.

Критикуя школьную теорию «сокращенных придаточных предложений» за ее «научную отсталость» и неудобства в практическом отношении (так как она поясняет одно неизвестное другим неизвестным), Пешковский уже в ранней своей концепции считал, что точных правил пунктуации нельзя дать на почве его теории «обособления», так как единственным критерием он выставил интонацию и ритм, а «эти последние являются крайне изменчивым и подвижным результатом одновременного влияния целой группы физиологических, психологических, логических и грамматических факторов, не могущих во всей их сложности быть изученными в средней школе». Смысловая обусловленность интонационного обособления (и пунктуации) иллюстрируется Пешковским на убедительных примерах из «Капитанской дочки» Пушкина:

1) *Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское.*

2) *...ко мне вошел молодой офицер... с лицом смуглым и отменно некрасивым.*

Перед нами определения, стоящие по сле своего определяемого и подчиняющие себе другие второстепенные члены. Следовательно, обособление непременно должно бы было произойти (по грамматическому признаку — порядку слов). Но для этого надо было бы сделать ударение на предшествующих словах: в первом примере на слове *выражение*, во втором — на слове *лицом*. «Так как ударения эти по смыслу здесь невозможны (вышло бы, что лицо Пугачева «имело выражение», что Швабрин «вошел с лицом»), то невозможно и обособление»¹, — пишет Пешковский. Поэтому неосновательно обвинять Пешковского в том, что он игнорирует смысловую роль обособления (в чем упрекали его многие критики). Пешковский заслуживает упрека в другом: у него слишком подчеркнута выделяется роль интонации и ритма при обособлении в самом определении его: «Обособленным второстепенным членом называется второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и — параллельно — в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению»². Подчеркнутые нами слова вошли в новый вариант определения Пешковского, они свидетельствуют о его стремлении связать обособление «с изменением не одних только интонаций и ритма, а и всей синтаксической структуры предложения», о чем он говорил уже в первом издании своей книги на странице 277.

Однако сложность и новизна вопроса об обособлении не позволили Пешковскому достигнуть необходимой степени четкости и стройности. К сожалению, созданная А. М. Пешковским теория,

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 282; ср. изд. 6, стр. 392.

² Там же, стр. 257; ср. изд. 6, стр. 376.

освещающая главным образом внешнюю сторону явления, не получила в дальнейшем развития в нашей лингвистической литературе, а многие вопросы, возникшие в связи с нею, не подверглись углубленному изучению и разработке¹.

В «Русском синтаксисе» Пешковский детально рассматривает грамматические основания обособления (наличие зависимых слов при обособлении члена, т. е. объем обособляемой группы, порядок слов, соседство других обособленных групп и т. п.), но эти основания не противопоставляются логическим, а лишь акцентируются сравнительно с последними. Поэтому интонация и здесь, как и вообще в речи, «наслаиваясь на грамматическую структуру», является одним из способов выражения мысли: грамматика и интонация, часто независимо друг от друга, имеют своей опорой непосредственный смысл высказывания и им обуславливаются. Глава «Русского синтаксиса» об обособлении изобилует многочисленными яркими примерами обособления второстепенных членов².

Остановимся лишь на принципиальных основах обособления второстепенных членов предложения в связи с общей теорией интонации у Пешковского.

Пешковский различает общие условия обособления и частные.

К общим он относит следующие случаи:

1) одиночное обособление члена (без зависимых слов), например: *Забитый, он угас один* (Лермонтов); *Однажды, осенью, я простудился и занемог* (Тургенев) и т. д.;

2) обособленная группа в начале предложения (*Придя домой, я встретил...*);

3) обособленная группа в конце предложения (*Я увидел человека, бывшего у меня ранее*);

4) обособленная группа отделена от начала предложения только частичным словом (*Все так, но, с вашей добротой, вы должны понять...*).

В этих четырех случаях обособление через интонацию и ритм отражает грамматическое членение предложения;

¹ См. об этом в статье Н. Н. Прокоповича «Методика изучения обособленных определений», Известия АПН РСФСР, 1947, № 10, стр. 104.

² Надо заметить, что в школьной практике обособленные члены предложения изучаются в связи с вопросом развития речи на уроках грамматики и часто это сводится лишь к практической стилистике (замена обособленных членов предложения придаточными предложениями, и наоборот: замена придаточных предложений обособленными оборотами), причем сама теория обособления недостаточно выясняется, слабо сосредоточивается внимание учащихся на разнообразии стилистических (смысловых) оттенков нашей речи в связи с основными грамматическими структурами обособления, на понимании грамматической и смысловой природы обособления в их взаимодействии. Снижение теоретического освещения вопросов обособления второстепенных членов предложения часто обесценивает и работу учащихся по практической стилистике. Обращение учителей по этому вопросу к Пешковскому помогло бы устранить эти недостатки школьной практики.

предложения:

 Эта лампа | вечно коптит;

но и в этом случае «двучленность беззначна»: она свидетельствует о раздельном нашем внимании к той и к другой части предложения, хотя тут и «нет того параллелизма интонации и характера синтаксических связей, которые составляют сущность обособления»¹. О грамматической обусловленности этого членения мы уже говорили выше в разделе о теории интонации.

Пешковский особенно внимательно прослеживает те общие условия, от которых зависит процесс обособления, выделяя из них следующие:

1) взаимное отношение двух членов, как определяющего к определяемому и частного к общему (*Однажды, осенью, я простудился; Однажды, в день воскресный, в час обеда, Иоанн входил в соборную церковь Успения* (Ал. Толстой) и т. п.;

2) порядок слов: «обратный порядок слов, выделяющий переставленное слово, является условием, благоприятствующим обособлению, так как обособление тоже связано с перемещением второстепенного члена в центр синтаксического сознания»², например перестановка в сочетаниях типа: *я беру книгу — я книгуберу; он говорит о пожаре — он о пожаре говорит; служанок была осердясь — осердясь, была служанок* (Пушкин) или: *он ушел простившись — простившись, он ушел* и т. п.;

3) объем обособляемой группы (*она послала человека... и сидела ожидая* (Л. Толстой) — *она послала человека... и сидела, ожидая ответа*);

4) соседство других обособленных групп (*На полу, в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна* (Пушкин);

5) намеренное отделение группы от ближайшего члена:

*Могучий конь, в степи чужой,
 Плохого сбросив седока,
 На родину издалека
 Найдет прямой и верный путь...*

(Лермонтов)

В этом сочетании группа *в степи чужой* намеренно оторвана (если судить по пунктуации) от ближайшего деепричастия (*в степи чужой, плохого сбросив седока*) и отнесена при помощи обособления к остальной части предложения, в частности, к сказуемому *найдет*.

Сюда же относится и авторское обособление целого ряда синтаксических групп, когда автор, согласно своим намере-

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 378.

² Там же, стр. 380.

ниям, выделяет тот или иной второстепенный член предложения, желая ему придать соответствующий смысл, и для этого употребляет необходимую интонацию (а на письме пунктуацию). Например: *Каждый день, рано утром, дед будил мальчика* (М. Горький). Слова *рано утром* могли бы быть и обособленными.

Мы потому подробнее, чем можно было бы, остановились на этом вопросе, что перечисленные случаи обособления (как общие условия его) обычно в школьной практике игнорируются, что обусловлено в свою очередь схематичностью подачи этого раздела синтаксиса в учебнике, где сразу даются (минуя общие условия обособления) отдельные разделы обособленных членов: обособленные определения и приложения, обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями, наречиями и существительными, и обособленные дополнения с предлогами *кроме, помимо* и др.

Опыт показывает, что тема об обособленных второстепенных членах — наиболее трудная тема программы по грамматике в курсе седьмого класса средней школы. Поэтому вполне закономерен интерес к ней со стороны учителя и студентов-филологов.

д) *О структуре простого предложения и его типах.*

Нет нужды доказывать огромное значение для разработки научного синтаксиса тех коренных преобразований, которые внес Пешковский в учение о структуре простого предложения и его типах. С особой обстоятельностью виды и типы предложений разработаны им в 3-м издании «Русского синтаксиса» (главы X—XXVIII). Характеризуя типы простых предложений, Пешковский прослеживает глагольные личные нераспространенные предложения с простым сказуемым (глава X), где разнообразные грамматические формы слов в предложении рассматриваются в тесной связи с их логическими функциями (например, отглагольные междометия выступают в роли сказуемых: *хватать друга камнем в лоб; вдруг бедняжку цап-царап* и т. д.).

Весьма содержательна и убедительна глава XI о глагольных личных нераспространенных предложениях с составными сказуемыми. В том же плане раскрытия многообразия грамматических форм сказуемого прослеживаются Пешковским и «Предложения с предикативным членом и нулевой связкой» (глава XII).

Та же идея «заместительства» по функции и идея предикативности объясняет предложения с двумя инфинитивами (*Жизнь прожить — не поле перейти* и т. п.).

Особенной тщательностью анализа грамматической зависимости второстепенных членов предложения отличается глава XIII «Русского синтаксиса», где рассматриваются глагольные личные распространенные предложения¹.

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 267—314.

Отказ Пешковского от логической терминологии второстепенных членов (дополнения, определения, обстоятельства)¹ и замена ее анализом подчинительной связи между словами (управление, согласование, примыкание) не были приняты практикой советской школы; однако глава эта ценна тонким анализом падежных значений в беспредложных сочетаниях (например, винительный внешнего объекта, винительный результата, содержания, времени, места и т. д.), обилием примеров смыслового значения различных предлогов в предложных сочетаниях². Разработка Пешковским глагольных безличных предложений, неопределенно-личных и обобщенно-личных, номинативных и словосочетаний, не образующих ни предложений, ни их частей,— все это факты, мимо которых не пройдет ни один из современных исследователей синтаксиса, и вместе с тем это огромный вклад в нашу учебную литературу. В этом смысле работы Пешковского по синтаксису отражают известный закономерный этап в общем поступательном росте и движении нашего отечественного языкознания³.

4. Учение Пешковского о сложном предложении. Весьма плодотворной является разработка Пешковским понятия «сложного целого».

Проблема сложного предложения остро интересовала русских лингвистов, особенно со второй половины XIX в. Своеобразие концепции Пешковского можно понять лишь при рассмотрении взглядов его предшественников и современников.

а) Поэтому позволим себе (как и при других подобных случаях) дать краткую историю вопроса.

В начале XX в. с достаточной четкостью наметилось три направления в разработке проблемы сложного предложения. Первое шло от Ф. И. Буслаева и стремилось очистить от противоречий и ошибок ставшее традиционным его учение. Круп-

---

¹ Впрочем, эти термины, как уже отмечалось выше, обозначают не только логическую сторону, но и грамматическую, ибо второстепенный член предложения — это прежде всего грамматическая категория, выявляющаяся по совокупности признаков: 1) лексических (стержневого слова словосочетания и подчиненного), 2) морфологических и 3) синтаксических. Грамматический смысл «второстепенности» членов предложения выражается в их зависимости от одного из главных членов предложения (подлежащего или сказуемого).

² См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 285—314.

³ Разумеется, классификация Пешковским типов предложений была менее основательной и аргументированной, чем классификация Шахматова. Она мало удовлетворяет и требованиям современной науки: многое теперь кажется схематичным и не совсем верным по сравнению с новейшими исследованиями (ср. докторскую диссертацию Е. М. Галкиной-Федорук «Безличные предложения в современном русском языке», 1948, докторскую диссертацию А. Б. Шапиро «Строение предложения в русских говорах», 1946 (вышедшую в свет отдельной книгой в 1958 г.), и особенно обширный материал в классификации типов простого предложения, представленный в академической «Грамматике русского языка», т. II, ч. 1).

нейший представитель его — В. А. Богородицкий. Второе шло от А. А. Потебни и развивало набросанную им схему развития сложного предложения, обращаясь при освещении фактов современного языка и к концепции Буслаева. Крупнейший представитель его — Д. Н. Овсянко-Куликовский. Третье направление составили работы учеников и последователей Ф. Ф. Фортунатова. Они различны по своим выводам и методологии, но объединяются общим резко отрицательным отношением к традиционному учению. К этому направлению примыкал М. Н. Петерсон и несколько своеобразно А. М. Пешковский. Третье направление развилось как раз в начале XX в., глубоких корней в предыдущем развитии русской науки оно не имело и шло от основных положений лингвистического учения Фортунатова. Оно было резко противопоставлено двум предыдущим и оформилось в борьбе с ними. Возникнув позднее двух первых направлений, оно на некоторое время почти возобладало над ними, но позднее было решительно отвергнуто ходом развития науки.

Плодотворную попытку разработать теорию сложного предложения делает Б. А. Богородицкий, который развивает некоторые положительные стороны концепции Буслаева и преодолевает ее явные недостатки. Его взгляды на сложное предложение очень интересны и ценны. В «Общем курсе русской грамматики» он пишет: «Обычное деление *всех* сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные страдает некоторой искусственностью, особенно когда стараются живое разнообразие языка уложить в эти две произвольно наперед указанные и слишком категорически отграниченные рубрики. Прежде всего — *во всяком сложном предложении его части составляют одно связанное целое*, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому, как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него; таким образом, ни та, ни другая часть сложного предложения, строго говоря, не являются самостоятельными, но лишь совместно образуют одно целое. Став на эту точку зрения, исследователь должен стремиться к тому, чтобы бестенденциозно определить *типы связей или отношений между обеими частями сложных предложений и способов формального обозначения этих связей речи*»¹.

В этом высказывании очень важны две стороны: 1) утверждение единства и цельности сложного предложения и вытекающее отсюда признание коренного отличия между простыми предложениями и частями сложного предложения, 2) отрицание резкой противопоставленности категорий сочинения и подчинения и признание диалектического единства их.

---

¹ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 5, М. — Л., 1935, стр. 229.

К сожалению, эти мысли, изложенные в примечании, далеко не достаточно отражаются в основном повествовании Богородицкого по вопросу о сложном предложении. Анализа сочиненных предложений у Богородицкого нет, а о подчиненных он говорит довольно подробно. Он делит их по способам выражения связи главного и придаточного предложений на предложения с местоимениями относительными, предложения с наречиями относительными и предложения с союзами. Это формальное деление дополняется классификацией, основанной на учете семантической стороны предложения. Богородицкий называет ее классификацией придаточных предложений, хотя практически он говорит о сложных предложениях в целом. Он устанавливает восемь типов предложений: 1) тип определительно-описательный, 2) уподобительно-сравнительный, 3) временной, 4) изъяснительный, 5) условный, 6) уступительный, 7) тип, служащий для выражения причины и следствия, 8) целевой. Эта классификация неполна и несовершенна, но характерно, что она не основана на уподоблении придаточных предложений членами простого предложения. Это традиционное сопоставление Богородицкий отрицает, что составляет большую его заслугу. Богородицкий много занимался интонацией речи и дал ряд наблюдений над интонацией сложных предложений.

Продолжателем идей Потебни в XX в. был Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Он подробно пересказывает в своем синтаксисе мысли Потебни о развитии сложного предложения из некоторых форм составного сказуемого и излагает историю деепричастных, причастных и инфинитивных оборотов в духе Потебни¹. Но при анализе сложного предложения в современном русском языке он опирается в значительной степени на Буслаева, а поэтому между исторической и описательной частью у него нет полного соответствия; вся концепция сложного предложения местами противоречива и лишена четкости. Сложное предложение у Овсяннико-Куликовского определяется как «соединение двух или более предложений, составляющих одно синтаксическое целое»². Сложные предложения делятся на сочиненные и подчиненные. Овсяннико-Куликовский подчеркивает «формально-синтаксический» характер этих понятий. Он пишет: «Если предложение синтаксически (т. е. посредством известных союзов, относительных местоимений и пр.) не подчинено другому, то оно признается независимым, или главным, хотя бы по содержанию оно, напротив, являлось второстепенным и подчиненным моментом в данной фразе...» Синтаксическая зависимость предложений, по его мнению, сводится к формам или способам подчинительных или союзных слов.

---

¹ См. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка, СПб, 1902, гл II, стр. 66—98.

² Там же.

Соответственно сочинение Овсяннико-Куликовский толкует как соединение сочинительными союзами. Таким образом, сочинение и подчинение им характеризуются только с чисто внешней стороны и по сути дела совсем не раскрываются, так как, сославшись на различие союзов в них, он не вскрывает глубоко природы сочинительных и подчинительных союзов, следовательно, объясняет неизвестное неизвестным же. В составе сложноподчиненного предложения Овсяннико-Куликовский различает главное и придаточное. При этом вслед за Потемной он отрицает существование сокращенных придаточных, о которых говорит Буслаев. Но предложения с причастными и деепричастными оборотами и даже одиночными деепричастиями, если они не перешли в наречия, он называет сложными, а сами эти обороты — «придаточными обстоятельственными и определительными».

Конкретного анализа типов сложного предложения у Овсяннико-Куликовского нет. Из отдельных разбросанных замечаний видно, что придаточные предложения он склонен различать и классифицировать, смотря по тому, к какому члену главного они относятся. Так, по поводу придаточных предложений, присоединенных относительными местоимениями, Овсяннико-Куликовский пишет: «Придаточные предложения, присоединяемые посредством местоимений к другим предложениям, могут ближайше относиться к различным частям последних и с этой точки зрения подразделяются на: а) придаточные подлежащего, например: *Человек, которого я ожидал, не приехал*, б) придаточные сказуемого: *Это все, что осталось*, в) придаточные дополнения: *Я читаю книгу, которую ты мне рекомендовал*, г) придаточные приложения: *Ко мне приехал приятель, помещик, который считается лучшим хозяином в уезде*. Такая классификация основана на совершенно внешнем признаке, не учитывает ни семантических, ни структурных особенностей предложения и потому ничего не дает.

О бессоюзных предложениях Овсяннико-Куликовский не говорит вовсе. Неясно даже, считал ли он их сложными предложениями. Он рассматривает только два способа выражения отношений между частями сложного предложения: союзы и союзные слова.

Заслугой Овсяннико-Куликовского является попытка найти и определить какие-то специфические языковые черты сложного предложения как синтаксического целого. Он указал одну такую черту — отсутствие между предложениями, составляющими сложное предложение, разъединяющей паузы. В данном случае ценна уже сама идея — взглянуть на сложное предложение как на «синтаксическое целое».

Наиболее яркими представителями третьего направления являются М. Н. Петерсон и в известной мере А. М. Пешковский. Оба они, создавая свои синтаксические теории, исходили из основных положений учения Ф. Ф. Фортунатова, хотя

Пешковский пытался при этом опираться и на идеи Потевни и частично использовал некоторые положения Буслаева.

Главной чертой этого направления в области синтаксиса является выдвижение в качестве основной синтаксической категории словосочетания, понимаемого как парное сочетание слов, объединенных по смыслу и грамматически. Категория словосочетания у Фортунатова подчиняет себе категорию предложения, так как он считает необходимым выводить понятие предложения из понятия словосочетания, сводя, таким образом, весь синтаксис к учению о словосочетании. Законченной синтаксической системы Ф. Ф. Фортунатов не создал. Многих проблем синтаксиса он не касается совсем или касается только вскользь, мельком. К числу последних принадлежит и проблема сложного предложения. У Фортунатова встречаются только беглые заметки о сложном предложении. Из них видно, что он в общем принимал традиционное деление сложных предложений на сочиненные и подчиненные. Он пишет, что предложение является несамостоятельным (придаточным), «коль скоро само выражение грамматического сказуемого, принадлежащее этому сказуемому как сказуемому предложения, является частью другого предложения. Это мы видим в согласовании времени в сложных предложениях»¹. Примечательно само стремление Фортунатова раскрыть понятие «зависимости» придаточного предложения как проявление критического отношения к традиционной схеме.

Наиболее полное и последовательное развитие синтаксические идеи Ф. Ф. Фортунатова нашли в книге М. Н. Петерсона «Очерк синтаксиса русского языка» (1923). Эта книга сыграла некоторую роль в разработке проблемы сложного предложения. Крайне формалистическая, она тем не менее показала сложность и неразработанность многих вопросов, казавшихся достаточно ясными, неопределенность и зыбкость многих понятий, казавшихся вполне отчетливыми. Синтаксическая система М. Н. Петерсона полемически заострена и противопоставлена традиционной синтаксической теории. Следуя за своим учителем, он строит синтаксис как учение о словосочетании. Понятие предложения он после некоторых колебаний оставляет, но совершенно переосмысливает. У М. Н. Петерсона предложение понимается только как интонационное единство. Такое понимание предложения исключает выделение в особый тип сложного предложения. М. Н. Петерсон отказывается от этого понятия. Он говорит о «соединениях словосочетаний», различая среди них «соединение словосочетаний без союзов», «соединение словосочетаний посредством союзов»² и «соединение словосочетаний

¹ Цитируется по статье М. Н. Петерсона. «Академик Ф. Ф. Фортунатов (1843—1914)», «Русский язык в школе», 1939, № 3.

² См. М. Н. Петерсон, Очерк синтаксиса русского языка, 1923, стр. 103—106.

посредством относительных слов»¹. Несмотря на такой сугубо формальный анализ сложного предложения, который целиком свелся к перечислению способов выражения связи между частями, в нем содержится одна ценная мысль: М. Н. Петерсон сознательно отказывается прилагать термин «предложение» к частям сложного предложения (по его терминологии «соединения словосочетаний»). Он подчеркивает принципиальное отличие частей сложного предложения от отдельных самостоятельных предложений. Такое разграничение отдельных самостоятельных предложений и частей сложного предложения, проведенное, правда, только по внешнему интонационному признаку, было чрезвычайно ценно, так как наносило удар механическому пониманию сложного предложения и подчеркивало в нем особую природу — синтаксическое единство.

Интересны критические размышления М. Н. Петерсона по поводу сочинения и подчинения. В понятиях сочинения и подчинения М. Н. Петерсон видит только логическое содержание и не считает поэтому их фактами языка. Он показывает, что абсолютно независимых частей в сложном предложении нет, части его связаны друг с другом как при подчинении, так и при сочинении; они в одинаковой степени самостоятельны, так как могут быть употреблены отдельно, и несамостоятельны, так как при изолированном употреблении теряют значения, присущие им в составе сложного предложения, и изменяют интонацию. Отсюда он делает вывод, что объективные критерии не приводят к желательным результатам, не дают возможности отличать главное предложение от придаточного и сочинение от подчинения. Поэтому М. Н. Петерсон предлагает отказаться от понятий сочинения и подчинения, главного и придаточного предложения, считая их наследием «теории предложения». Такой удар по традиционной теории сложного предложения, хотя и нанесенный с позиций формалистических, не мог не заставить задуматься над основными понятиями в этой области, прежде всего над понятием сочинения и подчинения.

В дальнейшем, в середине 30-х годов, с большой остротой встал вопрос о классификации сложных предложений. В поисках классификационной схемы исследователи обратились к принципам Буслаева. Этому много содействовало то обстоятельство, что с 1936 г. школьная практика вернулась к традиционному учению о второстепенных членах и о параллелизме членов предложения и придаточных предложений. В связи с этой перестройкой перед советскими учеными встала задача: критически переработать все дореволюционное наследие, создать на материалистических началах стройную теорию сложного предложения, свободную от груза логицизма, с одной

---

¹ См. М. Н. Петерсон, Очерк синтаксиса русского языка, 1923, стр. 118—121.

стороны, и от формализма, с другой, учитывающую все многообразие и сложность языковых явлений.

С поисками такой теории связаны многочисленные попытки классификации сложных предложений, которые предпринимались с конца 30-х годов. В 1937 г. со статьей «О принципах классификации подчиненных предложений» выступил А. Б. Шапиро¹. Он исходит из традиционного уподобления сложноподчиненного предложения простому предложению, членами которого являются придаточные предложения.

Откликом на статью А. Б. Шапиро явилась статья С. И. Абакумова «О придаточных предложениях»². Он одобрил основные положения А. Б. Шапиро, внося в них незначительные поправки.

В дальнейшем появились попытки строить теорию сложного предложения, используя традиционное учение, с одной стороны, и отдельные положения Пешковского, с другой (прежде всего его понимание сочинения и подчинения; ср. работы Л. В. Щербы, С. И. Абакумова и др.). В последние годы проблема сложного предложения привлекает значительное количество исследователей. Углубляется изучение истории сложного предложения. Впервые четко ставится вопрос о синтаксических связях за пределами предложения. Вновь поднимаются основные теоретические вопросы о природе сложного предложения, его строении и основных структурно-семантических типах. В решении этих вопросов намечается совершенно новое направление, противостоящее всем предшествующим направлениям. Основу его составляет понимание сложного предложения как сложного синтаксического единства, в составе которого нельзя различать предложений, но между частями его отношения своеобразны и резко отличаются от отношений между словами внутри простого предложения. Такое понимание все шире распространяется среди советских ученых (см. исследования И. А. Поповой, Н. С. Поспелова, И. А. Фигуровского, В. А. Белошапковой³ и др.).

Такова краткая история вопроса о теории сложного предложения в русской лингвистике первой половины XX в.

В ряду работ, критикующих традиционное учение о сложном предложении, большое значение имели и работы А. М. Пешковского. Его концепция «сложного целого» носит своеобразный характер, хотя она неполна и в некоторых частях противоречива. Но он попытался по-новому осмыслить само понятие сложного предложения, категории сочинения и подчинения, основные средства

¹ «Русский язык в школе», № 2, 1937.

² «Русский язык в школе», № 2, 1938.

³ Отмечаем, что в диссертации В. А. Белошапковой «К изучению структурных типов сложного предложения» (МГУ, 1950) довольно подробно изложена история разработки проблемы сложного предложения. Часть этого материала послужила основой для краткой истории вопроса, изложенной выше в настоящей работе, но в несколько иной интерпретации и направленности.

выражения отношений между частями сложного предложения. Он дал большое количество отдельных наблюдений над различными конструкциями сложного предложения в современном русском языке.

б) *Пешковский* дает следующее определение о сложном предложении: это «сочетание предложений, соединенных союзами, союзными словами или союзными синтаксическими паузами и не разъединенных разделительными синтаксическими паузами»¹.

Пешковский в понимании предложения (как и синтаксиса вообще) исходил из того, что оно отражает «строение языковой мысли». Однако он в своих попытках подчеркнуть грамматическое начало (без отрыва его от мысли) «поневоле... слишком субъективен», так как здесь ему не на кого было опереться, как признается он в статье «Синтаксис в школе»².

В анализе структуры сложного предложения Пешковский опирается не только на значение союзов (отражающих в свою очередь смысловые отношения между предложениями), но и главным образом на то, что «сложное целое имеет также свою интонацию и свой ритм, играющие вообще в языке тем большую роль, чем сложнее та синтаксическая единица, на которую они наслаиваются»³. Правда, Пешковский находит, что при различении сочинения и подчинения интонация не всегда показательна, «так как повышение, характерное вообще для подчинения, возможно и при сочинении (именно при противительных союзах)»⁴. Однако он считает необходимым понятия интонации и ритма выделить при уяснении «сложного целого», поскольку для него оттенки, создаваемые ритмом и интонацией, «соотносительны с определенными грамматическими фактами» — с предложением и с изменением его конструкции⁵.

В понятие синтаксической паузы Пешковский включает и связанную с нею интонацию, которая всегда сопровождает и часто заменяет паузу. С такой оговоркой он и формулирует свое определение «сложного целого» (это «сочетание предложений, соединенных союзами, союзными словами или союзными синтаксическими паузами и не разъединенных разделительными синтаксическими паузами»).

В связи с этим определением Пешковский по-новому трактует и понятие фразы (или интонационного единства). Под «фразой» он понимает «всякий отрезок речи от одной разделительной паузы до другой, независимо от того, из скольких предложений она состоит. В интонационном отношении фраза может быть простой и

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 410. По существу такое же понимание сложного предложения дано и у проф. Л. А. Булаховского. (См. его «Курс русского литературного языка», стр. 303.)

² А. М. Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 103.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 407.

⁴ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 105 (статья «Синтаксис в школе»).

⁵ См. там же, стр. 95—96.

сложной, но это деление не совпадает с грамматическим делением фраз на одиночные предложения и сложные целые»¹. Например, в предложении *С моим двоюродным братом, который должен был сегодня приехать, случилось несчастье*—три интонационных величины («частичные фразы»), но два предложения.

Фраза, по Пешковскому, это «всякое ритмо-мелодическое единство, выражающее законченную мысль», причем в это понятие Пешковский не включает абсолютно никаких собственно формальных признаков. Предложение же рассматривается им как «всякое собственно формальное единство, выражающее законченную мысль»².

Впрочем, по признанию Пешковского, понятие фразы и предложения как интонационно-синтаксического единства и собственно синтаксического оказываются в довольно сложных и запутанных отношениях друг с другом. Процесс речи представляет собой, по Пешковскому, непрерывные и сложнейшие скрещения этих единств. Различение Пешковским «собственно формальных» и «ритмо-мелодических» средств выражения, создающих то или иное внутреннее единство, вытекает у Пешковского из понимания им предложения как выражения единого цельного и законченного смысла, а не как самодовлеющей внешнеграмматической структуры, существующей «в себе и для себя», механически складывающейся из разных частей, оторванной от мышления³.

Плодотворной является мысль Пешковского о цельности и диалектическом единстве частей сложного предложения. Критикуя зыбкость и неточность терминов «сложное предложение», «главное предложение», «придаточное предложение», Пешковский замечает, что в синтаксической литературе господствует недопустимое смешение этих понятий. «В самом деле, установив как основу всей системы, что «предложение» есть выражение единого, цельного и законченного смысла,— пишет Пешковский,— авторы в дальнейшем, когда дело доходит до так называемых «сложных предложений», всегда называют «предложениями» части этих единиц, явно незаконченные по смыслу (главное и придаточное предложения)».

Можно и нужно указать на недостаточность и односторонность самого определения Пешковским «сложного целого»: за основу он берет главным образом ритмо-мелодическую сторону предложения; недостаточно подчеркивается смысловое единство и грамматическая законченность сложного предложения. Но нельзя отрицать плодотворности самой идеи и подчеркнуть особую природу

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 411.

² См. статью А. М. Пешковского «Научные достижения русской учебной литературы в области общих вопросов синтаксиса», Прага, 1931.

³ Ср. противоположное утверждение акад. В. В. Виноградова в его упомянутой выше статье о Пешковском в сборнике «Вопросы синтаксиса современного русского языка», 1950, стр. 60.

«сложного целого» с точки зрения своеобразия этой грамматической приметы (ритма и интонации), не получившей, к сожалению, дальнейшей углубленной разработки в современной лингвистике. Однако отрадным является интерес современных лингвистов к изучению структуры сложного синтаксического целого в более широком плане¹.

в) Что касается *сочинения и подчинения*, то Пешковский подчеркивал теоретическую важность различения этих понятий и их практическую необходимость для школы. Он решительно критиковал взгляды М. Н. Петерсона, который отрицал традиционное учение о сочинении и подчинении предложений (о паратаксисе и гипотаксисе).

Следует подчеркнуть понятия обратимости и необратимости, введенные Пешковским для различения сочинительной и подчинительной связи слов и предложений. Для явлений подчинения характерен признак необратимости отношений между словами и предложениями. Например, о словосочетании *ножка стола* (форма *стола* подчинена слову *ножка* — отношение принадлежности в форме родительного падежа) Пешковский пишет: «Отношения представлений между собой здесь взаимно не совпадают, потому что представление о ножке не так относится к представлению о столе, как представление о столе к представлению о ножке: ножка «принадлежит» столу, но стол не «принадлежит» ножке. С этим связана и необратимость подобных отношений: нельзя сказать «*стол ножки*»². Пешковский иллюстрирует взаимоотношение элементов в строе подчинения образом человека, хватающегося за столб, чтобы удержаться от падения: «Я завишу от столба, а столб от меня не зависит. Я изменился, чтобы вступить в отношения со столбом, столб же не изменился, чтобы вступить в отношения со мною»³. Так, в системе подчинения одна часть самостоятельна по отношению к зависимой. В. В. Виноградов замечает по этому поводу: «Признак обратимости и необратимости представляется вообще для понятий сочинения и подчинения не очень существенным и слишком абстрактным»⁴. Но нельзя отрицать остроты и тонкости наблюдений Пешковского в отношении грамматической и логической связи слов. Действительно, что в речи обратимо, т. е. что может без ущерба для смысла поменяться местами? Не все, конечно.

¹ См. работы Н. С. Поспелова: 1) «Сложное синтаксическое целое и особенности его структуры» (Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, 1946, вып. 2, стр. 43—68) и 2) «Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке» (Ученые записки МГУ, вып. 137. Труды кафедры русск. яз., кн. 2, 1948, стр. 31—40), а также работы И. А. Фигуровского: 1) «Смысловое отношение между самостоятельными предложениями и грамматические средства их выражения» (кандидатская диссертация) и 2) «От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста» (статья в журнале «Русский язык в школе», 1948, № 3, стр. 21—31).

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 79.

³ Там же, стр. 80.

⁴ В. В. Виноградов, статья о А. М. Пешковском в сборнике «Вопросы синтаксиса», 1950, стр. 66.

Обратимы названия и «суждения» в цепи перечисления или свободного, грамматически не связанного соседства (*день и ночь — ночь и день* и т. п.). Это связь сочинения. Но никак не укладываются в схему Пешковского об обратимости и необратимости такие словосочетания: *выучить наизусть, поехать домой, жить припеваючи*. Здесь налицо более глубокая связь (в грамматическом отношении) — связь подчинения (примыкания). Пешковский понимал, что необратимость противительных сочетаний (типа *убей, но выслушай!*) объясняется не столько грамматически, сколько логически («психологически», по его выражению).

Пешковский пытался перенести понятие обратимости и необратимости на различие связей (сочинительной и подчинительной) между предложениями в составе «сложного целого». Так, он полагал, что при сочинении, т. е. при относительно равноправных предложениях, входящих в сложные, возможна перестановка мест простых предложений, когда союз остается на том же месте, при сохранении смысла высказывания (*Язык мой немеет, и взор мой угас — Взор мой угас, и язык мой немеет. Им можно, а вам нельзя — Вам нельзя, а им можно*).

Во втором случае (при подчинении) перестановка неравноправных предложений (при сохранении союза на том же месте, т. е. при отрыве союза от своего придаточного) невозможна без нарушения прежнего смысла. Например: *По лицу вижу, что говоришь неправду* (дополнение), но *Говоришь неправду, что по лицу вижу* (даже по лицу); *Челюсти заболят, если съешь такой кусок* (Гоголь) — смысл условия, но *Съешь такой кусок, если челюсти заболят* — смысл изменился: рекомендуется средство лечения (если челюсти заболят, съешь такой кусок).

Понятия обратимости и необратимости, так же как и понятия об обратимых и необратимых словосочетаниях¹, не вошли в запас средств различения синтаксических конструкций современного русского литературного языка, так как эти понятия ограничены и в целом несостоятельны, т. е. не отражают сложных диалектических отношений между сочинением и подчинением. В целом теорию обратимости и необратимости, развиваемую Пешковским, нельзя брать под защиту, так как она игнорирует все многообразие возможностей выразить сложную мысль в составе «сложного целого». Например, даже в сложно-сочиненном предложении, но с временной последовательностью, нельзя сделать перестановку предложений без нарушения смысла (ср. следующие предложения: *Кончилась перемена, открылась дверь, в класс вошел учитель, и установилась тишина — ...установилась тишина, в класс вошел учитель, и (?) открылась дверь*). Не могут быть обратимыми, несмотря на со-

¹ См. об этом у А. М. Пешковского в «Русском синтаксисе», изд. 6, стр. 78—84.

чинительную связь, и такие, например, части предложения, как *Он вошел и сел — он сел и (?) вошел*. Нельзя также изменить порядок предложений и в таком явно сложносочиненном предложении, как *Он заболел, и его отвезли в больницу* (ср. *Его отвезли в больницу, и (?) он заболел; Ямщик свистнул, лошади тронулись, и кибитка полетела; Душно стало в сакле, и я вышел освежиться* и др.). В последних примерах есть определенная причинно-следственная связь и временная последовательность в событиях.

Следовательно, теория обратимости и необратимости, развитая Пешковским, не может быть универсальным инструментом (средством) для выявления характера связи (сочинительной или подчинительной) в сложном предложении. Впрочем, в методическом плане эта теория в известных случаях может быть использована при синтаксических экспериментах с переделкой предложений: дети любят переставлять порядок слов и предложений и наблюдать при этом изменения в смысловых оттенках. В отдельных случаях (но не всегда) эксперименты с переделкой предложений помогают уяснить смысловые отношения единиц в составе сложного предложения и обостряют стилистическое чутье учащихся средней и высшей школы.

Любопытно, что сам Пешковский искренне верил в реальность своей теории обратимости и необратимости как в словосочетаниях, так и в предложениях; он считал ее самой заманчивой перспективой не только своих исследований, но и языкознания вообще.

Пешковский на основании тончайших наблюдений над фактами русского языка пришел к выводу, что нельзя безоговорочно подвести все многообразие видов смысловых и грамматических отношений между частями сложного предложения только под две полярные рубрики — сочинения и подчинения. Так, анализируя предложение: *Мужик и ахнуть не успел, как на него медведь на-сел*, Пешковский замечает, что тут трудно определить, что чему подчинено, и допускает возможность взаимоперехода подчинения в сочинение, и наоборот. В самом деле, учение о типах сложных предложений должно опираться на диалектический анализ реальных взаимоотношений между явлениями действительности, которые отражаются в структуре предложений, сочетавшихся в сложное единство. Еще проф. Богородицкий отмечал, что сочинение и подчинение в предложении могут быть в очень сложных диалектических взаимоотношениях; в «сочинении» предложений почти всегда есть элементы «подчинения», а в ряде подчинительных предложений сщутима сочинительная связь¹.

Нельзя согласиться с мнением акад. В. В. Виноградова о том, что учение Пешковского о сочинении и подчинении носит схематический и односторонний характер и «не вооружает современного со-

¹ Ср. аналогичную трактовку этого вопроса в «Грамматике русского языка», т. II, ч. 2, 1954, § 1248, 1541—1548 и др.

ветского языковеда новыми плодотворными идеями»¹. Подходя к этому вопросу исторически, следует подчеркнуть, что рассуждения Пешковского о сочинении и подчинении в свое время имели прогрессивное значение: глубокий и тонкий синтаксический анализ языковых фактов современного русского языка возбуждал научный интерес к нему, будил мысль и обострял чутье языка и его стилистическое восприятие.

г) Пешковский заменил обычную до того классификацию придаточных предложений анализом подчинительных союзов, причем они у него не только формальный показатель связи придаточного с главным, но и выражают определенные смысловые отношения между ними². В сущности классификация союзов у Пешковского идет в том же плане, что и классификация придаточных в традиционных грамматиках (те же смысловые отношения: причина, цель, время, сравнение и т. д.). Пешковскому, однако, не удалось создать стройную классификацию типов придаточных по союзам, так как сами эти союзы (и союзные слова) по-разному осмысливаются в зависимости от логического содержания придаточного. Следует отметить, что в школе обычно перечень подчинительных союзов дается механически, без выяснения их особой спаянности с предложениями, в отличие от сочинительных союзов. Привлечение концепции Пешковского по этому вопросу могло бы обогатить и рационализировать понимание природы сложных предложений, ибо последнее можно глубже понять, опираясь на совокупность всего комплекса признаков логического и лексико-грамматического порядка. Словом, обращение к Пешковскому при изучении предложений (простых и сложных) могло бы при известном критическом отношении принести только прямую и непосредственную пользу и обогатило бы методику преподавания синтаксиса в школе.

5. Краткие выводы и обобщения по содержанию главы.

Таким образом, понимание Пешковским предложения связано с наиболее прогрессивными теориями предложения в истории русской грамматики, хотя эти теории и были ограничены в связи с уровнем развития науки того времени. Автор «Русского синтаксиса в научном освещении» смысловую и формально-грамматическую стороны предложения рассматривает в их единстве.

В центре учения о предложении в системе Пешковского стоит понятие сказуемости, как важнейшей грамматической категории, в которой тесно сцепляются речь с мыслью, а разнообразие звуковых форм выражения сказуемости служит «способом выражать человеческую мысль» (Пешковский).

¹ В. В. Виноградов, Статья о А. М. Пешковском в сборнике «Вопросы синтаксиса». 1950, стр. 68.

² Ср. такую же трактовку этого вопроса у акад. Л. А. Булаховского в его «Курсе русского литературного языка» и в «Грамматике русского языка», изд. АН СССР, т. II, ч. 2, 1954, стр. 177—380.

Личной заслугой Пешковского в области синтаксиса является разработка им теории интонации, ритмо-мелодического строя предложения и связанного с этим учения об обособлении; исследования Пешковского в этой области целиком входят в современное советское языкознание и определяют собой методику изучения этого раздела в средней и высшей школе.

Разработка Пешковским видов простого предложения ставит его в ряд крупнейших исследователей синтаксиса русского языка.

Новаторство Пешковского в разработке им «сложного целого», новое понимание фразы, своеобразное членение типов придаточных, богатство и оригинальность наблюдений над типами сочинительной и подчинительной связи предложений, обилие стилистических экспериментов при изложении учения о предложении, методическая целенаправленность этого изложения, рассчитанного в значительной мере на потребность школы, — все это рекомендует синтаксическую концепцию Пешковского как значительное явление в истории нашей русской лингвистической и методической мысли.

В учении Пешковского о предложении наряду с глубоким проникновением в специфику предложения, его структуры, ритмо-мелодического строя и т. д. обнаруживаются и серьезные недостатки и ошибки: идеалистическая основа, обусловленная ограниченностью его философского мировоззрения, недостаточная глубина и схематизм в описании типов простых предложений, неправильное истолкование отношений между понятиями «словосочетание» и «предложение» и др.

Эти недостатки объясняются не только сложностью самой проблемы предложения (известно, что и до сего времени учение о предложении остается наименее разработанной частью грамматики), но и тем, что Пешковскому в этой области пришлось быть новатором. Но это теоретическое новаторство всегда было органически связано с его неустанными, очень внимательными наблюдениями синтаксических явлений. Он честно пытался найти пути разрешения сложных проблем предложения, не отмахиваясь от них и ясно отдавая себе отчет в том, что они не только не разрешены, но еще не поставлены с достаточной четкостью.

Осознание его ошибок способствовало более правильному решению проблемы предложения в последующем развитии русского синтаксиса¹.

¹ Так, например, многие статьи появившегося в 1950 г. сборника «Вопросы синтаксиса современного русского языка» под ред. акад. В. В. Виноградова или отправляются от Пешковского, критикуя его, или составляют предмет специального исследования (см. статьи В. В. Виноградова о Пешковском, статьи Н. С. Поспелова, И. А. Поповой о природе сложных предложений, статьи Е. М. Галкиной-Федорук о безличных предложениях и К. А. Тимофеева об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке). Значительное влияние Пешковского обнаруживаем и в «Грамматике русского языка» (1954, т. II, части 1 и 2).

УЧЕНИЕ А. М. ПЕШКОВСКОГО О ЧАСТЯХ РЕЧИ

1. Сущность учения А. М. Пешковского о частях речи раскрывается им не только в теоретическом, но и в методическом плане. Следует отметить, что это учение соответственно общей эволюции грамматических взглядов Пешковского также изменялось. Но изменения больше всего касались системы частей речи (группировки слов по грамматическим разрядам); общие же понятия частей речи (связи их с грамматическими категориями, связи с членами предложения и общая зависимость частей речи от данных морфологии и синтаксиса) изменялись во взглядах ученого менее значительно.

Представляется целесообразным рассмотреть проблему частей речи в системе Пешковского в трех аспектах: 1) общее понятие частей речи, 2) соотношение категорий частей речи и членов предложения и 3) система частей речи у Пешковского.

Еще Ф. И. Буслаев указывал, что части речи, помимо своей синтаксической обусловленности, выделяются «по своему собственному неизменному значению как отдельные формы». Эти значения Буслаев называл грамматическими в отличие от логических. Подчеркивая, что слова (как части речи) выражают, помимо своего реального значения, еще известные грамматические значения (§ 158 «Исторической грамматики»), Буслаев обращал большое внимание на формальную, чисто грамматическую сторону речи. «Все части речи и изменения их получают свой смысл по месту, занимаемому ими в предложении, — писал Буслаев. — Впрочем, кроме того, имеют они и свое собственное неизменное значение как отдельные формы. Определение этих форм и составляет учение о категориях частей речи»¹.

Известно, что А. А. Потебня само понятие «грамматической категории» сделал исходным в определении частей речи, а А. А. Шахматов это понятие считал главнейшим при выяснении синтаксической природы частей речи.

¹ Ф. И. Буслаев, О преподавании отечественного языка, 1844, ч. II, стр. 6.

«Существенным признаком, отличающим части речи друг от друга, — говорит акад. Шахматов, — является связь каждой из них с этими грамматическими категориями, а так как категория грамматическая познается в синтаксисе, то синтаксическое определение частей речи должно принять во внимание и ту связь, которая имеется между отдельными частями речи и грамматическими категориями. Самое содержание учения о частях речи составляет, между прочим, определение грамматических категорий в их отношении к частям речи»¹.

2. Для Пешковской части речи — это категории (формы) грамматического мышления и, следовательно, категории мысли вообще. «Части речи, — говорит он, — есть не что иное, как основные категории мышления в их примитивной общенародной стадии развития»².

Пешковский считал, что самое понятие частей речи тесно связано с понятием грамматической категории, а последняя, по Пешковскому, создается всеми формами синтаксического окружения: «Формы частей речи создаются всеми другими формами». Указания Пешковского на связь понятия частей речи с грамматическими категориями, т. е. с сопутствующими показателями слов, находят себе параллель в современном научном языкознании.

При отнесении слова к той или иной части речи Пешковский исходил также из наличия у данного слова единства грамматического значения с определенной группой слов и с этой точки зрения критиковал ультраформалистов, которые понятие части речи связывали лишь с чисто внешними звуковыми показателями. Ультраформализм «не признает общих единых формальных значений за теми грамматическими категориями, которые образуют части речи, — писал Пешковский, критикуя несостоятельность классификации слов у Петерсона в его книге «Русский язык» (1925 г.). — Так, существительные обозначают для него не только предметы, но и качества, действия, состояния, количество, вопрос, отношение, время; прилагательные — не только качество, но и действие, состояние, порядок, вопрос, отношение. Соответственно и определения этим категориям даются чисто внешние: такая-то часть речи есть слово, изменяющееся так-то и так-то или имеющее такие-то и такие-то формы. Другими словами, самая эта общность изменения или общность форм в известной группе слов не считается выразителем какого-либо единства в значениях, а считается как бы чисто зву-

---

¹ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 1941, § 489, стр. 420.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 95.

ковым фактом»¹. В данном случае Пешковский, говоря о «единстве в значениях», имеет в виду не реальные значения, заключенные в самой лексике, а сопутствующие грамматические значения. Так, указывая на «оттенок предметности как основной признак категории существительного», Пешковский отстаивает мысль, что в основу классификации слов по частям речи должен быть положен принцип единства грамматического значения. Например, слово *чтение* в своем лексическом содержании включает, по Пешковскому, представление о действии, тем не менее слово это подводится под категорию существительного по соотношению с другими словами, обозначающими единую категорию грамматического предмета, хотя бы лексически слова эти выражали и разные реальные значения (*стол* — предмет, *белизна* — признак, *бег* — действие, *добро* — нравственное качество и т. д.). Пешковский всегда был против чисто лексического комментария слов «по значению» в отрыве от грамматических значений.

«Несколько лет тому назад, — пишет он, — до меня доходили слухи, что при проверочных испытаниях для старых педагогов, прервавших на время свою педагогическую деятельность, им задавали вопрос: «Что такое „драка“, по Пешковскому?» И требовалось ответить, что „драка“, по Пешковскому, — действие. Могу вас заверить, что подобного рода экзамен... свидетельствовал только о глубочайшем невежестве экзаменаторов. „Драка“, по Пешковскому, всегда была, есть и будет (при всем моем неустанном искании синтаксической истины я ручаюсь здесь и за будущее, так как это основа моего синтаксического мировоззрения) грамматическим предметом»².

И далее Пешковский в доказательство ссылается на 1-е издание его «Русского синтаксиса», где давалась им окончательная формулировка форм частей речи: «Форма существительного выражает предмет» и т. д. С другой стороны, Пешковский всегда выступал против чисто морфологического принципа деления слов по классам (по окончаниям склонений и спряжений); это сказалось даже и в первоначальной схеме частей речи в 1-м издании «Русского синтаксиса», где фортуновские формальные критерии деления слов на «форменные» и «бесформенные» сочетаются с семантико-синтаксическими критериями Поттебни (об этом ниже). Критическое отношение к крайностям формализма и осуждение ультраформализма побуждают Пешковского коренным образом пересмотреть свою систему частей речи в 3-м издании «Русского синтаксиса» и искать в связи с этим новые методологические принципы, новые толкования грамматических

---

¹ А. М. Пешковский, Вопросы изучения языка в семилетке. Сборник статей, 1930, стр. 42.

² А. М. Пешковский, Как вести занятия по синтаксису и стилистике в школах взрослых. Сборник статей, 1930, стр. 54 (ср. стр. 91—95 «Русского синтаксиса», изд. 6).

понятий. Начиная с 1928 г. Пешковский все с большей отчетливостью выдвигает синтаксический момент в определении частей речи («формы словосочетания»), тем самым окончательно разрушая призрачную цельность фортуатовской схемы. В 3-м издании «Русского синтаксиса» он резко протестует против тех грамматических учений, которые кладут в основу грамматической классификации слов «исключительно окончания систем склонения и спряжения, что... не объясняет многих явлений и принижает чуть ли не до полного игнорирования синтаксическую сторону дела»¹.

Этот протест ближайшим образом направлен против представителей фортуатовской школы — Д. Н. Ушакова, М. Н. Петерсона, С. И. Абакумова и других «морфологов-классификаторов».

«И существительные для нас, — пишет Пешковский, — уже не будут словами, «которые в речи могут принимать все окончания одного из следующих рядов» (следует таблица с 99 окончаниями), как сказано в одном из новейших учебников², а будут словами, принадлежащими... к категории предметности»³.

Разъясняя понятие формы грамматической предметности в слове («известной его добавочной особенности — звуковой и значащей»), Пешковский говорит, что формалисты больше всего нападали на формальный характер оттенка предметности и отрицали один общий грамматический оттенок для всех существительных. Но «при вульгаризации домогательств формалистов вместе с водой был выплеснут и ребенок»⁴.

Чрезвычайно знаменательно, что Пешковский в своей первоначальной концепции, исповедуя точку зрения Потемни о процессе исторического образования отдельных частей речи и утверждая глагол в роли организующего центра предложения — мысли, в то же время при определении значений частей речи подчеркивает понятие грамматической предметности.

Таким образом, самое понятие частей речи ставится Пешковским, как и Шахматовым, в связь с понятием грамматической категории, ибо грамматическими категориями определяется внутренняя связь отдельных слов между собой и отношение их к предложению; слова относятся к той или иной части речи именно постольку, поскольку они вызывают представление о грамматических категориях, которые могут быть более общими или более частными. Части речи, таким образом, это тоже грам-

---

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 91.

² Речь идет об учебнике С. И. Абакумова «Учебник русской грамматики (опыт применения научной грамматики к школьно-грамматической практике)», М., Госиздат, 1923.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 93.

⁴ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 55.

матические значения, добавочные к вещественному значению слов и обобщающие их.

В советском языкознании именно такое понимание частей речи стало общепризнанным, хотя после дискуссии 1950 г. по вопросам языкознания были уклоны в сторону одностороннего их определения. Они определялись не как лексико-грамматические, а только как чисто грамматические категории. Именно такое истолкование этого понятия обнаруживалось, например, у проф. Н. С. Поспелова в его статье «Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка», где грамматические категории рассматривались прежде всего «в отвлечении от конкретного материального содержания слов и предложений»¹.

Позднее, в 1955 г., Н. С. Поспелов пересмотрел свою позицию и в статье «Грамматические категории и части речи» правильно указывает на необходимость учитывать соотношения между лексическими и грамматическими значениями в словах как частях речи, а также на необходимость учитывать существенные различия в степени абстрагированности между отдельными грамматическими категориями, фиксирующими то общее, что лежит в основе изменения слов, и частями речи, как основными лексико-грамматическими разрядами слов, в которых реализуются указанные грамматические категории. «Части речи, выражая то или другое максимально обобщенное значение (предмета, качества, действия, количественного признака, обстоятельственного отношения и т. п.), представляют собой не лексические только группы слов, а лексико-грамматические разряды, в которых на основе свойственных им грамматических категорий осуществляется абстрагирование от частного и конкретного»².

А. М. Пешковский, стремясь выяснить в частях речи их отличительные признаки — грамматические значения, подчеркивает при этом, что части речи — самые главные категории, обуславливающие все остальные категории языка и их объемлющие по составу; «так, категория спрягаемого глагола не может не заключать в себе всех форм, образующих категории лиц, чисел, наклонений, времен, видов, залогов»³.

Следовательно, для Пешковского (особенно в последней его концепции) в основе различия частей речи лежит распределение слов по категориям более общим, чем тот или иной вид словоизменения, по категориям грамматическим: именно от принадлежности слова к той или иной грамматической категории зависит его способность к тому или иному виду изменений — к склонению или спряжению и т. д. С этой позиции он и критиковал ультра-

¹ Н. С. Поспелов, Названная статья в сборнике «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», 1950, стр. 106.

² Н. С. Поспелов, «Грамматические категории и части речи (в сборнике «Вопросы грамматического строя», изд. АН СССР, 1955, стр. 76).

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 57.

формалистов, которые по существу и олицетворяли доподлинный формализм.

И акад. Л. В. Щерба в статье «О частях речи» (1928), написанной не без влияния Пешковского, прекрасно иллюстрирует методический принцип Шахматова и Пешковского о различении слов как частей речи: «Едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются,—пишет Л. В. Щерба,— скорее мы потому их склоняем, что они существительные».

С другой стороны, в абсолютном большинстве случаев форма слова соответствует его грамматическому значению (категории), поэтому слова обладают грамматическими формами.

Еще проф. Д. Н. Кудрявский отмечал, что «все слова в языке в форме своей хранят следы своего сочетания, и мы не можем придумать ни одного слова, которое бы уже своей формой не указывало на свою роль в предложении»¹.

Эти замечания ученых-лингвистов полностью соответствуют новой концепции Пешковского.

Теперь уже Пешковский подходит к группировке слов по частям речи не с точки зрения их «форменности» или «бесформенности», а учитывает весь комплекс морфологических и синтаксических показателей в их связи и взаимоотношении с лексикосемантическими данными.

Поэтому когда речь идет об оценке грамматической системы Пешковского, в особенности по разделу о частях речи, то нам представляется, что его критики порой или слишком акцентируют морфологическую сторону вопроса (проф. С. И. Бернштейн), пытаясь тем самым игнорировать указания Пешковского о том, что синтаксические факторы при классификации слов по частям речи являются важнейшими, или же, наоборот, считают, что «в грамматической концепции Пешковского «синтаксическое начало» гипертрофировано и гипертрофировано в ущерб не только морфологическому, но и лексико-семантическому», что у Пешковского «возникает своеобразная грамматическая теория, проникнутая формально-синтаксическим логицизмом с яркой субъективно-психологической окраской»².

Эти выводы (уже потому, что они противоположны) имеют несомненный оттенок крайности и полемичности.

Для Пешковского понятие части речи как самой общей грамматической категории — это не только научная проблема, но и методическая. Так он пишет, что «предметность существительного, с одной стороны, методически необходима для построения грамматической системы в школе, с другой стороны — это не миф, не выдумка старых грамматик, а научно проверенный факт»³. Для каждой части речи характерна своя особая

¹ «Русская мысль», 1912, № 7, стр. 130.

² В. В. Виноградов, Современный русский язык, 1938, вып. 1, стр. 33.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 69.

семантика. В то же время части речи — это весьма подвижные грамматические категории.

Пешковский стремился самое понятие частей речи сделать теоретической опорой школьного курса грамматики, причем основой этой теоретической опоры он считал понятие грамматической предметности. Это находит себе выражение в следующем рассуждении Пешковского.

«Что же может и должно быть сказано в кратчайший срок в качестве теоретической опоры? — спрашивает он и отвечает: — Я думаю в настоящий момент, что вся морфология и весь синтаксис легко могут быть обоснованы на понятии грамматического предмета (имени существительного). Укрепившись на существительном как названии предмета, мы легко объясним прилагательные как слова, обозначающие, какие бывают предметы, глаголы — как слова, обозначающие, что делают предметы и что делается с ними, подлежащее — как слово, обозначающее главный предмет, управляемое существительное (дополнение) — как слово, обозначающее второстепенный предмет, и т. д. Без понятия же предмета, как основы всего дальнейшего, мы неизбежно скатываемся либо в то звукодействие, которое составляет, по моему теперешнему убеждению, главный недостаток «Нашего языка» и всех учебников, от него зависящих, либо в традиционное логическое определение подлежащего, как того, «о чем говорится», и сказуемого, как того, «что говорится».

Таким образом, общее понятие частей речи у Пешковского основывается на признании единства лексико-семантических и грамматических признаков слова, причем синтаксисом определяются и морфологические особенности слова и отнесение слова к той или иной грамматической категории (части речи), как категории мышления. Преодолевая узкий морфологизм Фортунатова, Пешковский значительно способствовал более углубленному изучению грамматической природы частей речи, рассматривая смысловую (лексическую) и формально-грамматическую стороны частей речи в их единстве. Современное советское языкознание также обращает серьезное внимание на внешнюю форму построения слова в тесной связи с его значением. Но поскольку смысловая сторона слова наиболее полно выступает в содержании законченного высказывания, советская лингвистика расширяет круг своих интересов включением еще и строя предложения, в составе которого обнаруживаются формы и функции словосочетаний, тесно связанные с лексико-грамматической природой слов как частей речи. Тем самым словосочетания как синтаксические единства в составе предложения и самый строй предложения рассматриваются в органическом единстве с морфологическими категориями, а формальная сторона синтаксиса, до сих пор наименее обращавшего на себя внимание, ставится в связь с учением о форме слова.

Следовательно, путь анализа слова идет через его использование в предложении.

3. В основу синтаксиса кладутся обыкновенно две классификации слов: как частей речи и как членов предложения. Обе эти классификации настолько тесно подходят друг к другу, что Пешковский даже ставил вопрос, нужны ли они обе одновременно и нужно ли различение частей речи, если мы различаем члены предложения.

Эта трудность принципиального различия осознавалась уже Потемней, который, как известно, в своем труде «Из записок по русской грамматике» в специальной главе «Члены предложения и части речи» указывает на то, что объектами классификации служат для него члены предложения, а части речи — это категории, установленные с «искусственной» точки зрения «изолированного слова», степень их реального совпадения с членами предложения подлежит выяснению: «субстантивность подлежащего... и дополнения есть лишь стремление наших языков, а не их постоянное свойство», — пишет Потемня. Поэтому он склонен к отождествлению членов предложения и частей речи, хотя, следуя традиции, он сохраняет двойную номенклатуру.

Что же касается Фортунатова, то он построил классификацию частей речи по признаку форм, в определение главных членов ввел признак синтаксический, а второстепенные члены классифицировал только по значению.

Пешковский в первоначальной своей концепции следует традициям Потемни и Овсяннико-Куликовского, определяя второстепенные члены по совокупности признаков семантических, морфологических и синтаксических; он стоит на точке зрения необходимости двойной классификации слов — как частей речи и как членов предложения, хотя эти его определения близки к отождествлению тех и других. Так, по Пешковскому, «дополнение или косвенный падеж существительного есть форма, изображающая предмет в его отношениях к другому предмету или признаку предмета»¹. Но, по его мнению, «считаться с традицией двойного деления слов необходимо», и «тут дело не только в традиции, а в двух различных точках зрения, создавших ту и другую классификацию, — морфологической и синтаксической». «Конечно, части речи, — пишет Пешковский, — вырабатывались в языках как члены предложения, да и в настоящее время не могут быть оторваны от тех синтаксических форм, которые характерны для них; конечно, члены предложения выражаются теми же грамматическими формами, что и части речи». «Но части речи, — поясняет он, — это застывшие члены предложения, выкристаллизовавшиеся в определенные формы и системы форм, распознаваемые и вне своих сочетаний и приобретшие в связи с этим определенное

---

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 142; изд. 2, стр. 159.

словообразовательное значение; наоборот, члены предложения — это пришедшие в движение и в части речи, части речи в самом процессе как части словосочетаний. Эта двойная точка зрения на одни и те же факты, выразившаяся в общем разделении грамматики на морфологию и синтаксис, должна быть сохранена, думается мне, и здесь»¹.

Если бы идти по пресловутому методу выхватывания цитат, то можно было бы, сгруппировав соответствующим образом вышеизложенное, предъявить Пешковскому упрек в том, что он отрывает синтаксис от морфологии, противопоставляет морфологическую точку зрения (при выяснении природы частей речи) синтаксической (при выяснении природы членов предложения), тем более, что сам Пешковский далее заявляет: «Само собою разумеется, что все вышесказанное обязывает меня строго разграничить ту и другую классификации, сделав первую исключительно морфологической, а вторую исключительно синтаксической».

В этом разграничении двух классификаций многие критики Пешковского усматривали основной порок формализма и, «не мудрствуя лукаво», обвиняли Пешковского во всех грехах формализма, находясь под гипнозом общих рассуждений о семантико-синтаксических категориях и отмахиваясь от самого понятия «формы». Для этих критиков «форма» является всего лишь инвентарем формальной грамматики и несет в себе тлетворное начало «формализма»².

Пешковский всегда подчеркивал взаимосвязь морфологии и синтаксиса, но в то же время он никогда не исключал специфики того и другого, что морфология и синтаксис — это во многих отношениях самостоятельные области грамматики, и потому для него совершенно правомерно «строгое разграничение» морфологической (при частях речи) и синтаксической (при членах предложения) классификации.

Но отсюда вовсе нельзя заключать, как это делает проф. С. И. Бернштейн, что «система частей речи, так обстоятельно развитая Пешковским... игнорирует данные в языке связи и грани», что «она обнаруживает недоверие к единству формы и содержания в языке и, тем самым, недоверие к языковой действительности»³. «Ведь уж одно то обстоятельство, — пишет С. И. Бернштейн, — что каждый глагол образует, кроме спрягаемых форм, причастия, дее-

---

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 79; см. также его статью «О грамматическом разборе», посмертно напечатанную в журнале «Русский язык в средней школе», 1934, № 3, стр. 9.

² Ср. критику грамматической системы Пешковского в книге Е. Н. Петровой «Грамматика в средней школе», 1936.

³ С. И. Бернштейн, Вводная статья к шестому изданию «Русского синтаксиса» А. М. Пешковского, 1938, стр. 21.

причастия, инфинитивы, отражает смысловое единство, лежащее в основе всех этих видоизменений». Но ведь и Пешковский говорил, что именно это грамматическое единство (единство грамматических значений + смысловое, лексическое единство) обязывает нас видеть в слове часть речи, как самую общую грамматическую категорию. «Спору нет, — говорит С. И. Бернштейн, — изменения по падежам и изменения по лицам — это разные языковые явления, орудия выражения неодинаковых значений». Но и для Пешковского это было бесспорно. «Но нельзя эти технические средства (т. е. морфологические изменения. — А. Б.), — продолжает проф. С. И. Бернштейн, — принимать как основу классификации, как принцип деления слов-образований, в которых, как это констатировал Потенция, «грамматическая форма однородна с вещественным значением».

Известно, однако, что Потенция отождествлял части речи и члены предложения. Но современная лингвистика хотя и признает зависимость классификаций слов по частям речи от роли и связи слов в предложении, тем не менее особо выделяет значение морфологического принципа при групповом делении словарного состава языка, не игнорируя тесной связи между морфологическими и синтаксическими категориями. Пешковский, никак не «игнорируя данных в языке связей и граней», считал возможным классификацию частей речи строить по морфологическому принципу.

Пешковский был против механического рассечения грамматики на морфологию и синтаксис, вместе с тем комплексное (целостное) представление этих отделов грамматики вовсе не исключало для Пешковского их членения и расчленения.

Группировка лексического состава по частям речи ставится Пешковским в связь с расхождениями в формальном выражении членов предложения. Морфологические основания классификации слов как частей речи выступают с такой же силой, как и синтаксические основания для выделения членов предложения. Это две стороны одной и той же медали грамматических категорий в их самом общем виде.

В новой своей концепции Пешковский отказался от двойной классификации слов и заменил традиционные термины для членов предложения («дополнение», «определение» и «обстоятельство») другой номенклатурой, в которой объединяет названия частей речи с указанием на способы подчинительной связи между словами. Пешковский различает теперь лишь: «1) управляемые второстепенные члены (косвенные падежи существительных с предлогами и без них), 2) согласуемые второстепенные члены (непредикативные и несубстантивированные прилагательные), 3) примыкающие второстепенные члены (наречия, деепричастия, инфинитивы)». «Второстепенность» всех этих членов, — говорит он, — следует понимать, разумеется, не в логическом и не в психологическом смысле... а в грамматическом, т. е. в смысле зависимости их (пря-

мой или косвенной) от одного из членов основного словосочетания (подлежащего или сказуемого)»¹.

Совершенно прав проф. С. И. Бернштейн, когда замечает по этому поводу, что такое «новшество едва ли можно признать обоснованным»². Не подлежит сомнению, что значения частей речи стоят в теснейшей функциональной связи со значениями членов предложения, но несомненно также и то, что полного соответствия между ними нет; сам же Пешковский отмечает, что одна и та же часть речи может быть в разных синтаксических функциях.

Спрашивается: что же побудило Пешковского отказаться от логических определений членов предложения? Может быть, это уступка формализму? Фортунатов когда-то утверждал, что в «предложении нет ничего, кроме формы, так что, отнявши форму, мы уничтожаем предложение флективных языков». В этой связи проф. Будде еще в 1914 г. в своем отзыве на 1-е издание «Русского синтаксиса» Пешковского выступал с сентенцией по адресу автора книги: «...для грамматики нет никаких «обстоятельств», нет «определений»; для нее есть форма согласования и управления».

Не воспринял ли Пешковский это поучение Будде как директиву к перестройке своей грамматической системы, в частности при изъятии логической терминологии? Факт отказа Пешковского от двойной терминологии частей речи и членов предложения стоит в другой связи и не может быть расценен как уступка формализму. С другой стороны, этот факт не может быть объяснен и как «отождествление» морфологических и синтаксических оснований разделения слов (как это объясняет проф. С. И. Бернштейн в его цитированной выше вводной статье к «Русскому синтаксису», стр. 36).

Сам Пешковский позднее склонен был рассматривать различие частей речи и членов предложения лишь как терминологическое различие, и в 3-м издании «Русского синтаксиса» он объясняет этот факт следующим образом:

«Термины эти (определение, дополнение, обстоятельство. — А. Б.) представляют известное удобство как сокращенные обозначения соответствующих понятий, но они представляют и большие неудобства, так как: 1) в школьных грамматиках они применялись до сих пор в совершенно ином смысле; 2) сами по себе они очень неудачны; 3) будучи не чем иным, как сокращенными обозначениями установленных выше понятий (понятий зависимости: управление, согласование, примыкание. — А. Б.), они внушают читателю мысль, что выражает какую-то другую сторону дела, помимо

---

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, 1938, стр. 267. Мы уже говорили об этом, но в другой связи (см. стр. 117 и 121 настоящей работы).

² С. И. Бернштейн, Вводная статья к шестому изданию «Русского синтаксиса», стр. 36. Строго говоря, это «новшество» даже не Пешковского: линия отождествления частей речи и членов предложения была развита Потемной и затем Белоруссовым.

понятий второстепенного предмета, второстепенного (покоящегося) признака, признака и действия, отвлеченного от деятеля. Между тем никакой другой стороны здесь нет. В настоящей книге делается попытка обойтись совсем без этих добавочных терминов».

Эти рассуждения Пешковского стоят в явном противоречии с выдвинутыми им ранее теоретическими положениями о том, что традиционное разделение слов на части речи и члены предложения — это «явление разного порядка» и «два разных подхода к одним и тем же фактам, две разные точки зрения». И действительно, в современном научном и школьном языкознании укрепилось именно такое понимание соотношений частей речи и членов предложения.

Есть серьезные основания предполагать, что новшества Пешковского, эта, так сказать, унификация названий при разделении слов по частям речи и членам предложения была обусловлена более всего соображениями методическими, чем теоретическими. Пешковскому казалось, что школьный грамматический разбор таит в себе опасный «грех... рассечения разбора на две ничем не связанные между собой операции»¹. Поэтому он, стремясь все более подчеркнуть мощь синтаксического начала, в то же время отмечает важность опоры на морфологические данные и отсюда приходит к выводу о необходимости слияния морфологического разбора с синтаксическим.

«...Нельзя говорить о каких-то витающих в воздухе «определениях» и т. д., не указавши, какими формами, т. е. какими звуковыми приметами, они выражены, — пишет он. — Это и ведет к полному слиянию морфологического разбора с синтаксическим»². На примере разбора формы и значения винительного падежа существительных Пешковский заключает, что «конечно, морфологическая сторона тоже не должна быть забыта, должно быть отмечено, что форма «дом» — общая для винительного и для именительного падежа. Но первый подход должен быть синтаксический, как потому, что он самый легкий, так и потому, что он ярче выявляет значения винительного падежа»³.

Но все же и тут тонкое чутье педагога-методиста не позволяло Пешковскому не видеть того, что «развивает у ученика грамматическое мышление», увеличивает «общее и з о щ р е н и е грамматико-распознавательных способностей ученика»⁴. «При предполагаемом нами слиянии обоих типов разбора... — пишет Пешковский, — ...если ученик скажет, что *отца* — второстепенный член предложения, выраженный родительным падежом существительного и относящийся к другому существительному (*дом*), то этим

¹ А. М. Пешковский, О грамматическом разборе, «Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 3, стр. 10.

² Там же, стр. 11.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 7.

он уже скажет главное, больше с него собственно нечего требовать. Если же он еще прибавит, что падеж этот имеет здесь такое-то значение (...что этот родительный падеж определяет собой другое существительное), то такое углубление можно только приветствовать»¹.

Казалось бы, что Пешковский, понимающий педагогическую целесообразность более глубокого понимания учеником значения слова как части речи и как члена предложения, должен был сопровождать это свое понимание утверждением двойной классификации слов как частей речи и как членов предложения. Но автора страшит школьная практика, механически отрывающая морфологию от синтаксиса, а их слияние при разборе, по мнению Пешковского, «положит конец традиционной школьной погоне за ярлыками, за кличками, налагаемыми механически»².

Но, увлекшись методическими соображениями, Пешковский перешагнул грани должного; вместо того чтобы внести в классификацию членов предложения дополнения и поправки, какие вносит в нее научная грамматика, он в целом отвергнул целесообразность такой классификации и отказался от логико-синтаксического определения членов предложения, объединив названия частей речи и членов предложения с признаками характера подчинительной связи между словами.

Но от этого скачка не только разрушается цельность теоретической основы классификации слов, но и проигрывает сама методика, ибо вместо обычных терминов «определение», «дополнение», «обстоятельство», как «сокращенных обозначений», Пешковский вводит очень длинные, тяжеловесные определения разных типов словосочетаний. Например, такие типы словосочетаний, как *пишу записку, люблю отца, ищу столовую* (приглагольное дополнение), Пешковским определяются как «глагол + управляемое существительное (или субстантивированное прилагательное)»³, а словосочетание типа *мщение врагу, рубка топором, любовь к отцу* и т. п. (приименные дополнения) Пешковским определяется как «существительное (или субстантивированное прилагательное) + управляемое им непосредственно или посредством (через предлог. — А. Б.) другое существительное (или субстантивированное прилагательное)»⁴. Подобные терминологические левиафаны-перифразы куда более неудачны, чем традиционные термины.

Не удивительно, что «эксперимент Пешковского не поколебал принципа двойной квалификации» (С. И. Бернштейн); современная школьная практика, следуя традиции, укрепленной еще Бус-

---

¹ А. М. Пешковский, О грамматическом разборе, «Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 3, стр. 10.

² Там же.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 286.

⁴ Там же, стр. 299.

лаевым, широко пользуется этой классификацией, не нарушая связей и граней между морфологией и синтаксисом и подчеркивая (вслед за Пешковским) взаимосвязь и взаимодействие между морфологическим и синтаксическим подходом в грамматическом разборе. Таким образом, непоследовательность и противоречивость Пешковского в отдельных вопросах, обнаруживаемые в его системе, снимаются его же теоретическими положениями; различие между лексико-грамматическими (морфологическими) и синтаксическими основаниями при классификации слов остается в полной силе.

Несомненно, что слова как части речи представляют собой единства, образуемые совокупностью признаков лексических, морфологических и синтаксических, и подводятся под соответствующие лексико-грамматические категории. В качестве же членов предложения слова подводятся под те же категории и дополнительно под определенные категории отношений, возникающих только в предложении, — отношения предикативные, атрибутивные, объективные и т. д.¹; связь между ними отнюдь не есть полное соответствие; несомненно, что названия членов предложения действительно, по словам Пешковского, «выражают какую-то другую сторону дела».

В современном языкознании части речи и члены предложения рассматриваются как понятия, взаимодействующие на почве их синтаксических функций; те и другие имеют свое семантическое назначение и свои формальные отличия. Что же касается методики изучения морфологии и синтаксиса и отсюда взаимоотношений самих понятий частей речи и членов предложения, то этот вопрос решается конкретно, применительно к разным разделам курса. В целом же эти понятия не могут рассматриваться изолированно друг от друга, ибо морфология и синтаксис в методическом плане хотя и могут быть понимаемы как относительно равноправные разделы грамматики, но они связаны между собой, каждый имея свою специфику.

Таким образом, Пешковский раннего периода в разрешении этого вопроса стоит ближе к современному советскому языкознанию, чем Пешковский в новой своей концепции, хотя его принципиальные исходные позиции (приоритет синтаксиса) остались теми же в понимании соотношения категорий частей речи и членов предложения.

4. Система частей речи у А. М. Пешковского. Исходя из понимания частей речи как «основных категорий нашей языковой мысли, Пешковский пытается найти те из них, которые являются наиболее типичными и откристаллизовавшимися в нашем сознании. Если в первой своей концепции (1914 г.) он называл

¹ См. об этом во вводной статье С. И. Бернштейна к шестому изданию «Русского синтаксиса» А. М. Пешковского. Ср. высказывания акад. А. А. Шахматова по этому вопросу в его «Синтаксисе русского языка», 1941, § 20, стр. 38.

с ем ь частей речи (глагол, существительное, прилагательное, причастие, наречие, деепричастие, инфинитив), то в новом варианте своей грамматической системы (с 1928 г.) он говорит лишь о ч е т ы р е х (существительное, прилагательное, глагол, наречие). Это изменение было обусловлено значительным смещением его общей лингвистической концепции, отказом от формально-морфологических принципов Фортунатова и углубленным развитием синтаксической точки зрения Потевни и Шахматова, новой методологией грамматического исследования, исходящей из единства вещественного и формального значений слова, из единства семантики слова и его грамматической формы. Вместо фортунатовского критерия деления слова на «форменные» и «бесформенные» (см. схему частей речи в 1-м издании «Русского синтаксиса») ¹ теперь Пешковский пытается найти другую опору деления слов по разрядам. Уже в 1925 г. он говорит, что эти разряды не только особые основные «словообразовательные формы языка», но и разряды слов «со стороны значения» ². Именно поэтому он в 3-м издании «Русского синтаксиса» отказался от категорического выделения инфинитива в особый разряд, рассматривая инфинитив как одну из основных форм каждого глагола и усматривая грамматическое и семантическое родство между инфинитивом и глаголом: инфинитив «можно образовать от каждого глагола, у него есть все видовые и все залоговые значения глагола во всех их мельчайших разветвлениях. Вот эта-то связь с глаголом при отсутствии связи с другими частями речи и делает инфинитив глаголом, так как части речи являются основными категориями нашей языковой мысли». Причастия и деепричастия он считает теперь смешанными категориями, тяготеющими прежде всего к глаголу.

Акад. В. В. Виноградов считает, что смещение общих точек зрения в системе Пешковского, отразившись на грамматической характеристике частей речи и обусловливаемых ими категорий, не привело к резким изменениям самого с о с т а в а ч а с т е й р е ч и. «По-прежнему, — говорит он, — выступают четыре основные части речи: имя существительное, прилагательное, глагол и наречие, правда, понимаемое теперь не как класс «бесформенных слов без синтаксических форм», а как «целиком синтаксическая категория» ³.

Нельзя, однако, не видеть, что у Пешковского были довольно значительные изменения состава частей речи.

Пешковский выделяет в 3-м издании «Русского синтаксиса» специальную главу «Местоименность» (VIII), где рассматривает части речи, недостающие в его книге по сравнению со школьным ка-

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 35.

² А. М. Пешковский, Синтаксис в школе. Сборник статей, 1925.

³ В. В. Виноградов, Современный русский язык, 1938, вып. 1, стр. 33; ср. у Пешковского «Русский синтаксис», изд. 6, стр. 119.

ноном (местоимения, числительные, предлоги, союзы, междометия), и устанавливает своеобразие их грамматической природы, их разряды, переходы между местоимениями и не местоимениями, их синтаксическую роль и т. д.

Систему частей речи Пешковского надо рассматривать на фоне различных систем других русских лингвистов¹. В них отсутствует не только количественное единство в частях речи (амплитуда колебания от нуля /Петерсон/ до 22/Щерба/), но и единство в самих принципах классификации слов по разрядам. Наиболее аргументированная схема категорий слов акад. Виноградова² в известной степени намечает тот идеал, к которому могли бы прийти разноречивые концепции. Не удивительно, что в схеме Пешковского и в его принципах классификации слов много исканий, спорных положений и т. п. Но его искания в этой области шли не по линии отрыва семантической характеристики основных грамматических категорий от формального базиса его грамматической системы (как утверждает акад. Виноградов), а по линии учета своеобразной природы слов с точки зрения единства их лексической, морфологической и синтаксической характеристики³.

По вопросу о системе частей речи остаются нерешенными противоречия между научной и школьной грамматикой: не только число (от 0 до 22 в научной и 10 частей речи в школьной грамматике), но и качественная характеристика отдельных категорий разноречива. Например, в ряде научных курсов грамматики порядковые числительные относятся к прилагательным, категория состояния интерпретируется то как «безлично-предикативные слова» (Абакумов), то как «предикативные наречия» (Земский, Крючков, Светлаев), то совсем не упоминается (школьный учебник под ред. Щербы и «Учебник русского языка» Бархударова и Крюčkова).

Разногласия наблюдаются и в отношении так называемых модальных слов. Что они такое — часть речи или не часть речи? (Ср. взгляды Виноградова, Абакумова, Мещанинова и др.) В школьной же грамматике модальные (вводные) слова изучаются как части речи, хотя они и не называются понятием, а служат лишь для выражения отношения говорящего к высказыванию.

Научные споры по этим вопросам объясняются прежде всего тем, что ученые (каждый по-своему) кладут в основу классификации разрядов слов разные критерии.

Характерна в этом отношении дискуссия о частях речи, прошедшая в Институте языкознания АН СССР в июне 1954 г. Док-

¹ Общий обзор истории разработки частей речи в русском языке (начиная с Ломоносова и до наших дней) см. в брошюре проф. Н. С. Поспелова «Учение о частях речи в русской грамматической традиции» (МГУ, 1954).

² См. В. В. Виноградов, Русский язык, 1947, стр. 44.

³ См. определения существительного, прилагательного и глагола в книге А. М. Пешковского «Русский синтаксис», изд. 6, стр. 96, 99, 103—104.

ладчики и ораторы этого широкого собрания настолько разошлись в характеристике принципов классификации слов как частей речи, что не смогли прийти ни к каким согласованным положениям. Выявились четыре разных подхода к решению вопроса о том, что такое часть речи; одни клали в основу лексическое содержание слова с наслоениями морфологических форм; другие исходили из роли слова в предложении, из его синтаксической функции; третьи считали, что части речи — это лексико-грамматические категории (точнее: лексико-морфологические); четвертые энергично отстаивали морфологию как незыблемую основу классификации слов по частям речи, вне их лексического содержания. И никто, к сожалению, не упомянул об общепринятой в средней и высшей школе традиции выделять части речи по совокупности разных признаков (лексических, морфологических, синтаксических), которые проявляются с разной силой в отношении отдельных рядов слов.

Более того, проблему частей речи один из ораторов этого совещания (Б. А. Серебренников) назвал «вечной проблемой», имея в виду, очевидно, допустимую (?) возможность ее истолкования с разных точек зрения.

Стоит ли удивляться тому, что точка зрения А. М. Пешковского по вопросу о частях речи является предметом споров?

Вряд ли основательно считать, как это делает акад. В. В. Виноградов, что «семантические характеристики основных грамматических категорий у Пешковского представляются оторванными от формального базиса его грамматической системы»¹. Такое обобщение не может быть распространено ни на отдельные этапы грамматических взглядов Пешковского, ни тем более на всю его грамматическую систему. Выше мы уже показали, как боролся Пешковский с формалистами против узкоморфологического принципа деления слов по разрядам, отстаивая необходимость учета признаков лексических, морфологических и синтаксических. Принцип единства грамматического значения слова он не отрывал от его семантики, а рассматривал их в связи и взаимодействии. «Оттенок предметности» существительных для Пешковского был «теоретической опорой школьного курса грамматики» не только потому, что это «грамматический предмет» (чисто формальная категория), а потому, что это понятие рассматривалось им в единстве с семантической характеристикой существительных. «Категория существительного имеет огромное значение для нашей мысли, — пишет он. — Без нее невозможно было бы никакое знание, никакая наука. Нельзя было бы, например, говорить ни о свете, ни о теплоте, ни об электричестве, ни о жизни, ни о государстве, ни о самом языке; ведь ничего этого отдельно не существу-

¹ В. В. Виноградов, Современный русский язык, 1938, вып. 1, стр. 31—32.

ет... Характерно, что философский термин «субстанция», обозначающий неизменную сущность сменяющих друг друга явлений, одного происхождения с латинским названием существительного (*substantivum*; впрочем, и у нас «сущность», «существо» и «существительное»). Существительное и есть, действительно, для языковой мысли то, чем для философской мысли является субстанция. А тому, что в философии называется «атрибутом» и «акциденцией», в языке соответствуют... прилагательное и глагол»¹. Это дает возможность Пешковскому сделать глубокое обобщение, что части речи — «основные категории мышления»².

Единство семантического и формально-грамматического признака служит для Пешковского критерием выделения и других, «не менее важных категорий: глагола и прилагательного»³. Исходя из определения существительного как слова, обозначающего предмет, Пешковский говорит, что «и прилагательное и глагол обозначают то, что мы приписываем предметам. А предметам мы приписываем, конечно, их признаки. Это и есть самое общее значение обеих этих частей речи. Это значение тесно связано у них с формами согласования с существительными, подобно тому как значение предметности связано в существительном с тем, что с ним согласуются прилагательное и глагол»⁴.

«В глаголе признак изображается как действительность предмета... в прилагательных изображаются признаки, заложенные в природе предмета. Это и будут наиболее точные определения категорий глагола и прилагательного»⁵, — пишет Пешковский.

Но единство семантического и грамматического значения слова для Пешковского не было тождественным потебнианскому тезису об «однородности» вещественного и формального значения. Для Пешковского теперь тезис Потебни об «однородности» становится пройденным «завоеванием» (термин проф. Бернштейна)⁶. Пешковский говорит о необходимости в известных случаях считаться со случаями «раздвоения» в значениях слов и предостерегает читателя от того антиграмматического «гипноза», который исходит от вещественных значений слов. В категории глагола, например, оттенок действия может совпадать со значением вещественной части слова (*ходит, бежит*), может расходиться с ним (*зеленеет, грустит*), может, наконец, противоречить ему (*ленится*). В известном школьном определении глагола как слова, обозначающего действие или состояние, Пешковский видит отражение подлинно глагольной категории лишь в первой части (действии), а

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 3, стр. 83; изд. 5, стр. 66—67; изд. 6, стр. 95; изд. 7, стр. 74.

² Там же.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 96.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 103—104.

⁶ См. С. И. Бернштейн, Вводная статья к шестому изданию «Русского синтаксиса» А. М. Пешковского, стр. 27.

«состояние» — это уже различие «вторичное». Этим Пешковский объясняет, что, несмотря на реальные противоречия в понятиях «покоя» и «движения», мы воспринимаем в одном слове эти противоположные понятия как «сочетание двух значений». Поэтому и там, где обычная реальная намеренность действия, свойственная категории глагольности, выступает в ее противоположности («умер» — понятие, противоположное намеренности действия или состояния), мы все же воспринимаем категорию глагольности. Отсюда и возможность отлета реального значения от вещественного, возможность метафоричности глагола.

Почернел ты весь, затуманился...

Одичал, замолк... только в непогоду

Воешь жалобу на безвременье. (Кольцов)

Категория грамматической глагольности как единство семантического значения (с противоречиями и отклонениями в смысле) и грамматической формы (единство, но не однородность) позволяют и тут воспринять самую природу явления. «Если бы вместо *почернел, одичал*, — пишет Пешковский, — сказано было *сделался черен, сделался дик*, лес не показался бы нам таким живым, не напомнил бы так ясно насупившегося, нахмурившегося человека. Значит, глаголы — это какие-то «живые» слова, оживляющие все, к чему они приложены»¹. Следовательно, Пешковского интересует именно взаимодействие грамматических и лексических форм в структуре слова или в структуре целых синтаксических категорий слов; для него далеко не безразличны эти отношения². Именно поэтому он отказался от трактовки инфинитива как самостоятельной «лексемы», включив его в категорию глагола.

Соотношение вещественного и грамматического значения в слове Пешковский чрезвычайно остроумно уподобляет силам, «приложенным к одной и той же точке (к слову), но действующим то в одном направлении, то во взаимно пересекающихся направлениях, то, наконец, в прямо противоположных направлениях», причем «сила вещественного значения, подобно течению реки, увлекающей какой-нибудь предмет, будет очевидна, а сила формального значения, подобно ветру, дующему против течения и удерживающему тот же предмет, потребует специальных приемов исследования»³.

Диалектический подход Пешковского к языковым явлениям позволяет ему глубоко понять не только соотношение вещественного и формального значений в частях речи, но и то своеобразие, в котором оказываются некоторые грамматические категории. Это мы показали уже на существительном

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 99

² Ср. с этим противоположное утверждение акад. В. В. Виноградова в его книге «Современный русский язык», 1938, вып. 1, стр. 24.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 99.

и глаголе. Приведем еще пример с прилагательным. Известно, что школьная грамматика различает качественные и относительные прилагательные, причем для первых считается характерным признаком возможность их изменения по степеням сравнения (*сильный — более сильный, сильнее; вкусный — более вкусный, вкуснее* и т. п.), для относительных же прилагательных считается характерным их предметная основа; способность относительных прилагательных быть в роли качественных признается лишь у тех из них, которые, употребляясь в переносном значении, приобретают значение качественных. Ср. *стальной нож* (относительное) и *стальная воля*, т. е. твердая, как сталь (качественное)¹ и т. д. Пешковский же отмечает, что у прилагательных «качественная основа только способствует образованию степеней сравнения, но не обуславливает их категорически»² и что «предметная основа не препятствует образованию степеней сравнения, если отношение к предмету забывается, сознается слабо, а на первый план выступает в сознании значение качества». Так, мы можем без всякого колебания сказать: *сегодня день туманнее* *вчерашнего*, *ветер влажнее*, *почва песчанее* и т. д. «Это приводит нас к тому, — пишет Пешковский, — что в прилагательных типа *туманный, влажный*, кроме значений самих предметов (туман, влага) и значения отношения к этим предметам, выраженного суффиксом *-н-* (откуда они и называются «относительными»), есть еще и значение качества»³.

Такой анализ взаимопроникновения значений в связи с изменением грамматической формы слова еще раз убеждает нас в том, что для Пешковского семантика и форма — величины, рассматриваемые не в плане их «однородности» (как у Потемни), а в плане их соотносительности друг с другом и в плане их единства.

Этот принцип анализа языковых явлений особенно четко выявляется у Пешковского при рассмотрении наречий. Считая наречие одной из основных четырех частей речи, он в новой своей концепции обходит молчанием свое прежнее определение наречий, как «форменных слов с одними несинтаксическими формами»⁴.

Пешковский обогатил школьную грамматику тем, что подробно проследил морфологическую сторону этой части речи, указав на наречия не только с окончаниями на *-о*, но и на *-ски, -ики*, с префиксом *по-*, численные наречия разного образования (*вдвое, втрое; однажды, дважды* и т. д.), наречия, образованные с помощью разных падежей существительных с предлогами и без них (*рядом, рывком, сряду, сверху, второпях, наугад* и т. п.), совершенно бесформенные наречия (типа *здесь, там, вчера* и т. п.). Он под-

¹ Учебник «Грамматика русского языка», ч. 1, под ред. Л. В. Щербы, 1946, стр. 91.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 101.

³ Там же.

⁴ См. схему частей речи в первом издании «Русского синтаксиса» А. М. Пешковского.

робно прослеживает и различные семантические гнезда наречий по их смысловым оттенкам обстоятельности или необстоятельности. Первые подразделяются по значениям на наречия времени (*вчера, тогда* и т. д.), места (*здесь, везде*), совместности или совокупности (*вдвоем, вместе, сообща, в одиночку*), причины (*почему, отчего, сдуру, со зла*), цели (*зачем, затем, назло, нарочно*). Необстоятельные наречия разделяются на две крупные и важные рубрики: качественные и количественные. Наречия первой группы обрисовывают способ действия (*читает вслух, про себя, быстро* и т. п.); а вторые — степень проявления действия или признака (*много читает, очень увлекается, крайне занят* и т. д.). Но этим самым Пешковский вводит в определение групп значений наречия синтаксический признак (отношение наречия к другим частям речи — к глаголу или прилагательному) и определяет наречие как «признак действия» (при глаголе) или как «признак признака» (при прилагательном или наречии).

Имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие, по Пешковскому, являются основными частями речи и основными грамматическими категориями¹. Они, по мнению автора «Русского синтаксиса», в той или иной степени оформления существуют во всех человеческих языках, независимо от того разнообразия языковых средств, какими они выражаются, и всюду являются категориями, обуславливающими все другие категории. Эти последние, по Пешковскому, являются по значению смешанными категориями, причем в их значениях смешаны элементы именно этих четырех категорий, хотя эти другие могут быть также категориями столь же общего порядка и могут претендовать на такое же исключительное положение (причастие, деепричастие, инфинитив).

Совершенно очевидно, что части речи в своем количестве и качестве не представляют собой постоянной и неизменной языковой группировки; они формируются и взаимодействуют; слово обнаруживается то в роли одной части речи, то в роли другой, а вместе с этим изменяются и частные, сопутствующие категории слова; так, прилагательное, переходящее в имя существительное, утрачивает ряд своих признаков и получает взамен их другие, а имя, ставшее наречием, уже не изменяется по падежам.

В этом свете чрезвычайно плодотворными являются попытки Пешковского проникнуть во внутреннюю динамику жизни частей речи и рассмотреть «смешение, замену и переходные случаи в области частей речи» (под таким названием дана весьма содержательная глава VII «Русского синтаксиса» в 3-м издании). Будучи ранее сам классификатором слов на «форменные» и «бесформенные», Пешковский теперь становится решительным сторонником признания грамматического строя языка как живой и подвижной системы (конечно, не в смысле «революции» и

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 119.

«внезапных взрывов»), в которой слова и формы слов функционируют как подвижные единицы лексико-грамматических значений. Эти соображения Пешковского и до сих пор сохраняют ценность, свежесть и оригинальность, а также имеют учебно-практическое (методическое) значение, так как смешение, замены и переходные случаи в области частей речи весьма распространены, но, к сожалению, недостаточно изучаются школьной грамматикой. Что же касается научной грамматики, то эта сторона вопроса о частях речи (их подвижность и взаимопереходность) получила обстоятельное освещение в труде акад. В. В. Виноградова «Русский язык» (1947); весьма содержательна и интересна в этом плане работа проф. Е. М. Галкиной-Федорук «Наречия в современном русском языке» (М., 1941), где прослеживаются отграничения категории наречия от других категорий, а также переход категории наречия в другие категории. Значительной полнотой наблюдений над фактами переходности в области частей речи отличаются и современные труды по грамматике¹.

А. М. Пешковский, критикуя классификаторов—исследователей языка, говорит, что они стараются разместить все слова по тем или иным рубрикам. «Это обычно плохо удается, и исследователям приходится либо насильно втискивать некоторые слова в не покрывающие их рубрики, либо придумывать новые, мелкие и несоотнесительные с основными рубриками. Наш подход... совершенно иной. Мы не делим слова на разряды, а выделяем из языка группы слов и форм с одинаковыми формальными значениями. При таком методе нас не должно тревожить, если некоторые полные слова... не окажутся никакими частями речи... Все это будут, — говорит Пешковский, — не выкристаллизовавшиеся к данному моменту в отношении категорий частей речи слова языка, аморфные, так сказать, в этом отношении»². В частности, *есть* и *нет* хотя и входят, по Пешковскому, «в очень близкую к глаголу категорию сказуемости (см. гл. X «Русского синтаксиса»), но в ...категорию глагольности не входят». Вот уже первые два примера «никакой» части речи. Далее Пешковский рассматривает серию слов, выступающих в роли присвязочных безличных сказуемых.

А. М. Пешковский убедительно показывает³, что в этой роли выступают многие слова с лексическим значением состояния при определенном построении предложения; сюда, очевидно, будут относиться не только слова *можно*, *нельзя*, *надо*, но и ряд бесформенных слов, употребляющихся в качестве присвязочных членов при безличном составном сказуемом: *стыдно*, *больно*, *жалко* (в смысле *жаль*), *нужно*,

¹ См. например: а) «Современный русский язык. Морфология», изд. Московского университета, 1952; б) «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, 1953, т. I, и др.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 150.

³ См. там же, стр. 158—161.

должно и некоторые другие. Слова эти, по Пешковскому, до такой степени специализировались в роли присвязочных безличных сказуемых, что, употребляя их в других функциях, мы чувствуем какую-то неловкость и стремимся избежать ее либо употреблением других форм (он *по-должному* работает, поведение его было *должное*), либо переносом ударения (*ваше присутствие было нужно* в отличие от *вас было нужно*), либо, наконец, постановкой синонима (*ваше присутствие было необходимо*).

До некоторой степени это можно сказать про все слова на *-о*, употребляющиеся в безличных предложениях при связке (*весело, грустно, смешно, холодно, жарко, противно, гадко, приятно, светло, темно, тепло, удобно, легко, неудобно, неловко, тяжело, тошно* и т. д.), так как в наречном употреблении они всегда в той или иной степени меняют значение (ср. *мне холодно* и *он холодно отнесся ко мне; ему неловко танцевать* и *он неловко танцует*).

Словом, А. М. Пешковский указал на такие группы слов, которые трудно вместить в традиционные разряды частей речи. Это высказывание Пешковского было поддержано Л. В. Щербой, который в статье «О частях речи в русском языке» (1928) назвал эту серию слов «категорией состояния», а В. В. Виноградов развил мотивировку введения «категории состояния» в разряд частей речи («Русский язык», 1947).

Однако споры по вопросу о том, существует ли в русском языке категория состояния, продолжаются и до сих пор¹: одни ученые отрицают наличие категории состояния (проф. М. Н. Петерсон, проф. А. Б. Шапиро, проф. П. С. Кузнецов, акад. Ф. Р. Травничек и др.), другие считают, что эта категория свойственна современному русскому языку (акад. Л. В. Щерба, акад. В. В. Виноградов, проф. А. В. Исаченко, проф. Н. С. Поспелов и др.). К последней точке зрения примыкал и проф. А. М. Пешковский, будучи глубоко убежденным в том, что определенная серия слов часто выступает в безлично-предикативной функции и в этом случае не может быть включена в другую какую-либо категорию слов. Эта особая группа слов и получила в науке название «категории состояния».

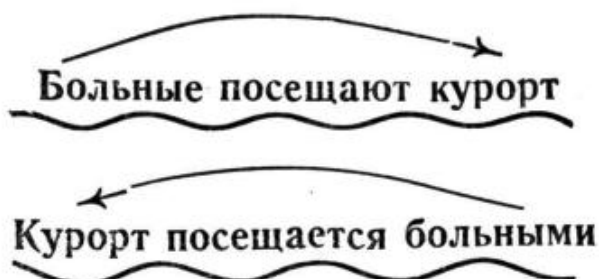
Известное место в системе Пешковского занимает вопрос о смешении частей речи. Смешение частей речи, по мнению Пешковского, неразрывно связано со словообразованием вообще, но «наряду с этим существует еще «смещение» частей речи в более узком смысле, когда словообразование ведет к образованию отдельных крупных и важных рубрик, которые можно было бы назвать смешанными частями речи. Это бывает тогда, когда частные категории, характерные для одной какой-нибудь части речи (например, падеж, время, вид, залог, и т. д.), оказываются частично свойственными другой части речи. Так, в русском языке оказываются: внутри категории существительного более уз-

---

¹ См. две дискуссионные статьи проф. А. Б. Шапиро и проф. Н. С. Поспелова о категории состояния («Вопросы языкознания», 1955, № 2).

кая категория глагольного существительного, внутри категории прилагательного категория глагольного прилагательного, внутри категории наречия категория глагольного наречия. А внутри двух последних категорий выделяются еще более узкие категории причастия и деепричастия. Все эти категории мы и называем смешанными частями речи¹.

Глубокий и тонкий анализ фактов языка, прослеживание того, как частные категории (вид, время, падеж и т. д.) роднят и объединяют отдельные части речи, делая их «смешанными», у Пешковского сопровождается и методическими замечаниями. Так, показывая, что категория вида обозначает, «как протекает во времени и как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола»², Пешковский замечает, что «в области совершенного и несовершенного видов... нет строгой парности, которая есть в глаголе, а так как всякое грамматическое значение создается только сравнительно с другим аналогичным или противоположным значением (разрядка моя. — А. Б.), то и самые значения здесь завуалированы, бледны. Так, если мы сравним, с одной стороны, положим, *рассматривал—рассмотрел*, а с другой—*рассматривание — рассмотрение*, то заметим, что значение «точности» ясно только в глаголе *рассмотрел*, в существительном же *рассмотрение* оно сходит на нет. Но в той или иной мере категория вида оказывается свойственной и существительным, и в соответствующей мере мы можем говорить здесь о смешении существительного с глаголом»³. Исходя из своего определения значения глагола как «признака, создаваемого деятельностью предмета», Пешковский определяет общее значение залога как «особое отношение глагольного признака к его субъекту, помимо того отношения, которое выражено в самой категории залога»⁴. Отсюда Пешковский признает только один залог — возвратный, невозвратный же он рассматривает как «нулевую» залоговую категорию. Показывая смысловое значение залога, Пешковский говорит, что направление действия при возвратном и невозвратном глаголе «в школе издавна... правильно изображалось такой схемой:

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 121.

² Там же, стр. 122.

³ Там же, стр. 127.

⁴ Там же, стр. 136.

Форма творительного падежа делает деятеля (субъекта) объектом действия по отношению к предмету. Субъект делается как бы объектом, объект — как бы субъектом»¹.

Причастия и деепричастия, по Пешковскому, — смешанные части речи, так как: 1) они имеют последовательно проведенные по всей категории значения глагольных видов, 2) они имеют значение залогов, 3) они имеют значение времен.

Категорию «неопределенного наклонения» Пешковский отвергает, находя более удобным латинский термин «инфинитив», который при всем генетическом родстве с существительным все же рассматривается им как одна из форм глагола (об этом мы уже говорили выше в другой связи). Поэтому в понятие «глагол» Пешковский включает в сущности четыре части речи: 1) собственно глагол (в узком смысле), 2) причастие, 3) деепричастие и 4) инфинитив, но последние три не самостоятельные, а смешанные и входят в глагол (в широком смысле слова).

Но в третьем издании «Русского синтаксиса» Пешковский не ставит педагогические школьные цели на равный уровень с научными, поэтому считает правомерным отступление от традиционной схемы частей речи, стремясь прежде всего раскрыть динамику языка, подвижность грамматических категорий. Эта идея Пешковского, несомненно, оказала большое влияние на последующие лингвистические исследования. Не удивительно, что вопрос о замене и переходных случаях в области частей речи все более привлекает внимание исследователей современного русского литературного языка.

Таким образом, для Пешковского слово подчиняется закону синтаксиса, выступая в роли того или другого члена предложения. Но выступление отдельно взятого слова в синтаксическом значении определенного члена предложения еще не является достаточным основанием для отнесения этого слова к той части речи, для которой обычно выступает в этом члене предложения. Наличие грамматических категорий, свойственных одной части речи, сохраняет слово именно в этой части речи, хотя бы оно выступало не в том членении предложения, в каком оно обычно выступает. Общность некоторых частных категорий (вид, время, падеж и т. д.) делает некоторые части речи смешанными (или родственными). Это расширяет фактические возможности синтаксического использования отдельных слов: существительное может выступать не только подлежащим и дополнением, постоянным выразителем которых оно является, но и определением, обстоятельством, сказуемым и т. д.

Указывая на глагольную форму сказуемости как важнейшую, Пешковский в то же время говорит о выражении предикативности формами причастия, деепричастия, наречия, инфинитива и даже формами именительного падежа существительных (в последнем

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 131—132.

случае при наличии предикативной интонации). Отсюда особый вид предикативного выражения именительным падежом существительного — «заменительным бытийным»:

Мечты, мечты...

Где ваша сладость? (именительный представления)

или следующее бытийное своеобразие формы сказуемого:

*Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья...¹.*

Широкий учет Пешковским грамматических форм слов как частей речи и их синтаксических функций (как членов предложения) позволяет нам отвергнуть тезис проф. С. И. Бернштейна о том, что Пешковский вслед за Потемной отождествляет части речи с членами предложения². Рассмотрение тех и других в тесной связи и взаимодействии не есть еще их отождествление.

Пешковский тщательно исследует способы субстантивации и прилагательных и причастий в зависимости от синтаксических данных. Разнообразие его многочисленных примеров и их убедительность трудно переоценить и невозможно объять даже в общем виде. Поэтому извлекаем отдельные примеры лишь для иллюстрации некоторых положений:

Старое старится, молодое растет. (Пословица)

Уведи меня в стан погибающих

За великое дело любви. (Некрасов)

В наше время чаще говорят *рабочий* (вм. *рабочий человек*), *столовая* (вм. *столовая комната*) и т. д.

«Переходные факты в области частей речи являются следствием того, — пишет Пешковский, — что отдельные слова на почве звуковых изменений и изменений значения... медленно и постепенно переходят в новую категорию»³.

Но слово изменяется не само по себе. Взятое в отдельности, т. е. изъятое из контекста, слово остается неясным в своей принадлежности к другой части речи, если последней не отвечает формальная сторона слова, сохранившего старую форму. Ср. слово *русский* в предложениях: 1) *Я русский*; 2) *Русский поймал их настороженные взгляды* (Н. Тихонов). В первом случае значение слова колеблется, во втором — оно определено существительное.

Но наиболее резко выражена и чаще всего встречается переходность в области наречий. «Дело в том, — пишет Пешковский, — что все наши наречия, кроме весьма немногих (*здесь, там, тут* и др.), произошли сравнительно недавно, уже в славянскую

¹ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 172—186.

² Ср. главу тринадцатую вводной статьи С. И. Бернштейна к шестому изданию «Русского синтаксиса» Пешковского, стр. 34 и др.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 153.

эпоху, из прилагательных и существительных»¹. «Поэтому в отдельных случаях не всегда легко решить, имеем ли мы перед собой существительное или наречие. Сравнивая, например, два ряда сочетаний:

Он говорил <i>шепотом</i>		Он говорил <i>еле слышным шепотом</i>
Лошадь бежала <i>рысью</i>		Лошадь бежала <i>мелкой рысью</i>
Я приехал <i>утром</i>		Я приехал <i>ранним утром</i>
<i>Летом</i> я буду отдыхать		<i>Этим летом</i> я буду отдыхать

— мы можем сказать, что в правых мы имеем несомненные существительные, так как здесь сознание творительного падежа поддерживается прилагательными, стоящими тоже в творительном падеже, про левые же примеры трудно решить, сознаются здесь творительные падежи или нет: здесь мы имеем *еле* зарождающиеся наречия»².

Слово может даже совсем перейти из одной части речи в другую, нередко без изменения своей формальной стороны, но все же с изменением содержания своих грамматических категорий: *учащаяся молодежь, учащиеся молодые люди* и *учащиеся средней школы*, при аналогичном по значению *ученики средней школы*.

«Не менее трудные для различения случаи переходных значений в области частей речи образуются в нашем языке вследствие процесса перехода причастий в обыкновенные глагольные прилагательные, а отчасти и деепричастий в обыкновенные глагольные наречия, хотя второй процесс гораздо реже и слабее первого... Возьмем, например, выражения *блестящий оратор, блестящее исполнение* и т. д.»³. «Причастность» сознается здесь крайне бледно, ибо изменилось содержание (значение) частных грамматических категорий (в этом контексте отсутствует представление о сопутствующих категориях вида, времени, залога, потеряна и синтаксическая связь управления). Между тем форма слова в другом контексте могла бы возбудить представление о принадлежности этих слов к причастию (*оратор, блестящий остроумием...* и т. п.).

Во многих случаях процесс утраты причастиями своего глагольного значения дошел до конца, и они превратились в чистые прилагательные: *образованный человек* (ср. *союз, образованный в таком-то году*), *преданный друг* (ср. *коварно преданный своим другом*), *соленый* (ср. *посоленный*), *хваленый* (ср. *расхваленный*) и т. д.

Трудности школьного грамматического разбора как раз и объясняются наличием в русском языке большого количества таких «переходных» случаев в области частей речи; это в свою очередь отражается и на правописании, осложняя понимание орфографии

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 153.

² Там же, стр. 155.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 156.

и правила пунктуации. Таков процесс перехода деепричастий в глагольные и неглагольные наречия: *шутя* (*чтоб не измучилось дитя, учил его всему шутя...*) (Пушкин), *молча* (*молча об этом*); ср. деепричастие *стоя* (*стоя на платформе советской власти*) и наречие *сто́я* (*работаю стоя*).

Полные слова (знаменательные) переходят в служебные: наречие в предлоги (*лежать, кроме ограды монастырской, тяжело голове, кроме плеч, худо телу, кроме головы*) — здесь наречие из местоимения *кроме* — *край*; ср. современное наречие *кроме* в роли предлога: *все, кроме одного*, и т. д.; ср. колебания в значениях: *я приду, после* (наречие) и *я приеду после обеда* (предлог). Способность переходить в предлоги свойственна и деепричастиям (ср. *благодаря тебе = из-за тебя; благодаря чему = из-за...*), хотя вместо дательного падежа в настоящее время в канцелярском обиходе есть еще форма — *благодаря чего* (т. е. с родительным падежом), по аналогии с *благодаря бога и барина* (Пушкин), так как из-за потери деепричастного смысла винительный падеж имен, обозначающих одушевленные предметы, был понят как родительный и в таком понимании перенесен на имена неодушевленных предметов.

Точно так же и союзы часто происходят из всевозможных грамматических разрядов (ср. *хотя* из деепричастия и *хотя* от глагола *хочу; если* из *есть ли* и т. п.).

Все эти глубокие наблюдения над языком дают возможность Пешковскому сделать обобщение о шаткости отдельных слов как частей речи и о том, что многие слова в силу своей «невыкристаллизованности» трудно отнести к какой-нибудь части речи.

5. Таким образом, теория частей речи разработана Пешковским глубоко и оригинально. Чрезвычайно плодотворна сама идея о разделении слов по основным и смешанным категориям и о переходных случаях в области частей речи.

Невыдержанность самой системы частей речи у Пешковского объясняется сложностью решаемой проблемы и эволюцией грамматической концепции ученого на разных этапах его научной деятельности. Рассмотрение частей речи как «основных категории нашей мысли», принцип подвижности и взаимодействия частей речи с членами предложения, изменяемость и взаимопереход в области частей речи — самое существенное в учении Пешковского о частях речи.

А. М. ПЕШКОВСКИЙ О СОДЕРЖАНИИ И ЗНАЧЕНИИ ШКОЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ГРАММАТИК И О ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

В грамматической системе А. М. Пешковского вопрос о школьной и научной грамматиках занимает большое место и рассматривается в двух планах: во-первых, со стороны содержания школьной и научной грамматики и, во-вторых, со стороны значения и целей изучения школьной грамматики, сравнительно с научной грамматикой.

Рассмотрим по порядку эти вопросы.

1. Вопрос о содержании школьной и научной грамматик и о взаимоотношении их интересовал многих русских лингвистов и методистов на протяжении всей истории русской грамматики как науки и как учебного предмета.

Подлинно научную основу русской грамматики создал М. В. Ломоносов, который в своей «Российской грамматике» (1755) представил систематический свод правил русского языка. Будучи трудом научным, грамматика Ломоносова в то же время предназначалась быть и учебным пособием для юношества, так как содержание, объем, проблематика, а также цели и задачи школьной и научной грамматик тогда почти совпадали.

В дальнейшем круг вопросов научно-грамматических исследований вышел далеко за пределы потребностей школьной грамматики. В начале XIX в. в трудах по русской грамматике Н. И. Греча, А. Х. Востокова, В. Г. Белинского и других обнаруживаются тенденции дать не только «практическую грамматику» для обучающегося юношества, но и глубокую научную трактовку оснований русской грамматики в общефилософском и сравнительно-историческом плане.

В середине XIX в. расхождения между научной и школьной грамматикой отчетливо обнаружили не только по целям и задачам, но и по содержанию, объему, по проблематике. В филологических исследованиях Г. П. Павского (1841—1842), в общесравнительной грамматике русского языка И. И. Давыдова (1852), в «Опыте русской грамматики» К. С. Аксакова (ч. I, 1860; ч. II, 1880), в «Объяснении по некоторым вопросам русской граммати-

ки», в частности о значении форм русского глагола, Н. П. Некрасова (1869), а также в труде Ф. И. Буслаева «Историческая грамматика русского языка» (1858) и в ряде других работ русских лингвистов научная грамматика русского языка завоевала себе прочное место, а в школьной грамматике стали излагаться лишь основы науки в ее элементарных очертаниях.

Однако направления этих очертаний в последующем этапе развития школьной грамматики стали видоизменяться под влиянием все более развивающейся научной грамматики, хотя в свою очередь и процесс становления русской научной грамматики был тоже тесно связан в середине XIX в. с разработкой содержания и методического построения курса школьной грамматики. В этом плане следует отметить (вместе с целым рядом других авторов школьных грамматик) грамматические труды В. Я. Стоюнина — виднейшего русского педагога 60-х годов, на взглядах которого сказалось плодотворное влияние революционно-демократической идеологии. Его «Высший курс русской грамматики» (1855) был удостоен подробных рецензий Н. Г. Чернышевского и Я. Турунова и в течение полстолетия выдержал шесть изданий; вместе с тем и «Русский синтаксис» В. Я. Стоюнина (впервые изданный в 1871 г.) также оказал влияние на преподавание грамматики русского языка в школе.

Своеобразное положение среди противоречивых и идеологически разнородных работ по русскому языку и его истории занимают в 40—60-е годы труды Ф. И. Буслаева, который в «Опыте исторической грамматики русского языка» (1858, т. I, Этимология; т. II, Синтаксис) стремился дать связный очерк грамматических форм и грамматических категорий, сопровождая описание современных ему форм и категорий историческими экскурсами и комментариями, основанными на многочисленных фактах древнерусской письменности, областных народных говоров, фольклора и литературных памятников XVIII—XIX вв. Синтаксис русского языка Буслаев (вслед за Гречем и Белинским) построил в основном на логической основе. Грамматические труды Буслаева (особенно в области синтаксиса) оказали большое влияние на построение школьных грамматик. Это влияние чувствуется и до настоящего времени. Однако несмотря на господство системы Буслаева в школе, резкой критике подверглись его односторонне логическая точка зрения на язык и ряд его ретроспективных (обращенных к прошлому) построений по истории языка, например учение о двух стадиях развития языка в его отношении к мышлению: 1) стадии образного, конкретного мышления с многообразием этимологических форм и 2) стадии отвлеченного мышления с преобладанием синтаксических форм.

Концепции Буслаева породили ряд направлений в последующем развитии русской науки о языке; одни положения Буслаева, хотя и с разных позиций, резко критиковались (К. С. Аксаковым, Н. Г. Чернышевским, А. А. Потебней), другие положения Буслае-

ва объективно определили решение некоторых частных вопросов русской грамматики рядом ученых (ср. учение о двух стадиях развития языка в работе А. А. Потебни «Мысль и язык», его же учение о внутренней форме слова, а также синтаксическую точку зрения на язык).

В течение XIX в. русской наукой были накоплены ценные материалы по изучению истории русского языка, его грамматики и словарного состава, его связей с другими родственными языками, а также по изучению русских говоров. Работы русских революционных демократов: Белинского, Чернышевского, Добролюбова, создали теоретические предпосылки для углубленного изучения и научного обобщения собранных материалов.

Вторая половина XIX в. (особенно в 70-е и 80-е годы) характеризуется переходом к более углубленному изучению грамматического строя русского языка на основе сравнительно-исторических сопоставлений. В работах А. А. Потебни, Н. А. Бодуэна де Куртене, Н. В. Крушевского, Ф. Ф. Фортунатова, А. И. Соболевского и других были по-новому поставлены и разрешены многие вопросы лингвистики: вопросы исторической фонетики, сравнительно-исторической грамматики и описательной грамматики, диалектологии и др. Тем самым было положено начало новому этапу в развитии русской языковедческой науки.

В связи с характеристикой русской грамматики второй половины XIX в. следует сказать и о плодотворной деятельности великого русского педагога К. Д. Ушинского, методические труды которого по грамматике создали целую эпоху (особенно для начальной школы).

К концу XIX в. создались условия для более или менее отчетливого размежевания отдельных направлений, течений научной мысли, а также и условия для еще большего размежевания между научной и школьной грамматикой. Этими условиями были:

а) все более растущий уровень развития русской грамматической мысли к концу XIX и началу XX в.,

б) все большие расхождения между научными устремлениями отдельных групп лингвистов и

в) известный консерватизм школьной грамматики, ее стремление охранить школу от распрей в научной грамматике и остаться на позициях, казавшихся тогда наиболее научно достоверными, бесспорными.

Принято считать, что к началу XX в. в русской грамматике обнаружилось в основном три научных направления:

- 1) логико-грамматическое во главе с акад. Ф. И. Буслаевым,
- 2) психолого-грамматическое во главе с проф. А. А. Потебней,
- 3) формально-грамматическое во главе с акад. Ф. Ф. Фортунатовым.

На каком основании выделялись эти три направления?

Что составляло их сущность?

Характерным для логико-грамматического направления являлось выведение грамматических правил и норм из логических законов; грамматические категории отождествлялись с категориями логическими (например, слово определялось по сопоставлению с понятием, предложение — с суждением, подлежащее — с субъектом суждения, сказуемое — с предикатом и т. п.).

Психологи же связывали грамматические факты и категории не с логическими, а с психологическими категориями — с индивидуально-психологическими представлениями, которые сочетаются со значениями грамматическими (например, существительное определялось как часть речи, в которой сочетаются психологические представления о предметах, субстанциях с представлениями о грамматических категориях рода, числа и падежа и т. п.).

Для формально-грамматического направления характерно выдвижение на первый план грамматической формы (формы слова и формы словосочетания). Она есть исходная доминанта (основа), главный и чуть ли не единственный объект языкового анализа. Отсюда и слова группируются по признаку наличия или отсутствия формы (слова форменные и бесформенные), предложение определяется как форма словосочетания, а грамматика в целом — как наука о формах слов и формах словосочетаний.

Это деление (классификацию) направлений нельзя считать абсолютно точным: между взглядами ученых отдельных направлений было (помимо разницы) и много общего. Так, например, никто из упомянутых русских лингвистов (ни Буслаев, ни Потебня, ни Фортунатов) не отрицал связи языка с мышлением; психологическая (а не логическая) основа слова и предложения была аксиомой и для Потебни и для Фортунатова, хотя общая синтаксическая точка зрения Потебни и морфологическая Фортунатова выступают в конечном счете как совершенно противоположные лингвистические концепции.

Кратко характеризуя лингвистические (а вместе с тем и методические) направления последней трети XIX в., можно сказать, что если Буслаев был завершителем логико-грамматического направления, то Потебня начал новый этап в развитии грамматической мысли — этап психолого-грамматический, а с именем Фортунатова связано так называемое формальное направление в русской грамматике и его разновидность — «формализм». Это направление в последующем своем развитии стало ограничиваться узкоморфологическим анализом грамматических категорий и тем самым поставило себя в тупик и вызвало противодействие научной мысли¹. Преодоление этого формализма и искание новых научных положений русской грамматики предопределило целый большой этап в развитии лингвистической и методической мысли.

Борьба на лингвистическом фронте, с особенной

¹ См. об этом в статье акад. Л. В. Щербы «О частях речи», сборник «Русская речь», Академия, 1928.

остротой начавшаяся во второй половине XIX в., приобрела в первой четверти XX в. очень напряженный характер.

Критика слабых сторон логико-грамматического направления, блестяще начатая еще Потебней, привела к созданию особой системы, школы, противостоявшей логико-грамматическим традициям прошлого в русской грамматике. Противопоставление школ друг другу стало в дальнейшем настолько подчеркнутым, что в кругу ученых определенного направления единственно «научными» стали признаваться лишь формально-грамматические принципы языкового анализа; узкоморфологическая точка зрения Фортунатова противопоставлялась не только логико-грамматической системе Буслаева, но и синтаксической точке зрения Потебни и его последователей.

Следуя этому, научная грамматика оказалась в противоречии и со школьной практикой, поскольку последняя строилась преимущественно на системе Буслаева. Так все более остро ощущался разрыв между школьной и научной грамматикой. Об этом со всей отчетливостью писал, например, Пешковский в предисловии к 1-му изданию своего «Русского синтаксиса» (1914), об этом говорили и многие другие лингвисты и методисты того времени (Фортунатов, Овсяннико-Куликовский, Бодуэн де Куртене и др.).

В первые годы советской власти формальное направление, понимаемое более как антитеза логическому, занимает господствующее положение и утверждается рядом учительских областных съездов словесников (Петроградским в 1921 г., Московским в 1921 г. и др.) и входит в программы Наркомпроса. В свете этого направления создается ряд новых учебных пособий и руководств по методике преподавания русского языка в школах.

Особенно радушный прием встречает формальная грамматика в военно-учебных заведениях республики; учебная часть ГУВУЗа тогда решительно предложила (путем особого циркуляра) словесникам, занятым в его школах, обязательно перейти на новую (т. е. формальную) систему. Для руководства учителям оно разослало «Русский синтаксис в научном освещении» Пешковского, а в качестве учебного пособия для курсантов рекомендовало «Синтаксис» В. Гиппиус. Больше того, одним из своих циркуляров учебная часть ГУВУЗа предложила назначать главуками по русскому языку исключительно лиц, придерживающихся формально-грамматического направления в изучении и преподавании языка.

Но в массе своей учительство относилось к неограмматическому направлению крайне сдержанно, и в печати прямо указывалось, что разногласия в лингвистической науке по основным грамматическим вопросам порождает «грамматический сумбур в умах учительства»¹.

¹ См. А. Стремнинин, Неограмматическое направление и школьная действительность, «Русский язык в школе», 1921—1922, кн. 1, Госиздат, 1923, стр. 4—7.

Известно, что в эти годы Л. В. Щерба выступал с резкой критикой формализма, заявляя, что формализм «с научной точки зрения не выдерживает критики, так как формы могут быть вскрыты лишь при параллельном анализе их значений» (из тезисов Л. В. Щербы на Петроградском съезде словесников, 1921 г.). Позднее Л. В. Щерба еще более сурово осудил формализм (ультраформализм Петерсона) как «абсолютный тупик». О кризисе в науке о языке в первые годы советской власти свидетельствует и статья Павловича в том же журнале («Родной язык в школе», кн. 1 (2), 1921—1922), который пишет, что «преподавание родного языка в современной школе в связи с переживаемым наукой кризисом находится в небывало затруднительном положении». В другой статье этого журнала к науке предъявляются серьезные и справедливые претензии: «Наука, в частности лингвистика, не должна выдавать опытов за достижения, не должна бросать в массу гипотезы, как аксиомы. В этом смысле у представителей неограмматического направления не все безапелляционно и не все твердо установлено». Так реагировало учительство на неограмматическое направление.

К концу 20-х годов нашего столетия размежевание лингвистических концепций получило настолько отчетливые очертания, что уже стала явно обнаруживаться научная несостоятельность так называемой «научной грамматики», т. е. грамматики формалистической, пришедшей, по мнению акад. Л. В. Щербы, в состояние «абсолютного тупика». Дальнейшая борьба мнений на лингвистическом фронте побуждает советских лингвистов и методистов пересматривать свои прежние позиции, менять основы своей прежней лингвистической концепции.

Это нашло свое частное отражение в коренной переработке Пешковским своего труда «Русский синтаксис в научном освещении» в 3-м издании (1928). Коренные сдвиги произошли и в практике работы совместной школы по русскому языку: значительно изменены были программы по русскому языку, коренным образом были переработаны учебники, изменены методы преподавания русского языка в советской школе и т. п.

2. Проблема взаимоотношений школьной и научной грамматики всегда занимала Пешковского. На свой основной труд «Русский синтаксис в научном освещении» он смотрел как на труд «автора-педагога», разрешавшего «педагогические цели». Этим объясняется, что автор почти одновременно (в один и тот же 1914 год) выпускает две книги — «Русский синтаксис» и «Школьную и научную грамматику», связанные единством замысла и общими теоретическими основами.

Пешковский не считает возможным рекомендовать школе ни формального, ни ультраформального направления. Однако его «Русский синтаксис» — это нечто совсем новое по сравнению с традиционной школьной грамматикой. Новое, конечно, в том,

что автор его уделяет больше внимания форме слова, а в третьем издании уже целые четыре главы посвящает разработке учения о форме слова и о формальных категориях слов и словосочетаний.

Особое внимание уделяется (особенно в третьем издании) внешним показателям некоторых синтаксических оттенков—интонации и ритму речи. В 1-м издании книги сохраняются логические определения не только главных, но и второстепенных членов предложения (определения, дополнения, обстоятельства), хотя в 3-м издании термины эти заменены чисто формальным их описанием (по связям согласования, управления и примыкания), но основные категории — части речи — сохранены (правда, в своеобразном истолковании) и рассматриваются как «основные категории мысли», а вся система синтаксиса еще более приобретает характер науки, изучающей «строение языковой мысли»¹.

Но, конечно, не только по «педагогическим соображениям» Пешковский уже в первоначальной своей концепции считал необходимым в школьном изучении грамматики придерживаться логических начал в объяснении членов предложения. «Как ни условны, как ни расплывчаты раскритикованные Потемней обычные «логические» определения подлежащего и сказуемого, — писал он, — они все-таки выражают, по правде говоря, самую суть дела, в том смысле, что перебрасывают необходимый мост между грамматикой, с одной стороны, и психологией и логикой, с другой. С этих определений (только переведенных в область психологии) никогда не сдвинется синтаксис, поскольку грамматическое подлежащее и сказуемое никогда не смогут быть совсем оторваны от психологических и логических»².

Позднее, в статье «Вопросы изучения языка в семилетке»³, Пешковский также отстаивает мысль, что грамматика как наука принадлежит к числу «отвлеченнейших ветвей гуманитарного знания вообще», что «наука эта во всем своем объеме... в первую голову имеет дело с данными внутреннего опыта, т. е. оказывается ближайшей соседкой логики и психологии».

Таким образом, Пешковский с самого начала своей научной деятельности решает вопрос о содержании школьной и научной грамматики. Он говорит о трудностях для учащегося понять соотношение логической и грамматической сторон речи, но не находит возможным упрощать науку во имя ложной «популярности» и «понятности». Правда, автора «Русского синтаксиса» берет соблазн отказаться от раскрытия перед учеником противоречий между грамматической и логико-психологической сторонами мысли: «Не лучше ли в таком случае совсем не

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, изд. 6, стр. 95.

² А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 385.

³ А. М. Пешковский, Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. Сборник статей, 1930, стр. 30.

объяснять ему, что такое подлежащее и сказуемое, а просто на практике приучить его находить их (раз уж это для чего-то нужно), отложивши объяснение до старших классов?»¹ — ставит вопрос Пешковский в 1914 г. В этом случае, говорит он, было бы все проще и легче: ученик имел бы на первом плане лишь «внешнюю сторону грамматики, самые формы, которые будут ему верным компасом в его грамматических изысканиях». Однако по этому легкому пути, искажающему науку из-за практических нужд школы, Пешковский не пошел. Позднее, в докладе на Всероссийской конференции словесников школ взрослых и политпросвета в январе 1928 г., он иронизирует над своими прежними сомнениями в выбранном им пути, как сомнениями человека, для которого формальная наука дороже школы. «Все неограмматическое движение, — признается он, — шло сверху, из университетских кругов, от людей, готовых отмахнуться от потребности школы и жизни, для того, чтобы спасти любимую дисциплину (формальную грамматику. — А. Б.) от искажений, которым она подвергается в связи с практическими нуждами. Я говорю об этом теперь, как раскаявшийся грешник»².

Совесть ученого-лингвиста (для которого наука дороже всего) и педагога-методиста (для которого школа не менее дорога, чем наука) всегда подсказывала Пешковскому наиболее сложный путь определения предмета грамматики как науки, тесно соприкасающейся с логикой и психологией и в то же время отграниченной от них своими особыми задачами, задачами исследования «строения языковой мысли». Соображения научные и чисто педагогические у Пешковского выступают в единстве.

Не удивительно, что общелингвистическая и методическая позиции Пешковского в научных кругах чаще всего воспринимались как особые, отличные от позиций формалистов. Так, проф. Д. Н. Ушаков (будучи сам последователем идей фортуноватовской школы), подводя итоги дискуссии 1922 г. о предмете и объеме синтаксиса в программе школ, говорит: «Перед слушателями были развиты две точки зрения: 1) строго формальная, М. Н. Петерсона, и 2) формально-логическая, как называет свою точку зрения А. М. Пешковский. Первая дальше от привычного школьного понимания синтаксиса, вторая ближе к нему, но не совпадает с ним»³.

3. А. М. Пешковский резко критиковал формализм и ультраформализм, имея в виду интересы как научной, так и школьной грамматики. Последующая борьба на лингвистическом фронте отчетливо показала, что он в разрешении вопроса о взаимоотношении школьной и научной грамматик, действительно, не только про-

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 385.

² А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 47.

³ Сборник «Русский язык в школе», под ред. Д. Н. Ушакова, вып. 1, 1923, стр. 52.

тивостоял ультраформализму, но и в формальном направлении в грамматике занимал свою особую позицию, осуждающую крайности того и другого. Считая невозможным возврат к старой традиционной грамматике, Пешковский ставит вопрос: «Какую же из двух новых грамматик принять: формальную или так называемую «ультраформальную»¹. Ответ самого Пешковского на этот вопрос настолько знаменателен, что мы позволим себе привести его полностью.

«Если замыкаться в пределы этих двух научно-грамматических направлений, — говорит Пешковский, — то легко может создаться представление, что ультраформалисты решительнее ополчаются против всякой лжи школьной грамматики, чем формалисты... и что, следовательно, ультраформальное направление в этом пункте «научнее» формального. Но все дело в том, что и сам формализм-то, понимаемый в этом узком смысле слова, в смысле движения, исходящего от Фортунатова, не смеет отождествляться с наукой во всем ее объеме... Нужно признаться, что неразработанность общих вопросов языковедения так еще велика, что сами представители отдельных школ в пылу споров впадают иной раз в... грех: объявляют все другие решения вопроса, кроме предлагаемого их научной школой или ими самими, «ненаучными». Но школьная практика не должна втягиваться в эти распри. Для школы есть здесь только два пути: 1) путь компромисса между отдельными научными течениями, конечно, не механического, а систематически и продуманно объединяющего эти течения, — это путь очень трудный и 2) путь следования одному какому-нибудь достаточно авторитетно заявившему себя в литературе течению, — это путь более легкий и при данном положении нашей науки вполне допустимый. Оба пути приводят нас к выводу, что не только ультраформализм, но и самый формализм, понимаемый как отдельное направление лингвистической мысли, не могут быть для школы обязательными. Преподавание должно быть научным — и только»². В этом нельзя не видеть научной добросовестности ученого-лингвиста, для которого интересы школы не ниже интересов науки.

Характерно, что А. М. Пешковский выступал с подобными заявлениями в то время, когда формалисты господствовали и в научной и в школьной грамматиках и когда никаких других учебников, кроме учебников формального толка, не издавалось, а учебники старого типа — логического — не выпускались³.

4. Следует иметь в виду, что формирование научно-методических взглядов А. М. Пешковского началось еще в период его работы учителем в одной из московских гимназий и последующее раз-

¹ А. М. Пешковский, Вопросы изучения языка в семилетке. Сборник статей, 1930, стр. 40.

² Там же, стр. 41—42.

³ Ср. выступление А. М. Пешковского на Всероссийском съезде словесников (1922 г.), легшее в основу только что цитированной статьи.

вите его взглядов всегда было тесно связано со школьной практикой.

Борясь за научное содержание школьной грамматики, А. М. Пешковский уже в раннем периоде своей научно-педагогической деятельности (1914 г.) с тревогой говорит о том, как много «противоречий между школьной и научной грамматикой». Эти противоречия, по мнению Пешковского, порождены тем, что в школьной грамматике слишком глубоки корни традиционной логической грамматики.

Против схоластической логики и обрушивается Пешковский, стремясь показать, что школьная грамматика слишком крепко связана с традиционной рутинной чистого логицизма и что «школьная разновидность грамматики не только школьна, но и ненаучна».

Критика Пешковским противоречий между школьной и научной грамматиками дала свои плоды не только по линии преодоления чисто логического анализа языковых явлений, но и по линии преодоления узкоморфологического подхода к ним. И сейчас уже при построении программы по русскому языку (по грамматике) ставится вопрос не о традиционном разрыве между школьной и научной грамматикой, а об отборе круга сведений, которые составляют основы науки о языке, причем самый предмет грамматики оценивается с точки зрения его огромной научно-образовательной ценности (а не только практической полезности). Историческая точка зрения на язык, за которую ратовал Пешковский, является в нашей школьной практике (и в учебниках и в методических курсах) необходимой научной основой курса грамматики, способствующей пониманию учащимися закономерностей в развитии языка.

Некоторые расхождения между нашей школьной классификацией частей речи и предложений и классификацией в научных курсах, так же как и в объяснении ряда понятий синтаксиса (сочинение и подчинение, второстепенные члены предложения, классификация придаточных предложений и т. д.), объясняются не только педагогическими соображениями (школа изучает основы науки, а не всю науку), но и тем, что по всем этим вопросам до последних лет не было такой новой теории, которая заслужила бы общее признание в науке. «Школьная грамматика, — говорил Пешковский, — не должна втягиваться в эти распри».

Эти соображения Пешковского оказались плодотворными и для построения современного курса школьной грамматики, теоретической основой которого являются достижения современной советской лингвистики.

С этой точки зрения обстоятельно разработанная Пешковским теория интонации, в которой излагается своеобразие внешних выразителей синтаксических отношений, должна бы найти себе более почетное место и в современной школьной программе по синтаксису, поскольку понятие интонации нашло уже большое

практическое применение в целом ряде разделов школьного курса грамматики (при изучении обособленных членов предложения, при изучении вводных слов, при однородных членах и т. д.).

Конечно, современная научная грамматика не может быть представлена в школе во всем ее объеме. Но основные положения и факты школьной грамматики строятся на научной базе, на точных и проверенных данных о языке, по возможности четко сформулированных и расположенных в строго определенной системе, отвечающей не только логике самой науки, но и соображениям методики.

Б. А. М. Пешковский, рассматривая вопросы изучения языка в школе, хотя и говорил, что «преподавание должно быть научным — и только»¹, подчеркивал в то же время и важность особой, школьной подачи материала, особых методических приемов для изложения перед учащимися научных понятий грамматики. «Нельзя отрицать, — писал он, — что если бы в один прекрасный день наша методическая наука нашла способ в доступной для детей форме объяснить им значения частей речи, это было бы сущим благодеянием. Не только сознательность в отношении этих категорий повысилась бы, но и убыстрилось бы самое усвоение их, так как наметились бы предварительно общие ориентировочные линии для этого усвоения»².

Несомненно, что научное содержание курса школьной грамматики чрезвычайно сложно и отвлеченно. Прежде всего — вопрос о связи формы и содержания в языке. Формы языка не могут быть изучаемы в отрыве от смыслового значения нашей речи. Слово получает свое значение в предложении, предложение — в контексте речи. Изучая язык и его законы, мы проникаем в самую лабораторию нашей мысли, содействуем развитию и четкости ее оформления. Задача теоретического осмысления учащимися взаимоотношения речи и мышления может быть разрешена лишь при практическом изучении языка. Вместе с тем понять и реализовать эти важнейшие общественные функции языка невозможно без теоретического осмысления грамматических форм языка, законов его синтаксического и морфологического выражения. Стало быть, добиться сколько-нибудь серьезных практических успехов в овладении языком можно лишь опираясь на теоретические сведения о языке. Поэтому в нашей школьной практике обе эти стороны — теоретическая и практическая — выступают в их единстве; изучение грамматики неразрывно связывается с художественным материалом литературного чтения, с культурой речи, с развитием мышления учащихся вообще.

Для Пешковского все эти положения были совершенно ясны. Его устремления, развиваемые им в научных и методических рабо-

¹ А. М. Пешковский, Вопросы изучения языка в семилетке. Сборник статей, 1930, стр. 42.

² Там же, стр. 45.

тах, были направлены на то, чтобы сильнее подчеркнуть связь языка и мышления. Пешковский в свое время правильно ориентировал внимание ученых и педагогов на необходимость изучать грамматику не только в плане отвлеченного грамматического разбора отдельных изолированных фактов языка, но и в плане стилистики, в плане выработки у учащихся навыков культуры речи¹.

Грамматические знания, по Пешковскому, имеют огромное значение для навыков устной речи, для «литературного говорения». «На этот счет у широкой публики (включая и педагогов-неспециалистов по языку) «легкость в мыслях необыкновенная», — замечает Пешковский. — Не только просто правильная речь, но даже точная, сжатая, изобразительная, изящная слетает к нам, по ее представлениям, прямо со страниц наших классиков и прочно поселяется в наших головах без всякой грамматической муштры»². «Основным отличием литературного говорения от естественного является, как известно, сознательное пользование языковыми средствами... Грамматика... как раз и занимается переводом подсознательных языковых явлений в сознательные, — говорит Пешковский. — Другими словами, грамматика как наука производит коллективными силами как раз то, что каждому надо проделать индивидуально, чтобы говорить на литературном наречии родного языка»³.

Теоретические обоснования значения грамматических знаний для навыков литературной речи изложены Пешковским в упомянутой выше специальной статье «Роль грамматики при обучении стилю»⁴ и нашли для себя практическое выражение в его учебных книгах по русскому языку «Наш язык», особенно в третьей части, представляющей «заключительный курс» и предназначавшейся для школ II ступени (т. е. средних школ) и рабфаков, где каждая грамматическая тема сопровождается «работой над словарем и стилем».

«Всякое осознание фактов языка основано прежде всего на сознательном выхватывании данных фактов из общего потока речи — мысли и наблюдении над выхваченным, т. е. прежде всего на расчленении процесса речи — мысли... А естественные речевые представления текут слитно. Само собой разумеется, — замечает автор, — что там, где нет сноровки к такому расчленению, там, где речевые комплексы движутся в мозгу с ловкостью медвежьего танца, там не может быть и речи о сознательном пользовании фактами языка, об их выборе, сличении, оценке и т. д. Там не человек владеет языком, а язык владеет че-

---

¹ См. статью А. М. Пешковского «Роль грамматики в обучении стилю». Сборник статей, 1930.

² А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 10.

³ Там же, стр. 12—13.

⁴ Там же, стр. 124—133.

ловеком. Грамматика же как раз занимается членением человеческой речи — мысли»¹.

Как и Ушинский, Пешковский высоко ценит грамматику, как «гимнастику ума», утверждая, что «занятия грамматикой являются не только непрерывной дифференциацией речевых представлений, но и развитием самой способности дифференцировать их»². Высоко ценит Пешковский понимание учащимися «отношений между элементами речи, — ...понимание литературного синтаксиса». Где, например, гарантия правильного понимания фразы Пушкина: *И над отечеством свободы просвещенной взойдет ли, наконец, желанная заря?* «Единственной гарантией, — заявляет Пешковский, — является синтаксический анализ и синтаксический эксперимент. Переставляем слова: *Взойдет ли, наконец, над отечеством желанная заря просвещенной свободы?*» Так грамматическим экспериментом Пешковский исключает неопределенность в понимании словосочетания *и над отечеством свободы просвещенной*, где подчеркнутое определение относится не к слову *отечество*, а к слову *заря*.

Пешковский со всей отчетливостью подчеркивал «колоссальную государственно-культурную роль постановки родного языка в школе» как предмета нормативного. «Основная и наибольшая часть умения говорить дается в школе. Жизнь мало сравнительно прибавляет к приобретенному в школе... Там, где дети усиленно *учатся говорить*, там взрослые не теряют бесконечного количества времени на отыскивание в словесном потоке собеседника основной мысли и не изливают сами таких потоков вокруг своих мыслей, там люди не оскорбляют друг друга на каждом шагу... потому что составляют более ясные контакты и т. д. Умение говорить — это то смазочное масло, которое необходимо для всякой культурно-государственной машины и без которого она просто остановилась бы. Если для общения людей вообще необходим язык, то для культурного общения необходим как бы язык в квадрате, язык, культивируемый как особое искусство, язык *нормируемый*»³. Поэтому Пешковский говорит о необходимости для школьников младших классов наблюдения над языком сопровождать практическим его применением. «Теоретический интерес должен поддерживаться практическим, практический — теоретическим».

Как видим, целый комплект практических навыков, в основе которых лежат грамматические знания, оценивается Пешковским как очень важное содержание обучения в советской школе. Но вместе с этим Пешковский никогда не ставил эти знания и навыки как самоцель, а подчинял их ведущим принципам идейно-политического воспитания: «Школа, которая хочет приоб-

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1930, стр. 13.

² Там же, стр. 14.

³ А. М. Пешковский, Объективная и нормативная точки зрения на язык. Сборник статей, 1925, стр. 118.

щить к благам умственной (а следовательно, прежде всего языковой) культуры все миллионы русских граждан, которая хочет стереть без остатка какие-либо классовые различия между ними в этом отношении, не может отказываться от основного средства этого приобщения — грамматики. Точно так же школа, поставившая себе целью знание, нужное в жизни, знание прикладное, должна начинать с нужнейшего из знаний — с грамматики».

Пешковский, говоря о грамматике в школе, подходил к оценке ее общеобразовательной роли дифференцированно: 1) грамматика в начальной школе и 2) грамматика в средней школе.

Говоря о грамматике в начальной школе, Пешковский пишет: «Грамматика — наука сама по себе для раннего детского возраста трудная и психологии его мало соответствующая... Общеобразовательные элементы ее невелики и сопредельны с такими науками, которые, естественно, отходят к концу общеобразовательного курса. Поэтому, если отрицать практическое значение грамматических знаний, то ей в младших классах не место»¹. На этом основании критики Пешковского делают вывод (с подкреплением цитатами), что Пешковский, беря грамматические знания сами по себе, независимо от роли их в приобретении навыков чтения, письма, владения литературным языком, понимания художественной литературы и т. д., отрицал общеобразовательную ценность этих знаний. Более того, утверждается, что Пешковский вообще изгонял грамматику из школы (в доказательство приводится цитата: «Грамматике в младших классах не место», с акцентом на слове «не место» и т. д.).

Пешковский вообще изображается как беспощадный гонитель школьной грамматики. Вместе с тем утверждается, что у него «в корне порочен отрыв теоретической общеобразовательной ценности предмета от его практического значения»².

Нетрудно видеть, что такой суровый приговор по адресу Пешковского находится в резком противоречии с действительностью, с самой с и с т е м о й грамматических взглядов Пешковского. Между тем Пешковский всегда подчеркивал, что «научное и практическое отношение к языку не только не противоречат друг другу, но, напротив, могут и должны сочетаться в одном и том же человеке»³. Однако Пешковский разграничивал ценность тех или иных знаний для школы, рассматривая их с двух сторон: со стороны общеобразовательной и со стороны практической, служебной. «В первом случае, — писал он, — знания важны сами по себе..., во втором — как средство для приобретения либо навыков, либо других общеобразовательных знаний. В последнее время,

¹ А. М. Пешковский, Грамматика в новой школе. Сборник статей, 1930, стр. 17.

² См. книгу проф. Петровой «Грамматика в школе», 1936, стр. 32.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис, 1914, стр. 411.

правда, принято игнорировать первую сторону и даже целиком отрицать ее»¹.

Критикуя программы Наркомпроса 1921 г., в которых утверждалось, что ни читать, ни писать, ни говорить грамматика ни в какой мере «не учит», Пешковский заявляет:

«Но дело-то в том, что на самом деле грамматика не только всему этому учит, но и вообще наравне с техникой чтения является порогом всякого знания, не переступить через который невозможно. Чтобы читать книги не так, как читал их гоголевский Петрушка, надо учиться грамматике, и степень понимания книги всегда будет, при прочих равных условиях, прямо пропорциональна степени грамматического развития, достигаемого прежде всего обучением грамматике: Старинная поговорка «Без букв и грамматики не учатся и математике» неожиданно находит свое подтверждение в чисто лингвистическом анализе природы литературного наречия»².

Таким образом, становится несомненным, что А. М. Пешковский, всегда отстаивая необходимость введения в школу «научной грамматики», рассматривал грамматику и с точки зрения ее общеобразовательной ценности и с точки зрения практической полезности грамматических знаний. И хотя первая сторона грамматики (общеобразовательная) в пределах начальной школы иногда и вызывала у Пешковского сомнения, но стороне практической он придавал опромное значение; она по существу восходила у него до степени универсального общеобразовательного средства.

В этом нельзя не видеть принципиального отличия его точки зрения от теории элементарно-практического назначения грамматики, проповедуемой в свое время проф. Н. Кульманом. «Чисто теоретическую грамматику с исключительно логико-грамматической основой надо уничтожить. Нельзя оставлять в школе то, что противоречит требованиям элементарной научности и вместе с тем не помогает никаким практическим задачам»³, — писал Н. Кульман, понимая эти практические задачи как узкоэлементарные, правописные.

Пешковский же убедительно доказывает, что без грамматики нельзя научиться грамотно писать, правильно говорить и понимать чужую речь, и утверждает, что развитие этих навыков идет прямо пропорционально степени грамматического развития и что это грамматическое развитие важно «само по себе» и имеет огромную «общеобразовательную ценность».

Расценивая значение грамматических знаний для практики речи, Пешковский не сводит вопроса к узкотехнической стороне

---

¹ А. М. Пешковский, Грамматика в новой школе. Сборник статей, 1930, стр. 5. А. М. Пешковский имеет в виду книгу А. Машкина «Литература и язык в современной школе», 1923.

² А. М. Пешковский, Грамматика в новой школе. Сборник статей, 1930, стр. 17.

³ Н. Кульман. Методика русского языка, 1916, изд. 6, стр. 103.

дела, а берет вопрос очень широко: «Не только чтение и письмо, но и понимание какого бы то ни было текста и говорение на той разновидности родного языка, на которой говорят все приобщающиеся к культуре слою народа (и на которой в будущем, следовательно, должен будет говорить весь народ), неразрывно связаны, по моему убеждению, с обучением грамматике в младших отделениях школы. Всякий, кто понимает читаемую книгу или газету, всякий, кто способен удобопонятно высказаться на политическом собрании, обязан этими умениями прямо или косвенно (т. е. через других людей, с которыми он приходит в общение и которые обучались грамматике) преподаванию грамматики в школе. И если он это отрицает (как это у нас иногда делается), то отношение его к грамматике вполне уподобляется отношению известного крыловского персонажа к тому дубу, под которым он собирал желуди»¹. Грамматика, по Пешковскому, «порог всякого знания»².

Таким образом, разработка Пешковским вопроса о взаимоотношениях школьной и научной грамматики имеет огромное принципиальное значение: плодотворные искания Пешковского, хотя и не завершенные и не сведенные в единую стройную систему, явились точкой отправления для многих современных грамматических исследований, в особенности в области построения курса школьной грамматики.

---

¹ А. М. Пешковский, Грамматика в новой школе. Сборник статей, 1930, стр. 9.

² Там же, стр. 17.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ наиболее существенных вопросов грамматической системы А. М. Пешковского приводит нас к следующим выводам.

1. Грамматическая система профессора А. М. Пешковского, как и его методическая система, не отличаясь стройностью и законченностью, является все же **значительным вкладом** в изучение закономерностей современного русского литературного языка. Критическое отношение к наследству Пешковского, понимание характера его ошибок и использование наиболее ценных и прогрессивных положений ученого может принести прямую и непосредственную пользу не только в научно-исследовательской, научно-методической, но и в учебно-практической работе по русскому языку.

2. Необходим коренной пересмотр критических работ о Пешковском под углом зрения марксистско-ленинского языкознания, а также новые критерии оценки наследства ученого — одного из талантливых исследователей теории и методики русского языка советского периода.

Идеалистическая основа его общефилософских воззрений, теоретические ошибки его учения о предложении и словосочетании, противоречивый путь развития его научных концепций должны быть поняты исторически, с точки зрения диалектико-материалистического метода.

3. Рассматривать все труды Пешковского вне его эволюции и квалифицировать грамматическую концепцию ученого как сплошной «формализм» или как устойчивый, от начала до конца, сплошной **электизм** — это значит насильственно выхолащивать то ценное, что есть в наследстве ученого, который при всей своей зависимости от предшественников все же сохранял **оригинальный метод лингвистического исследования и последовательность** в решении наиболее принципиальных вопросов языка.

4. Грамматическая система Пешковского была теоретической базой его методических взглядов, и поэтому рассмотрение этих теоретических положений имеет не только научное, но и учебно-

практическое значение, так как помогает учителю-словеснику и студенту-филологу по-новому взглянуть на труды ученого (в том числе и методические) и извлечь из этого наследства некоторые ценные и рациональные приемы изложения школьного курса русской грамматики в направлении его большой научной выдержанности, систематичности и последовательности.

5. Осудив фортуатовскую методологию языкового исследования, при которой форма слов и словосочетаний выступала главным объектом языковых наблюдений, Пешковский подчеркивал невозможность отрыва и отсечения грамматики от логики и психологии, стремясь выявить законы развития языка на анализе грамматических категорий и форм в их связях с общим смыслом высказывания. Плодотворность именно такого метода становится все более очевидной, ибо только с помощью грамматики язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку.

Пешковский отчетливо понимал, что вопрос об общепедагогических, теоретических принципах и путях научного исследования (методология) тесно связан с вопросом о приемах изложения данных науки (с методикой). И в том и в другом случае он находил более предпочтительным путь анализа языковых явлений «от значений к звукам», а не наоборот и считал, что в методике, как и в методологии, «чрезвычайно трудно искусственно разобщать эти два акта анализа: очевидно, и тут приходится идти от единства звука и значения, познавать звукозначения и их взаимные отношения». Требуя осуществления принципа научности в школьной грамматике, Пешковский тем самым снимал искусственные грани между так называемой практической методикой и методикой научной. Последняя, разрешая проблемы о научных принципах преподавания, все более срастается с методологией методики, освещая путь методики практической.

6. Интерес Пешковского к языковой форме на базе глубокого понимания взаимоотношений лексики, морфологии и синтаксиса оказался весьма плодотворным.

Грамматическая форма, по Пешковскому, является понятием более широким, чем понятие формы отдельного слова. Грамматическая форма — это вся совокупность средств языкового выражения грамматических значений (это и формы отдельных слов, и формы словосочетаний, и типы предложений, и порядок слов, и интонация, и контекст целого и т. д.). При этом теория основных способов выражения синтаксических отношений представляется и до сего времени в качестве исходной базы для теоретической морфологии, которая имеет также и свою специфику в отличие от синтаксиса.

Советское языкознание вовсе не отказывается от углубленного изучения грамматической формы во всех ее проявлениях. Неразрывная связь грамматической формы со смысловой стороной речи поднимает эффективность и глубину научного понимания не только

внешней формы построения слова; советская лингвистика расширяет круг своих интересов включением еще и строя предложения, привлекая тем самым к изучению формальную сторону синтаксиса, до сих пор наименее обращавшую на себя внимание. В этой формальной стороне синтаксиса важное место занимает учение о структурных типах предложения и вместе с тем учение о формах словосочетаний, привлекающее к себе все большее внимание советских лингвистов наших дней.

7. Пешковский правильно решал вопрос о предмете грамматики, его специфике в отличие от логики и психологии; сущность грамматики заключается в том, что она рассматривает (изучает) общие грамматические категории и формы слов, словосочетаний и предложений. Эти грамматические формы и категории существуют (живут бок о бок) с реальными значениями слов и предложений, ибо грамматика находится в тесной связи и взаимодействии с логикой и психологией (а также с семасиологией) и между ними всегда сохраняется «естественный мост». Однако каждая из этих научных дисциплин имеет свою специфику. Так, грамматике прежде всего интересуют не индивидуальные (конкретные) значения слов, а то общее, отвлеченное, что связывает лексико-семантическое содержание слов и предложений в единое целое в процессе речи — мысли. Такое отграничение грамматики от родственных ей научных дисциплин (на фоне марристовского растворения грамматики в семасиологии) делает честь Пешковскому; именно в этом направлении классики русской лингвистики решали вопрос о сущности грамматики и ее специфике. Восстановление лучших традиций нашего отечественного языкознания в решении этого вопроса создает прочную основу в понимании предмета грамматики как абстракции языка и устраняет шатания и неопределенность в истолковании этой проблемы.

8. Пешковский всюду подчеркивал приоритет синтаксиса над морфологией. Морфология и синтаксис, по Пешковскому, находятся не в отношении равноправия, а под протекторатом синтаксиса. Однако Пешковский был далек от растворения морфологии в синтаксисе (как это выявилось, например, в книге акад. И. И. Мещанинова «Общее языкознание»), отводя морфологии свое место и роль во взаимодействии двух отделов грамматики. В настоящее время после дискуссии по языкознанию летом 1950 г. тезис о том, что «синтаксис — организационный центр грамматики», к сожалению, в официальных научных кругах пересмотрен; все более мотивируется мысль о равноценности, равнозначности и равноправии отделов грамматики.

Но смешение методологической и методической стороны вопроса создало условия для рассмотрения взаимоотношений морфологии и синтаксиса не как диалектического, а как механического единства. Между тем в трудах наших предшественников эти отношения рассматривались на основе ведущей роли синтаксиса и органической взаимосвязи двух отделов грамматики.

Наша отечественная наука с полным правом может гордиться замечательными трудами по русскому синтаксису ряда выдающихся русских лингвистов не очень давнего прошлого и в первую очередь синтаксическими исследованиями А. А. Потебни, А. А. Шахматова и А. М. Пешковского, в основу учения которых была положена синтаксическая точка зрения на язык, как наиболее отвечающая самой природе нашего мышления.

Пора восстановить в правах эту точку зрения, освободив ее от лженаучных интерпретаций и наслоений.

Обращение к Пешковскому, Шахматову и другим классикам русской лингвистики и в этом вопросе может принести советскому языкознанию прямую пользу.

Пешковский в своем стремлении оградить школьную грамматику от опасности механического отрыва морфологического анализа от синтаксического подчеркивал необходимость комплексного анализа текста, при котором бы морфология и синтаксис как приемы (аспекты) грамматического разбора выступали в единстве, но при безусловном господстве синтаксического начала.

Противоречивое решение им вопроса о взаимоотношении понятий «части речи» и «члены предложения», а также понятия «сказуемости» предложения — свидетельство творческих исканий ученым новых, более совершенных концепций, но Пешковский не успел привести в систему свои искания, не успел их по-настоящему сверить, продумать и устранить некоторые противоречия.

Вместе с тем Пешковский правильно полагал, что методически вполне целесообразно при характеристике слов сохранять для них двойную классификацию: слова — это части речи и вместе с тем слова — это члены предложения, так как «тут дело не только в традиции, но и в двух различных точках зрения, создавших ту и другую классификацию — морфологической и синтаксической». «Части речи, — пишет Пешковский, — это застывшие члены предложения...; наоборот, члены предложения — это пришедшие в движение части речи, части речи в самом процессе как части словосочетаний»¹. «Эта двойная точка зрения на одни и те же факты, выразившаяся в общем разделении грамматики на морфологию и синтаксис, должна быть, по Пешковскому, сохранена»². Это удобно и в методическом отношении; этим, однако, не должно разрушаться диалектическое единство отделов грамматики.

Таким образом, выдвижение Пешковским синтаксиса как ведущего раздела грамматики не исключает морфологии, а ставит последнюю лишь в известное подчиненное синтаксису положение.

9. Понимая синтаксис как учение о словосочетании, Пешковский, однако, практически построил синтаксис как учение

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, 1925, стр. 79.

² Там же.

о предложении, обстоятельно развил особенности грамматического выражения сказуемости, простого и сложного предложения, обогатив науку наблюдениями внешнеграмматических форм выражения мысли и открыв новые стороны выражения предложения и его членов (ритмо-мелодический строй, интонация, обособление и т. д.); он по-новому пытался разработать вопросы о сочинении и подчинении, о сложном синтаксическом целом и о фразе. Мимо этих достижений русской лингвистической мысли не может пройти ни один исследователь языка, ни один методист и учитель.

10. Общее понятие частей речи, а также понимание соотношений между категориями частей речи и членов предложения хотя решались Пешковским и противоречиво на разных этапах его научной и методической деятельности, но в целом его искания в этих вопросах находятся на уровне современного языкознания: части речи образуются единством семантическим и грамматическим и выступают как «основные категории нашей мысли», а слова и их формы функционируют в предложении как подвижные единицы целых конструкций, образуемых синтаксическими категориями.

Невыдержанность системы частей речи у Пешковского и изменение состава частей речи в последней его концепции (в 3-м издании «Русского синтаксиса») отражают лишь общую сложность самой научной проблемы (она и до сего времени является далеко не решенной) и эволюцию грамматической концепции ученого на разных этапах его деятельности.

Самое существенное и ценное в учении Пешковского о частях речи заключается в понимании их как «основных категорий нашей мысли», находящихся в движении и взаимодействии с членами предложения, в изменяемости и взаимопереходности. И потому самые принципы классификации слов как частей речи у Пешковского нельзя считать устаревшими; они достаточно глубоко теоретически обоснованы и находят себе соответствие в современной науке о языке.

11. Пешковский внес ценный вклад в разработку проблемы целенаправленности преподавания грамматики в школе. Общеобразовательное и практическое значение грамматики он рассматривал в их единстве, дифференцируя то и другое по возрастам и уровню развития учащихся. Правильно понимая идейно-политическое содержание грамматических занятий и «колоссальную государственно-культурную роль постановки родного языка в школе», Пешковский оценивал грамматику как «порог всякого знания», как нормирующий фактор культуры, создающий единство речи и обеспечивающий связь культуры разных веков и поколений. Культурно-образовательное значение грамматики, сочетаясь с утилитарным, практическим («научить читать, писать и говорить»), выступает у Пешковского как государственная проблема.

12. Соображения Пешковского о консерватизме в языке сохраняют свою силу и до настоящего времени, хотя они и не раскрывают всей сложности проблемы; он не видел сложных диалектических взаимоотношений между основным словарным фондом, очень устойчивым, и словарным составом языка в целом, очень подвижным и изменчивым. Пешковский правильно пытался понять связь и сложную зависимость между лексикой и грамматикой, сложный диалектический характер взаимоотношений между ними, причем самую сущность грамматики (обобщенный, абстрактный характер ее категорий) и ее связь с семантикой языка он представлял правильно. Отрицание Пешковским «революции» в языке и стремление подчеркнуть охранительную нормативную роль грамматики следует отметить как несомненно прогрессивную сторону его лингвистического мировоззрения, так как большая устойчивость и колоссальная сопротивляемость языка насильственной ассимиляции стали теперь общепризнанным фактом.

13. Ошибки Пешковского в разрешении отдельных вопросов грамматики, как и в понимании сложных диалектических взаимоотношений между языком и сознанием, были обусловлены ограниченностью его философского и лингвистического мировоззрения; почти все лингвисты — предшественники и современники Пешковского — не владели марксистско-ленинским диалектико-материалистическим методом в применении к языкознанию. Более того, в последующем этапе советской лингвистики многие «претенденты» на марксизм в языкознании внесли столько теоретической путаницы и неразберихи по различным вопросам языка, что запутали и себя и советское языкознание.

К ошибкам Пешковского следует относиться как к проявлениям его общей лингвистической и философской ограниченности, которая была, однако, не такого масштаба, чтобы заслонить перед ученым творческие перспективы и возможность быть полезным и для науки и для школы.

Преодолевая двойственность своих исходных теоретических построений, Пешковский неуклонно шел к диалектико-материалистическому пониманию языка и мышления в их единстве и взаимодействии, решительно преобразовывая и преодолевая морфологизм фортуатовской системы и разрушая формалистические построения в грамматике. Поэтому мы вправе говорить о двух концепциях Пешковского, о двух его грамматических системах, из которых вторая многими своими сторонами органически входит в современное языкознание, первая же, как более противоречивая и двойственная, все более отходит в область прошлого, сохраняя для нас преимущественно интерес исторический.

14. При оценке наследства Пешковского следует иметь в виду, что он своеобразно сочетал в себе качества лингвиста и методиста; ко многим научным проблемам он подходил как педагог, стремившийся уяснить для себя (тем

самым и для других) наиболее упрочившиеся, а также и спорные научные положения и выявить их достоверность.

Он был теоретиком-новатором именно потому, что внимательно, глубоко наблюдал языковые явления; он честно пытался разрешить ряд сложных проблем грамматики (главным образом синтаксиса), не уклоняясь от самых сложных и еще не решенных вопросов. Поэтому даже ошибки его поучительны; преодоление их в последующем развитии науки способствовало более правильному решению многих важных теоретических проблем современного русского литературного языка, а также и методических вопросов преподавания языка в школе.

В чисто методическом отношении труды Пешковского не утратили своего значения в том смысле, что они являют собой образец глубокого проникновения в психологию восприятия и грамматического мышления ученика. Широко разработанный и мотивированный Пешковским метод наблюдения над языком, рассчитанный на творческое мышление и самостоятельность учащихся, и до сего времени остается неотъемлемым звеном школьной практики. В системе школьной работы огромное значение приобретает умелое и разумное сочетание метода наблюдения с живым словом учителя, призванного систематически и последовательно излагать преподаваемую им дисциплину.

Особое значение приобретает высокая оценка Пешковским роли грамматики; обучение орфографии и культуре речи (устной и письменной), обучение стилю, развитие мышления учащихся — все это, по Пешковскому, имеет своей теоретической опорой грамматику, тесно соприкасающуюся с логикой и психологией. Не в насильственном рассечении грамматики, правописания, речи и стиля, а в планомерном и систематическом координировании этих разных сторон процесса обучения видел Пешковский корень, залог успешной работы. Эта методическая проблема и до настоящего времени остается едва ли не центральной проблемой методики преподавания русского языка.

15. В самом анализе грамматических взглядов ученого мы показали его понимание взаимоотношений между грамматикой, логикой и психологией, его понимание вопросов методологии и методики языковедения как научной и вместе с тем школьной дисциплины (единство звуковой и смысловой стороны языка); мы подробно проследили своеобразие точки зрения Пешковского на предложение и части речи как подвижные категории нашей мысли, всегда имеющие свою «языковую оболочку» и грамматическую природу. Трудно упрекнуть Пешковского в искусственной переоценке роли грамматической формы или категории (в ущерб смыслу и в отрыве от него) или в недооценке роли семантики (впрочем, некоторые лингвисты даже упрекали Пешковского в переоценке семантики). И вообще представляется бес предметным нарочитое стремление многих критиков-лингвистов

прикрепить к системе Пешковского обязательный ярлычок «формалиста».

Конечно, во многом Пешковский был связан с объективно существовавшим в истории русской грамматики формальным направлением. Но многие проблемы Пешковский решал за пределами формализма, преодолевая узкий морфологизм этого течения. И поэтому было бы научно несостоятельным на всем творчестве ученого огульно ставить штамп «формализм», минуя конкретное своеобразие творчества Пешковского и сложный процесс эволюции его грамматических взглядов.

16. Необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что исследования Пешковского в различных областях синтаксиса взрыхлили почву для последующих научных изысканий и имеют огромное значение для наших дней. Тонкий анализ в современном русском языке разных средств выражения грамматических значений от флексии до порядка слов и интонации, подробные выяснения особенностей флективной формы как формы отдельного слова, учет роли формальных рядов и парадигматических образований, выработка понятия формы словосочетания, разграничение форм словообразования и словоизменения, углубленные изыскания в области теории частей речи, установление разнообразных способов выражения синтаксических отношений, уточнение отношений между грамматикой и логикой и на этой основе подробная разработка учения о типах предложения современного русского языка — вот далеко не полный перечень завоеваний русской и советской лингвистики. И, конечно, в разработку всех этих проблем Пешковский вложил значительную долю своего таланта, возбуждая повышенный интерес к языковой форме во всем ее многообразии и в единстве со значением.

Только взыскательное, подлинно критическое отношение к Пешковскому (без нигилизма и антиисторизма) поможет осознать наследство ученого как известный шаг вперед в развитии русской лингвистической мысли первой трети XX в., особенно советского периода; только с этих позиций можно понять место Пешковского в науке и его значение для современной советской школы. Наследство Пешковского — одно из важных звеньев в общем поступательном развитии русской лингвистики.

17. Обобщенная характеристика лингвистических трудов А. М. Пешковского как «не только не соответствующих, но и существенно противоречащих методологическим установкам и требованиям советского языкознания»¹ представляется излишне резкой и дезориентирующей: она в сущности сводит на нет все ценное, что, несомненно, имеется в работах А. М. Пешковского.

Вот почему необходимо новое, подлинно научное отношение к его наследству.

---

¹ В. В. Виноградов, Статья о Пешковском, напечатанная в сборнике «Вопросы синтаксиса современного русского языка», Учпедгиз, 1950, стр. 74.

Нет ни малейших сомнений в том, что Пешковский имеет прямое отношение и к нашей современной науке о русском языке и к нашей школьной грамматике в самых многочисленных случаях: и при решении крупных принципиальных теоретических вопросов в научной и учебно-методической литературе, и при выборе учителем разнообразных методических приемов обучения. Можно констатировать, что Пешковский как лингвист часто привлекает к себе внимание научной общественности, но как методист он продолжает оставаться почти за пределами методического горизонта многих наших исследователей. Более решительный поворот и в этом направлении был бы вполне оправдан.

Что же касается разногласий в его оценке и порой противоречивых выводов о нем, то это свидетельствует не только о различии исходных точек зрения его критиков, но и о многогранности и глубине творчества Пешковского: большое явление всегда вызывает противоречивое к себе отношение.

Но если это противоречивое отношение к Пешковскому было в прошлом известной закономерностью, то теперь оно при достаточно высоком уровне современной лингвистической и методической мысли никак не оправдано и, строго говоря, недопустимо. Можно спорить по отдельным вопросам в системе Пешковского, но отказываться от общего признания положительного значения его наследия из-за отдельных его ошибок, часто им же самим преодоленных, это значит из-за деревьев не видеть леса и смотреть на все прогрессивное сквозь шоры нездорового скептицизма.

18. Нет никакого сомнения в том, что творческая деятельность Пешковского лежит на больших путях человеческой мысли. Верил в это и сам Пешковский, и никогда не ощущал он потрясающих страданий и безвыходного, опасного положения от того, что ему приходилось ломать собственные устаревшие концепции во имя подлинного научного новаторства. А. М. Пешковский, со свойственной ему принципиальностью и способностью к «тончайшим наблюдениям над русским языком» (Щерба), в борьбе с опутывавшими его научными традициями, часто в борьбе с самим собой и собственными лингвистическими построениями расчищал путь к пониманию сложных диалектических закономерностей языка.

Именно в таком аспекте наша современная советская научная и педагогическая общественность должна воспринять лингвистическое и методическое наследие А. М. Пешковского.

О Пешковском также можно сказать, что для него в науке не было «широкой столбовой дороги» и он являл собой тип ученого, который, не страшась дебрей и усталости и преодолевая каменистые и противоречивые тропы формализма, стремился к синтезу наиболее прогрессивных звеньев лингвистической науки. Прогрессивность его методических устремлений также не подлежит сомнению. Преждевременная смерть помешала Пешковскому дойти до

цели, которая раскрывалась ему в последние годы со все возрастающей отчетливостью. Советская наука должна со всей определенностью отметить положительные тенденции большого ученого, трудный путь которого был так поучителен и так плодотворен, и извлечь из наследия Пешковского практические уроки для дальнейшего совершенствования теории русского языка и методики его преподавания в современной советской школе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ограничиваем библиографию двумя списками: 1) списком работ А. М. Пешковского (книги и статьи), 2) списком работ о А. М. Пешковском.

При составлении библиографического описания работ Пешковского и о Пешковском испытывались значительные трудности: ни в одной столичной библиотеке нет не только списка его работ, но и вообще в каталогах библиотек обыкновенно ничего не числится, кроме «Русского синтаксиса в научном освещении» да книги «Наш язык». Несколько больше сведений о Пешковском имеется в Центральной библиотеке народного образования имени К. Д. Ушинского, но и они крайне недостаточны. В Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в списке статей Пешковского значится лишь одна: «Объективная и нормативная точка зрения на язык». Личный архив Пешковского за время войны (1941—1945) не уцелел: ни личной его библиотеки, ни списка его трудов, ни списка отзывов-рецензий на его труды в квартире семьи покойного обнаружить не удалось.

Учреждения и институты, где работал А. М. Пешковский, также в связи с эвакуацией из Москвы в дни войны архивных материалов о нем не сохранили. Поэтому естественно, что наша библиография не претендует на полноту; в ней отражено то, что удалось обнаружить при изучении архивных материалов по истории грамматических учений и по истории методики дореволюционного и советского периода.

1. СПИСОК ТРУДОВ А. М. ПЕШКОВСКОГО

а) КНИГИ

1. «Русский синтаксис в научном освещении». Всего 7 изданий, из них 1-е 1914 г., 2-е 1920 г., 3-е 1928 г., 4-е 1934 г., 5-е 1935 г., 6-е 1938 г. (452 стр.), 7-е 1956 г. (511 стр.)

2. «Школьная и научная грамматика». (Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике.) Всего 6 изданий, из них 1-е 1914 г., 2-е 1918 г., последующие до 1927 г. (115 стр.)

3. «Синтаксис в школе», Харьков, 1915. (31 стр.)

4. «Наш язык». Учебная книга по грамматике для школ I ступени, ч. I. Интонация, ритм, звуки. Книга для ученика, 1922; изд. 2, 1924 (122 стр.); изд. 3, 1925 (214 стр.); последующие до 1927 г. (В различных изданиях книга перерабатывалась, дополнялась и исправлялась автором.) Во втором издании книга имела подзаголовок: «Сборник для наблюдений над языком в связи с занятиями правописанием и развитием речи».

5. «Наш язык», ч. II. Учебная книга по грамматике для школ I ступени. Элементы морфологии и синтаксиса. Книга для ученика, 1923. В последующих изданиях книга перерабатывалась, дополнялась и исправлялась.

6. «Наш язык», ч. I, Книга для учителя, 1925. (178 стр.)

7. «Наш язык», ч. II, Книга для учителя, изд. 2, 1925. (296 стр.)

8. «Наш язык», ч. III. Учебная книга по грамматике для школ II степени и рабфаков. Книга для учителя. Заключительный курс, 1927. (270 стр.)

9. «Наш язык», ч. III. (То же содержание, но сокращенное.) Книга для ученика, 1926. (194 стр.)

10. Методическое приложение к книге «Наш язык», вып. 1, ГИЗ, 1923. (120 стр.)

11. «Краткие планы уроков по грамматике» (обучение взрослых). Элементы синтаксиса и морфологии, ГИЗ, М., 1922. (32 стр.)

12. «Первые уроки русского языка». 1-й год обучения, Госиздат, 1928. (94 стр.) Серия книг в соавторстве с Андреевской и Губской.

13. «Первые уроки русского языка». 2-й год обучения. Грамматика, правописание, развитие речи, стиль. Книга для ученика, 1928; 1931. (71 стр.) В том же соавторстве.

14. «Первые уроки русского языка». 3-й год обучения, 1928. (В пятом переработанном издании 1931 г. 126 стр.)

15. «Первые уроки русского языка». 4-й год обучения. (В пятом издании 1931 г. 128 стр.)

16. «Методическое приложение к первым урокам русского языка», ч. 1, 1928. (24 стр.)

17. «Синтаксис» (ступени самообразования, ступень 3-я), «Работник просвещения», М., 1930. (52 стр.)

18. Краткие планы уроков по грамматике (обучение взрослых), ч. 1. Элементы синтаксиса и морфологии применительно к программе рабочих факультетов, Госиздат, М., 1922, стр. 32.

19. «Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика». Сборник статей, ГИЗ, М.—Л., 1925. (190 стр.)

20. «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики». Сборник статей, Госиздат, М.—Л., 1930. (176 стр.)

21. «Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы», М., 1927. (67 стр.)

22. «Синтаксическая система А. М. Пешковского в кратком изложении» (по «Русскому синтаксису в научном освещении»). Автор книги Н. Р. Грацианская, редакция А. М. Пешковского, М., 1930. (120 стр.) (Мы условно включаем книгу в этот список, имея в виду редактирование ее Пешковским¹.)

23. «Научные достижения русской учебной литературы в области общих вопросов синтаксиса», Прага, 1931.

6) СТАТЬИ

1. «Ответ на рецензию Е. Ф. Будде» (о «Русском синтаксисе» Пешковского). «Журнал министерства народного просвещения», 1915, № 4 (апрель), стр. 405—422.

2. «Вопрос о вопросах», «Родной язык в школе», 1919—1922, кн. 1, стр. 25—31; 1923, кн. 3, стр. 52—57; см. также «Сборник статей», 1925.

3. Рецензия на книгу М. Н. Петерсона «Очерк синтаксиса русского языка», «Печать и революция», 1924, кн. 2, стр. 242—246.

4. «Правописание и грамматика в их взаимоотношениях в школе», сборник «Родной язык в школе», 1924, кн. 6, стр. 78—87. См. также «Сборник статей», 1925.

5. «Объективная и нормативная точка зрения на язык», сборник «Русский язык в школе», вып. 1, 1923, стр. 18—32. См. также в «Сборнике статей», 1925.

6. «В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?», «Знамя рабфаковцев», 1924, № 1—2, стр. 30—43. См. также в «Сборнике статей», 1925.

7. «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?», «Родной язык в школе», 1926, кн. 11—12, стр. 124—140. См. также «Вопросы методики» (сборник статей), 1930.

8. «Роль грамматики при обучении стилю», «Родной язык в школе», 1927, кн. 1, стр. 268—278. См. также сборник «Вопросы методики», 1930.

¹ Весь стиль книги позволяет предполагать, что книга эта является, в сущности, трудом самого Пешковского.

9. «Ответ на статью С. И. Карцевского», «Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского «Наш язык», «Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 2, стр. 49—57.

10. «Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения», «Проблема научной педагогики», сборник второй Научно-педагогического института методов школьной работы, 1929, стр. 76—87. См. сборник статей Пешковского, 1930.

11. «Еще к вопросу о предмете синтаксиса», «Русский язык в советской школе», 1929, № 2, стр. 47—59.

12. «Зачем нужен учет орфографических ошибок?», «Русский язык в советской школе», 1929, № 4, стр. 78—96. См. также «Сборник статей», 1930, стр. 61—82 (статья под названием «Цели и методы учета орфографических ошибок»).

13. Рецензия на книгу А. В. Миртова «Рабочая книга по грамматике и правописанию в связи с развитием речи», «Русский язык в советской школе», 1930, № 6, стр. 173—176.

14. «Новые принципы в пунктуации» (по поводу проекта Главнауки), «Русский язык в советской школе», 1930, № 4, стр. 130—147. Эта статья под псевдонимом «Парамонов» фактически принадлежит Пешковскому, как о том свидетельствует проф. С. И. Абакумов (бывший в то время председателем комиссии Главнауки). См. Известия АПН РСФСР, № 10, 1947, стр. 54.

15. Рецензия на книгу Аванесова, Перльмуттера и Сидорова «Синтаксис, пунктуация, стилистика», «Русский язык в советской школе», 1930, № 4, стр. 215—217.

16. «О грамматическом разборе в V—VII классах средней школы», «Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 3, стр. 7—11 (посмертно напечатанная статья).

17. «Желательные изменения в программе рабочих факультетов по русскому языку». Доклад, читанный 14 июля 1922 г. на конференции рабочих факультетов; тезисы напечатаны в журнале «Знамя рабфаковца», 1922, № 2—3, стр. 60.

18. Рецензия на книгу проф. Н. С. Державина «Основы методики преподавания русского языка и литературы» (ч. II, изд. 3, 1923), «Печать и революция», 1923, кн. 5, стр. 226—228.

19. Рецензия на книгу С. И. Абакумова «Учебник русской грамматики» (ч. I, ГИЗ, 1923), «Путь просвещения», 1924, № 3, стр. 209—211.

20. Рецензия на книгу Ф. Фридлянд и Е. Шалыт «Практическая грамматика русского языка», «Вестник просвещения», 1925, № 1, стр. 114—120.

21. «Понятие отдельного слова». Статья в литературной энциклопедии, изд. Н. Френкеля; см. также статьи на слова: «Слово», «Лексема», «Предложение», «Стилистика» и некоторые другие мелкие статьи.

22. «Грамматика в новой школе», «Шлях освіти» («Путь просвещения»), № 3, 1925, стр. 74—90; это же смотреть в сборниках статей Пешковского за 1925—1930 гг.

23. «Моим критикам» (по поводу статей Б. А. Арнаутова и В. Странена о грамматике в школах), «Шлях освіти» («Путь просвещения»), № 4—5, 1926, стр. 99—110.

24. «Навыки чтения, письма и устной речи в школах для малограмотных», «Путь просвещения на транспорте», № 1, 1925.

25. «Несколько слов о предупредительном диктанте», «Родной язык в школе», 1927, сборник второй, стр. 212—215.

26. Рецензия на книгу Тимченко «Функции генетива» (Известия ОРЯС, 1915; есть отдельный оттиск).

27. Рецензия на книгу А. Б. Шапиро «Грамматика, правописание, пунктуация» (пособие для 1-го концентра школ II ступени, М.—Л., 1928), «Русский язык в советской школе», 1929, № 1, стр. 166—168.

28. Рецензии на учебники по русскому языку: 1) проф. Л. А. Булаховского «Краткий учебник русского языка и правописания» (Харьков, 1923); 2) Н. Бельчикова и А. Шапиро «Грамматика в школе для взрослых» (М., 1923). См. «Знамя рабфаковца», 1924, № 1—2, стр. 219—220.

29. «Реформа или урегулирование?» (по поводу проекта Главнауки о русской пунктуации), «Русский язык в советской школе», 1930, № 3.

30. «Ритмика «Стихотворений в прозе» Тургенева», сборник «Русская речь», под ред. проф. Л. В. Щербы, новая серия, ч. II, Л., 1928, стр. 69—83.

31. Рецензия на книгу Р. Шор «Язык и общество» (изд. 2, «Работник просвещения», М., 1926), «Печать революции», 1927, кн. 3, стр. 176—177.

32. Рецензия на книгу Ф. Коган «Как нужно декламировать стихи» (Госиздат, М., 1927), «Печать революции», 1928, кн. 2.

2. СПИСОК РАБОТ О А. М. ПЕШКОВСКОМ

1. Статьи С. И. Абакумова: «Этюды по формальной грамматике» («Родной язык в школе», 1923, № 3, стр. 42—52); «Как обучать знакам препинания» (критика интонационного метода Пешковского), («Родной язык в школе», сборник первый, 1927, стр. 201—208); «Из итогов дискуссии» (по поводу проекта реформы пунктуации) («Русский язык в советской школе», 1930, № 4, стр. 147—152); «Русская пунктуация» (в сборнике «Вопросы лингвистики и методики русского языка. Методические записки в помощь словеснику средней школы», вып. 1, Гос. пед. институт, М., 1934, стр. 106—141); рецензия на четвертое издание «Русского синтаксиса в научном освещении» Пешковского (журнал «Учебно-педагогическая литература», 1935, № 1, стр. 3—4); «Современный русский литературный язык», 1942, гл. VII «Краткие сведения из истории русской грамматики» (о Пешковском стр. 176—177); «Методика пунктуации» (изд. АПН РСФСР, 1947, стр. 1—39, 115); «Об основах методики пунктуации» (Известия АПН РСФСР, 1947, № 10, гл. IV «Исторический обзор методов обучения пунктуации», стр. 38—55).

2. П. О. Афанасьев, Методика русского языка (гл. III, п. 5 «Вопросы преподавания русского языка в трудах А. М. Пешковского»), изд. 2, 1947, стр. 33—40; рецензия на книгу Пешковского «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики» (сборник статей, 1930) («Русский язык в советской школе», 1930, № 5, стр. 211—212); рецензии на книги Пешковского, Андреевской и Губской «Первые уроки русского языка» («Русский язык в советской школе», 1929, № 3, стр. 164).

3. К. Б. Бархин и Е. С. Истрина, Методика русского языка, 1937, § 9—11 («Формально-грамматическое направление и его критика», стр. 19—27).

4. А. И. Белов, Грамматическая система проф. А. М. Пешковского (автореферат кандидатской диссертации), изд. Московского университета, 1951; «Грамматическая система проф. А. М. Пешковского» (статья в Ученых записках Орехово-Зуевского гос. пед. института, 1955, т. II, стр. 114—157).

5. С. И. Бернштейн, Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского (вводная статья к шестому изданию «Русского синтаксиса» Пешковского), Учпедгиз, М., 1938, стр. 7—42. Эта же статья в сокращении напечатана в журнале «Русский язык в школе», 1939, № 2, стр. 95—109.

6. Е. Ф. Будде, Рецензия на первое издание книги Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» («Журнал министерства народного просвещения», 1914, № 12, стр. 342—355); его книга «Вопросы методологии русского языка», Казань, 1917 (о Пешковском стр. 92—101).

7. Л. А. Булаховский, Рецензия на книги Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» и «Школьная и научная грамматика» (отд. оттиск), 1915; см. также журнал «Наука и школа», 1915, № 1.

8. Д. Н. Богоявленский, Очерки психологии усвоения орфографии, М.—Л., 1948, стр. 19—25 и др. Переиздание этой книги (распространенное и переработанное), М., 1957, стр. 57—70.

9. В. В. Виноградов, глава о Пешковском в книге «Современный русский язык» (М., 1938, ч. 1, стр. 69—85) и многочисленные страницы о Пешковском в его же книге «Русский язык», 1947 (40, 68, 72, 170, 171, 172 и 179, 180, 190, 195, 197, 206, 235, 264, 265, 268, 269, 285, 286, 321, 323, 333, 337—339, 349 и 381, 396, 409 и многие другие); «Русская наука о русском литературном языке» (статья «Роль русской науки в мировой культуре» в Ученых записках

МГУ имени М. В. Ломоносова, вып. 106, т. III, кн. 1, 1946, стр. 107—108); «Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия» (статья в сборнике «Вопросы синтаксиса современного русского языка», 1950, стр. 36—74).

10. Е. С. Истрина, Заметки об учебных книгах А. М. Пешковского «Наш язык» («Родной язык в школе», 1925, № 8, стр. 84—92).

11. С. Карцевский, Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского «Наш язык» («Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 1, стр. 25—45).

12. Д. Н. Кудрявский, Разбор «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского (эта рецензия нигде не напечатана, хранится в архиве Академии наук, фонд Д. Толстого, 1915).

13. М. Н. Петерсон, Рецензия на второе издание Русского синтаксиса Пешковского («Печать и революция», кн. 3, 1921, стр. 230—232); «К вопросу о построении синтаксиса (ответ моим оппонентам Дурново и Пешковскому)» («Родной язык в школе», 1925, № 8).

14. Е. Н. Петрова, Грамматика в средней школе (гл. I, раздел «Методическая система формалистической школы преподавания языка» (Пешковский), стр. 29—43).

15. Прокопович, Методика изучения обособленных определений (Известия АПН РСФСР, № 10, 1947).

16. Д. Н. Ушаков, рецензия на «Русский синтаксис» и «Школьную и научную грамматику» Пешковского (газета «Русские ведомости», 1915, № 91); «Современный конфликт между школьной и научной грамматикой» («Родной язык и литература в трудовой школе», 1928, № 3, стр. 83—90); «Голос учительства по вопросам преподавания грамматики» (там же, № 1).

17. А. Б. Шапиро, За кем идти? (К вопросу о современных грамматических разногласиях в связи с преподаванием грамматики («Русский язык и литература в трудовой школе», 1929, № 6, стр. 100—114); «А. М. Пешковский и его «Русский синтаксис в научном освещении» (вступительная статья к седьмому изданию «Русского синтаксиса», Учпедгиз, М., 1956, стр. 3—6).

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Глава первая

Общественно-педагогическая и научная биография проф. А. М. Пешковского и оценка его наследства лингвистами и методистами

1. Биографическая справка (стр. 5). 2. Краткое описание лингвистических трудов А. М. Пешковского (стр. 6). 3. Краткое описание его методических работ (стр. 9). 4. Несколько замечаний о своеобразии трудов А. М. Пешковского как лингвиста и методиста, о месте его в современной научной грамматике (стр. 12). 5. Оценка наследия А. М. Пешковского в лингвистической литературе и критика критики (стр. 14). 6. Оценка наследия А. М. Пешковского в методической литературе и критика критики (стр. 27). 7. Краткое обобщение (стр. 30).

Глава вторая

Общая характеристика грамматической системы проф. А. М. Пешковского

1. Грамматическая система А. М. Пешковского как закономерный этап в истории развития грамматических учений. Двойственность и противоречивость исходных теоретических предпосылок системы А. М. Пешковского (стр. 31). 2. Вопрос о двух системах А. М. Пешковского (стр. 33). 3. О характере эволюции грамматических и методических взглядов А. М. Пешковского (стр. 38). 4. Круг вопросов для общей характеристики системы А. М. Пешковского (стр. 39). 5. Характеристика общелингвистических и методических проблем в системе А. М. Пешковского. А. О социальной природе языка и его специфике (стр. 40). Б. Предмет грамматики и его отношение к логике и психологии в понимании Пешковского (стр. 43). В. О взаимоотношении методологии и методики в системе Пешковского: а) о терминах «методология» и «методика» (стр. 47), б) о методе систематического изложения истории языка (стр. 50), в) о сущности грамматики и ее связи с семасиологией (стр. 52), г) о взаимоотношении двух аспектов анализа языковых фактов — морфологического и синтаксического (стр. 56), д) учение Пешковского о грамматической форме (стр. 64), е) учение Пешковского о грамматической категории (стр. 78), ж) Пешковский об отправной точке языкового исследования (стр. 80). 6. Обобщения и выводы по содержанию главы (стр. 83).

Глава третья

Учение А. М. Пешковского о словосочетании

1. Словосочетание как реальная синтаксическая единица и ее разработка в научной литературе — краткая историческая и библиографическая справка (стр. 91). 2. Спорные вопросы в проблеме словосочетания (стр. 92). 3. О соотношении учения А. М. Пешковского о словосочетании с современными научными исследованиями проблемы (стр. 94). 4. Слово и словосочетание как первичные и основные проблемы единицы в грамматическом учении А. М. Пешковского (стр. 95). 5. Об отношении внешних, звуковых показателей форм

слов и форм словосочетаний к их значениям (стр. 97). 6. Разграничение понятий «формы слова» и «формы словосочетания» (стр. 97). 7. О взаимодействии ряда факторов в создании форм словосочетаний: бесформенные и служебные слова, порядок слов, интонация и ритм, грамматический ряд и ассоциации (стр. 99). 8. О соотношении вещественных и грамматических значений в формах словосочетаний (стр. 101). 9. А. М. Пешковский о единстве формы и содержания в словосочетаниях (стр. 104). 10. Взаимодействие и взаимообусловленность форм отдельных слов в составе словосочетания (стр. 105). 11. О принципах классификации словосочетаний по значению и о роли словосочетаний в предложении; предикативные и непредикативные словосочетания (стр. 106). 12. О принципах классификации словосочетаний по характеру грамматических связей и отношений в парных словосочетаниях; обратимые отношения между словами и в словосочетаниях (сочинительные) и необратимые отношения (подчинительные) (стр. 111). 13. О словосочетаниях с сочинительной связью (стр. 114). 14. О словосочетаниях с подчинительной связью и их соотношении с второстепенными членами предложения (стр. 117). 15. Основопологающие факторы возникновения словосочетаний (стр. 125). 16. Обобщения и выводы (стр. 128).

Глава четвертая

Учение А. М. Пешковского о предложении

1. Учение о предложении как главное звено грамматической системы А. М. Пешковского (стр. 133). 2. Историческая справка о понимании природы предложения и попытках его определения (стр. 133). 3. Характеристика учения А. М. Пешковского о простом предложении (стр. 137). 4. Учение А. М. Пешковского о сложном предложении (стр. 160). 5. Краткие выводы и обобщения (стр. 172).

Глава пятая

Учение А. М. Пешковского о частях речи

1. Вступительные замечания (стр. 174). 2. Общее понятие частей речи у А. М. Пешковского (стр. 175). 3. О частях речи в их отношении к членам предложения (стр. 181). 4. Система частей речи у А. М. Пешковского (стр. 187). 5. Краткое обобщение (стр. 201).

Глава шестая

А. М. Пешковский о содержании и значении школьной и научной грамматик и их взаимоотношениях

1. Содержание школьной и научной грамматик (стр. 202). 2. Проблема взаимоотношений школьной и научной грамматик (стр. 207). 3. Критика А. М. Пешковским формализма и ультраформализма (стр. 209). 4. Роль А. М. Пешковского в преодолении противоречий между школьной и научной грамматиками (стр. 210). 5. А. М. Пешковский о значении грамматики в школе (стр. 212).

Общие выводы и заключение	218
Библиография	228

Александр Иосифович Белов.
А. М. ПЕШКОВСКИЙ КАК ЛИНГВИСТ
И МЕТОДИСТ.

Редактор *З. А. Богданова.*
Технический редактор *Н. П. Цирульницкий.*
Корректор *Н. Г. Дмитракова.*

* * *

Сдано в набор 14/II 1958 г. Подписано
к печати 26/VIII 1958 г. 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 14³/₄. Уч.-изд. л. 15,3. Тираж 11 000 экз. А08407.

* * *

Учпедгиз, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.
Полиграфический комбинат Саратовского совнархоза.
г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. Заказ 460.

Цена без переплёта 4 р. 15 к.
Переплёт 80 к.

4 р. 95 к.